Г. В. ВЕРНАДСКИЙ

ЗВЕНЬЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

I

ИЗДАНИЕ ЕВРАЗИЙЦЕВ

Г. В. ВЕРНАДСКИЙ

ЗВЕНЬЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

ДРЕВНЯЯ РУСЬ
(До половины XV века).

ИЗДАНИЕ ЕВРАЗИЙЦЕВ
1938

О светло светлая и украсно украшена земля Русьская, и многыми красотами удивлена еси: озеры многыми удивлена еси; реками и кладязьми месточестными, горами крутыми, холми высокыми, дубравами частыми, польми дивными, звериями разлычными, птицами бещисленными, городы великыми, селы дивными, винограды обительными, домы церковными и князьми грозными, бояры честными, вельможами многами, всего еси испольнена земля Руськая, о прававерьная вера християньская!

Слово о погибели земли Русской (XIII в.).

Предполагаемое содержание второго выпуска:

Глава V. Церковь и вера.

Глава VI. Наука и техника.

Глава VII. Литература и письменность.

Глава VIII. Искусство.

Глава IX. Народное образование.

Глава X. Строй ведущих идей.

ВВЕДЕНИЕ.

§ 1. Предварительные замечания.

Кузнец русской культуры — русский народ. Творилась русская культура в определенных условиях пространства и времени, и в этих условиях только и может быть понято ее зарождение и развитие.

Пространство и время в развитии русской культуры, также как и в развитии культуры других людских обществ, представляют не только внешнюю рамку развития, но теснейшим образом связаны с проявлениями внутренних творческих сил — физиологических и духовных, заложенных в самом народе.

Следовательно, три главнейших фактора в истории культуры каждого народа — его творческая жизненная энергия [1]), его месторазвитие и его времяиспользование.

Эти три фактора действуют не независимо друг от друга, а в теснейшей связи и взаимопроникновении.

Так, русское историческое месторазвитие — Евразия, не было дано русскому народу в готовом виде, а

---

1) Жизненная творческая энергия человека корнями связана разумеется с общими процессами становления и развития Жизни и Вселенной.

было им освоено в длительном процессе его истории [2].

Время, как фактор в развитии культуры, использовывалось русским народом не в одинаковой мере, неодинаковым темпом. Периоды застоя или медленного течения прерывались катастрофическими перебоями и взрывами, появлением «революционных» темпов с лозунгами «догнать и перегнать Европу» (Петровская эпоха) или «догнать и перегнать Америку» (Советская эпоха).

Достижения взрывных отрезков времени и самая постановка «революционных» лозунгов возможны были однако лишь в результате предыдущего длительного накопления жизненной энергии в народе.

Так, бурное развитие русской науки, литературы, музыки в XVIII—XIX веках было бы невозможно без предшествующих веков внутренней духовной работы, накопления творческой энергии.

Фактор времени следует учитывать и в смысле относительном, то есть спрашивать себя, в какой мере развитие русской культуры определялось уровнем развития, достигнутым в данную эпоху культурами соседних народов. Отсюда вытекают и вопросы о взаимоотношении и взаимных влияниях культур народа русского и народов соседних.

Поток исторического развития непрерывен. Но чтобы лучше понять и оценить его течение, нужно рассматривать его по частям. Непрерывную цепь истории русской культуры мы должны разложить на отдельные звенья.

---

2) Термин Евразия употребляется здесь в таком же смысле, как и в Начертании Русской Истории (Прага 1927) (в дальнейшем будем цитовать: Начертание), а равно и в Опыте Истории Евразии (Берлин 1934; в дальнейшем будем цитовать: Опыт). Для тех читателей, у кого нет под руками моего Начертания повторю, что под именем Евразии я понимаю совокупность не всей Европы и Азии, но лишь срединный материк или совокупность так называемой «Восточной Европы» и «Северной Азии», т. е. приблизительно территорию бывшей Российской Империи в границах 1914 года.

Развитие русской культуры до 1917 года будет нами рассматриваться в трех отрезках времени: 1) Русь Древняя (до средины XV века); 2) Русь Великая, Малая и Белая (с половины XV до конца XVII века); 3) Россия XVIII—XIX веков (до 1917). С 1917 года начался новый отрезок, который должен подлежать особому рассмотрению.

В пределах каждого намеченного нами периода элементы русской культуры будут характеризоваться не в динамическом, а в статическом отношении. Нам представляется, что таким образом яснее можно запечатлеть итоги культурного развития каждой эпохи.

Предметом нашего рассмотрения являются черты как «материального», так и «духовного» быта. Разделение это конечно вполне условно. Такая «материальная» отрасль культуры, как хозяйство, зависит не только от окружающих «материальных» условий, но в значительной мере от волевой энергии человека, как хозяина. С другой стороны, такая «духовная» отрасль культуры, как религия, приводит часто к созданию ценностей не только «духовных», но и «материальных» — достаточно упомянуть роль древнерусских монастырей в развитии русской хозяйственной жизни.

§ 2. Общие предпосылки развития культуры Древней Руси.

В предлагаемом теперь читателю первом томе нашего обзора мы будем иметь дело с достижениями русской культуры — духовной и материальной — древнего периода, до средины XV века, то есть с историей той эпохи, которую теперь, для согласования с европейской историей, принято называть русским Средневековьем.

До недавнего времени в науке не только европейской, но и русской, принято было на достижения русской культуры не только этого периода, но и последующего,

то есть всей «до-Петровской» эпохи, смотреть несколько свысока. С такой точки зрения написаны, например, известные «Очерки» Милюкова.

С этой точки зрения достижения русской культуры признавались возможными лишь в меру «европеизации» России.

Такой подход к развитию русской культуры прежде всего неисторичен. Нельзя объяснять развитие культуры какого бы то ни было народа только иностранными влияниями. Для развития культуры общества нужна основа, субстанция. На эту основу уже могут действовать «влияния», а в пустом месте и «влияния» были бы бесплодны.

Но независимо от этих общих методологических соображений, нельзя теперь не видеть, что культура Древней Руси была действительно культурою полновесною, значительною, во многих отношениях перворазрядною, а вовсе не какою то полуварварскою «полукультурою», как иногда принято считать.

Если в отношении науки, литературы, музыки, достижения русской культуры XIX—XX веков способны может быть затмить достижения веков предшествующих, то например, русская живопись никогда позже не достигала таких высот, на какие она поднялась в XV—XVI веках, и то же можно сказать и о русской архитектуре.

Да и достижения древней Руси в области литературы или музыки нельзя считать малозначительными. «Слово о полку Игореве» есть литературный памятник силы совершенно необыкновенной. И если еще во времена Пушкина можно было считать, что «Слово о Полку Игореве возвышается уединенным памятником в пустыне нашей словесности» [3]), то в настоящее время мы знаем, что «Слово» создалось в самом тесном взаимодействии с другими замечательными произведениями русской литературы той эпохи.

---

3) Сочинения А. С. Пушкина, изд. под редакцией П. О. Морозова (1887), V, 250.

Что же касается музыки, то например древнерусская народная песня свидетельствует о значительной высоте уровня музыкального творчества народа. Своеобразно развивалось и пение церковное.

Науки естественные и технические были действительно слабо развиты в древней Руси, но то же можно сказать и о средневековой Европе. Руководящая роль в развитии математики и естествознания по крайней мере до XII века принадлежала арабскому Востоку.

Следует однако заметить, что хотя о развитии науки в древней Руси сведений у нас почти не сохранилось, из этого нельзя заключать, что никакой работы не велось. Сложные постройки древней Руси предполагают наличие хотя бы у некоторых русских мастеров серьезных знаний по архитектуре и математике. Точно также, раз в древней Руси проживали и притом иногда подолгу первоклассные восточные врачи, мы можем предполагать, что были у них хотя бы и в малом числе какие-то русские ученики-медики.

Что же касается наук «гуманитарных», то в этой области несомненно в древней Руси были свои творческие работники большого масштаба.

В этом отношении Русь в сущности не отличалась от Византии и Европы. И для Европы и для Византии характерно преобладание «гуманитарных» наук, и прежде всего богословия, над науками естественными.

В области богословия и философии русские той эпохи были учениками прежде всего византийцев. Не отрицая начитанности многих духовных вождей древней Руси в области богословия и философии, «европействующие» наши «гуманитарные ученые» отделываются обыкновенно от своих предшественников словом «начетчик».

Разницу между истинным «ученым» и «начетчиком» не всегда конечно можно провести, но ясно например, что Климента Смолятича (XII век) «начетчиком» назвать нельзя, а надо называть ученым, каким он и был.

иначе вообще мало кого можно было бы назвать ученым для эпохи Средневековья.

Несомненно, что и на всем протяжении древней Русской истории среди духовных руководителей русского народа находились всегда люди, весьма в стиле той эпохи образованные.

Тот факт, что в XI веке на Руси мог появиться такой блестящий мыслитель и ритор, как митрополит Иларион, показывает, что уже к этому времени русская культура достигла значительных высот и что следовательно и языческая эпоха не была так темна, как это обычно себе у нас представляют, в этом отношении уже следуя указке не только «европеизации», а также и своей церковной традиции.

§ 3. Социальные предпосылки развития древнерусской культуры.

Если взятая в целом культура древней Руси по существу своих достижений стояла весьма высоко, то не все социальные круги одинаково в культурном строительстве участвовали.

В наши дни, в России Советской, поставлены цели поднятия масс до высшего культурного уровня, который в данное время может быть достигнут. Ясно, что это долго еще останется идеалом, не претворившимся в действительность. Как бы ни улучшались общие условия быта, разница между «руководящим отбором» и «обывателем» сгладится не скоро, если вообще можно ее сгладить.

В других странах, материально сейчас более богатых, чем Россия, дело по существу обстоит не лучше.

В России Императорской, XVIII—XX вв. различие между «культурным отбором» и «народными массами» было весьма велико, при чем дело было здесь не только в разнице материального благополучия, но и в разнице всего миросозерцания.

Разница между «интеллигенцией» и «народом» Императорской России создалась в Петровскую эпоху. Но идя глубже, мы не можем миновать Никона, потрясшего незыблемость старого обряда, старой веры. А было время, когда и старая эта вера была новой. Христианство Русью принято было оффициально в конце X века, и церковь сьорганизовалась весьма быстро в пределах тогдашних русских княжеств, но фактически еще долго христианство оставалось религией «интеллигентской». Народная вера долго хранила элементы язычества, окрашенные манихейством.

Следует иметь в виду, что миросозерцательный разрыв между верхами и низами русского народа существовал еще до принятия христианства. Возможно, что культ Перуна был принесен на Русь варягами (скандинавский Тор). Лет за двадцать до принятия христианства Владимир произвел попытку установить варяжский языческий культ на более широких основаниях, сделать его общеобязательным. Но было уже поздно.

В раннехристианские времена митрополит Иларион и Климент Смолятич — в известном смысле были такие же «оторванные от народа» интеллигенты XI—XII вв., как Белинский и Грановский в XIX в.

Ведущий культурный слой всегда в России был очень тонок. «Интеллигенция» в узком смысле слова, «книжники», всегда были в меньшинстве, хотя вообще говоря грамотность была в древней Руси гораздо более распространена, чем это часто себе представляют.

Дуализм между «руководящим отбором» и народной подпочвою нам придется еще отмечать неоднократно в ходе нашего изложения. Необходимо однако здесь сделать одну существенную оговорку.

Если «интеллигенция» всегда составляла в России меньшинство, то «народ» был в древности на более высокой степени органического развития, чем в XVIII—XIX вв. К услугам широких народных масс были непочатые богатства отчасти подымавшегося из их собственной среды или во всяком случае ими органически

воспринятого литературно-артистического творчества, — богатства, к XIX веку уже начавшие иссякать.

Имею в виду так называемый «фольклор» — песню, сказку, духовный стих, «гудьбу», — в области литературы и музыки; орнамент, шитье, резьбу по дереву — в области изобразительного искусства. Передвижные товарищества актеров и музыкантов — скоморохи — обслуживали Русь одинаково и городскую и сельскую.

Скоморохи были желанными гостями на княжем и боярском дворе, на купеческой братчине. Но мимоходом они обслуживали все городское и сельское население—людей вообще. Княжеские пиры, на которых выступали скоморохи, были подчас всенародными сборищами [4]).

Русь до-Петровская, а в особенно Русь до-Никоновская, до окончательного установления крепостного права, жила строем несравненно более «демотическим», чем Россия императорской эпохи.

В наивных представлениях славянофилов о древнерусской «общине» наряду с преувеличениями и неточностями много коренной правды. В церковной жизни — приход (в Западной Руси — братства); в земской жизни — старосты и выборные люди; в политической жизни — городское вече (а после, на Москве — земский собор, у казаков — круг или рада); в городской жизни — корпоративные организации (сотни); в дружеском общении — братчины. Таковы устои до-Петровской русской соборности. Основная же ячейка ее — семейная община [5]).

Перечисленные формы демотической соборности играли значительную роль в культурном строительстве древней Руси. Но не менее значительна была роль тех социальных сил, которые стремились подчинить себе

---

4) См. ниже, гл. II, § 5.
5) См. ниже гл. II.

народную соборность. То были: церковь (как учреждение идеократическое), князь (как политическая власть), боярство (как власть социальная).

Сотрудничество, соревнование, иногда открытая борьба всех этих сил кладут свой заметный отпечаток на весь ход развития культуры древней Руси.

§ 4. Восток и Запад в истории древне-русской культуры.

До-монгольская Русь жила в довольно тесном общении с Европой. Достаточно указать на связи торговые. Торговля Руси с Западом не прерывалась однако и позже, только изменились направление и роль торговых путей. В монгольскую эпоху растет значение торговли Балтийской и в известном смысле — Черноморско-Итальянской.

Когда говорят о том, что Русь Киевская, до-монгольская была в более тесном общении с Европой, чем Русь Московская, имеют обыкновенно в виду прежде всего личные и брачные связи русского княжеского рода с европейскими владетельными домами, а также отчасти и церковно-политические сношения с Римом. Отсутствие до средины XI века формального разъединения между Православной и Латинской церквами несомненно способствовало культурным связям Руси с Западом.

Но что представлял собою Запад этого времени? Превосходство Запада над Востоком в смысле науки и техники — дело гораздо более позднего времени. Лишь в XVI или XVII веке можно определенно говорить о научно-техническом превосходстве Европы над Азией, притом все еще с оговорками. В более раннее время не всякий мог бы разглядеть в Европе ростки будущей культурной гегемонии. Правда, XIV и XV века были свидетелями блестящих достижений европейской мысли и техники. Но и Восток, хотя бы му-

сульманский Восток, в это время жил творческой жизнью. Если же итти еще далее вглубь веков, то до XII века (как было уже выше упомянуто) мусульманский Восток бесспорно превосходил Европу в культурном отношении. Лишь восприняв научные достижения арабского Востока могла позже подняться Европейская наука.

Можно согласиться (с оговорками), что Русь была в Киевскую эпоху в более тесном общении с Западом, чем в Московскую. Но как видно из только что сказанного, культурные выгоды такого общения именно в Киевскую эпоху были невелики.

Характерно, что для этой эпохи нет у нас данных, которые бы свидетельствовали о преклонении перед Европой русских в эту Европу попавших. Наоборот, европейские путешественники, попадая в Киев, дивились его роскоши и культурному размаху. Все это указывает на то, что не общение с Западом лежало в основе культурного расцвета, который заметен был на Руси в Киевскую эпоху.

Наоборот, влияние Запада было в это время во многих отношениях разлагающим и огрубляющим. Феодальные нравы западного рыцарства, кладя свой отпечаток на политическую жизнь нынешней западной Украйны (Галичины, Волыни), способствовали дезинтеграции там политического порядка и спокойствия, усиливая элементы усобицы и неустойчивости. Варварский обычай «поля» (судебного поединка) узаконивается в русском праве под прямым влиянием права немецкого. Характерно, что «поле» появляется в русском законодательстве именно в северо-западной Руси (Смоленский договор с немцами 1229 г., Псковская Судная Грамота).

Итак, если Киевская Русь достигла блестящего культурного цветения, то это была не благодаря западным влияниям, а скорее уж несмотря на них, а также благодаря тому, что Русь этой эпохи была открыта для культурных влияний со стороны Византии и Востока.

Удельный вес западных и восточных культурных влияний на древнюю Русь становится более ясным, если обратиться к свидетельствам языка. В развитии русского языка (первоначально — языка восточнославянских племен) несомненно наличие влияний шедших как с Запада, так и с Востока. Но нетрудно заметить, что восточные влияния были шире и глубже [6].

Почвою для языковых влияний служило уже самое месторазвитие восточных славян. Как бы ни решать вопрос о славянской прародине, во всяком случае вероятно, что славяне издавна занимали бассейн среднего Днепра и правых его притоков, а отдельные группы восточных славян заходили конечно далее на восток и юго-восток, расселяясь на территории, где политически господствовали другие народы и создавались финские, иранские, туркотатарские племенные союзы и государственные образования [7].

С ранних времен нашей эры на территорию Западной Евразии проникали также отдельные группы германских и скандинавских племен (готы, позже варяги и т. д.). Немецкие и скандинавские купцы и дружинники должны были конечно принести с собою ряд терминов технических и военных. Слова немецкого корня проникали в русский язык также из западнославянских языков. В общем однако русских слов заимствованных в древний период из германских языков не так много [8].

В виду тесных сношений древней Руси с Византией неудивительно наличие в русском языке греческих

---

6) Под восточными элементами в русской культуре разумею влияния не только туркомонгольские, или семитические, но также влияния арийского Востока — Ирана и Индии.

7) Ср. подробное ниже в гл. I, п. 1 «Страна и население».

8) Лишь в Петровскую эпоху начинается то наводнение немецких и голландских (также английских и французских) слов и терминов, которое значительно перестроило на западный лад словарный состав русского литературного языка.

влияний. В особенности важно, конечно, влияние строя греческого языка на русскую богословскую литературу. Известное влияние оказал и латинский язык — в особенности через посредство Западной Руси.

Несомненны также некоторые словарные заимствования из южных (болгарского, позже сербского) и западнославянских (в особенности польского языков [9]). Считаю все же, что влияния восточные на русский язык в древний период были более значительны и, помимо словарных заимствований, наложили большой отпечаток на самый строй русского языка.

Еще до распадения славянской семьи народов на отдельные ветви славяне должны были подвергнуться значительному влиянию восточных народов. Финны издревле занимали весь север и северо-восток доуральской России. Иранцы (скифы, сарматы, аланы) в течение более, чем шести веков после начала н. э. господствовали в степях северного Причерноморья. Турецкие племена вдвинулись в клин северного Причерноморья в составе гуннских полчищ, а позже одна волна сменяла другую (авары, хозары, болгары).

Некоторые восточные элементы русский язык унаследовал еще от пра-славянской эпохи вместе с другими, позже обособившимися славянскими языками. Так слово *клобук* (от турецкого *колпак*) имеется не только в русском, но и в большинстве славянских языков, включая и западнославянские (польское klobuk, чешское klobuk). Много позже, новой волною общения между русским и турецкими народами в русский язык принесено было слово *колпак* на этот раз в форме тождественной с турецким оригиналом.

---

9) Из довольно обширной литературы об иноземных заимствованиях в русском языке ср. напр. LouiseWanstrat, Beiträge zur Charakteristik des russischen Wortschatzes. (Leipzig, 1933). Там же подробная библиография. Ср. также сравнительный словарь славянских языков Миклошича (F. Miklosich, Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen (Wien, 1886).

От иранского *тебер* [10]) (быть может через турецкое посредство) в славянские языки проникло слово *топор* [11]). Примеры эти можно было бы и значительно приумножить, но в этом нет особой надобности.

Другая группа восточных слов заимствована не всеми славянскими языками, а лишь восточно- и южнославянскими. Заимствования этого порядка относятся к периоду VI—VII веков, когда и северное и западное Причерноморье одинаково попали под власть народов турецкого корня (хазары, авары, болгары). К этому времени относится например проникновение в южно- и восточнославянские языки слова *сан* от соответствующего турецкого (честь, почет, достоинство), ср. русское присаниться.

Повидимому к этой же эпохе относится и заимствование в южно- и восточнославянские языки слова *чертог* от персидского (перешедшего и в турецкие языки) слова *чартак* (портик, балкон). Значительно позже в русском языке появляется это слово и в другой форме (*чердак*), в ином уже значении, чем *чертог*.

Века хазарского владычества, а затем эпоха печенежских набегов и эпоха половецкая принесли в русский язык ряд дальнейших заимствований из турецких языков. Сюда относятся такие слова: как *баты*,

---

10) Как иранские так и турецкие слова для удобства в типографии и читателя передаю русскими буквами. Иран (Персия) пользуется до сих пор арабским алфавитом. Турция перешла на латинский алфавит. Замечу кстати, что и для иранских и для турецких языков русский алфавит мне представляется более подходящим, чем латинский. Чуваши уже и сейчас пользуются кириллицею. Большой вопрос, не целесообразнее ли было бы другим турецким народностям Советского Союза, латинизовавшим свой алфавит, перейти на алфавит русский.

11) Эти примеры, равно как и часть далее следующих, заимствованы у Миклошича, „Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen" (Denkschriften der K. Akademie der Wissenschaften, Philos.-hist. Classe, томы 34, 35, 37, 38, 1884—1890).

бесурменин, бисер, ватага, кумыс, курган, лошадь, товар (первоначально в смысле скот), *шатер* (с персидского), *япончица* (епанча), *яруга* (овраг, яр).

Монгольское завоевание имело одним из своих последствий принудительное общение русских людей с тюрко-татарами, которое позже сменилось эпохою общения добровольного (проникновение русских купцов и промышленников, позже земледельцев на Восток).

Результатом было обогащение русского словаря длинным рядом турецких (также монгольских и персидских) слов и терминов. Здесь не место пытаться дать сколько нибудь полный список этих заимствований, но небезынтересно все же привести несколько примеров в качестве иллюстрации.

Заимствования касаются самых различных областей народной жизни и быта, как-то общественного строя (очаг, хозяин, боярин, казак, пай и т. д.); финансов (казна, деньги и пр.); вооружения и военного быта (булат, булава, палаш, табор и пр.); средств передвижения и дорожных вещей (телега, арба, кибитка, вьюк, торба, сундук, чемодан и пр.); коневодства, збруи и масти лошадей (аркан, чепрак, табун, буланый, бурый, караковый и т. п.); торговли и товаров (барыш, базар, магазин, тамга, аршин, десть, атлас, бязь, кумач и др.); жилища и построек (амбар, сарай, чердак, кирпич и др.); домашней утвари (бадья, шайка, кувшин, утюг, тюфяк, графин, стакан, кубок, булавка и т. п.); одежды и обуви (башлык, шапка, куртка, кафтан, халат, кушак, шаровары, штаны, башмак, чоботы, калоши и пр.); кушаньев и напитков (калач [12]), лапша, борщ, буза, чай и пр.); огородничества, и огородных растений и растений вообще (баштан, бахча, арбуз, кавун, фасоль, камыш, чинара и пр.); минерального царства (металлов и драгоценных камней): жесть, чугун, карандаш [первоначально: графит], алмаз, бирюза, жем-

---

12) Калач может быть обратное заимствование — в турецкий с русского.

чут и т. п.; животного царства (собака, баран, барсук, кабан, обезьяна и пр.); из турецкого же заимствованы такие слова и выражения как башка, дурман, изъян, лафа, пустяки, «ни бельмеса не знает» [13]) и т. п.

Влияние турецкого языка на русский выразилось однако не только в словарных заимствованиях. Оно было гораздо глубже и наложило известный отпечаток на самый строй языка — как на морфологию так и на синтаксис.

Приведем опять несколько примеров.

В русском языке имеется аффикс (окончание) — чий, — чей, выражающее понятие ремесла, занятия, профессии, напр. казначей, кравчий, ловчий и т. д. Этот аффикс несомненно возник в русском под влиянием подобного же турецкого аффикса — *джи* или — *чи*, напр. капыджы — привратник, *сютчю* — торговец молоком и т. д. [14]).

Равным образом, уменьшительный аффикс — чик, — чек в русском языке возник под влиянием соответствующего турецкого аффикса. Имею в виду такие русские слова, как, напр. мальчик, ножичек, цветочек и т. п. В турецком языке имеется ряд уменьшительных имен, образованных с помощью того же аффикса. Таковы напр.: *одажык* (комнатка), *евджик* (домик), *чичеджик* (цветочек) и т. п.

Любопытный пример влияния турецкого языка на русский в области синтаксиса я вижу в построениях типа «у меня» или «у меня есть» («находится у меня»).

Русский человек спрашивает: «у кого книга?», в то время, как романогерманец (а также и западный славя-

---

13) От турецкой формы «бильмем», «не знает».

14) Беру эти и некоторые из следующих примеров из «Грамматики современного турецкого языка» Джендет-Заде и Кононова, Ленинград 1934. Следует иметь в виду, что суффикс — чий, — чей имеется и в старославянском языке и следовательно принадлежит к той же группе ранних заимствований, что и чертог.

ний) строит вопрос иначе: «кто имеет книгу?» (who has the book? wer hat das Buch? Qui a le livre? Kdo má knihu?)

Этому соответствует и разница в построении ответов.

Русский человек отвечает: «книга у меня», в то время, как романогерманец и западный славянин отвечают «я имею книгу» (I have the book, ich habe das Buch, j'ai le livre, ja mám knihu).

И вот тут надо отметить, что в русском языке построение совершенно соответствует турецкому. Турок ответит на этот вопрос точно таким же построением фразы, как и русский. Русской фразе «книга у меня» соответствует турецкая «китап бенде дир».

Далее, на вопрос, есть ли у Вас книги? (имеются ли у Вас книги?) романогерманец и западный славянин отвечают по типу «да, я имею книги», в то время, как русский ответит «да, у меня есть книги» и точно так же турок скажет «бенде китап вар».

Сходство в построениях этого типа между русским и турецким языками и наоборот, разница между языками русским и романогерманскими имеет может быть и более глубокие психологические корни.

Под иным, чем в романогерманских языках построением фразы в вопросах об отношении человека к имеющимся в его пользовании вещам, может скрываться совершенно иное психологическое отношение к вещам. В то время как романогерманец даже говоря о хотя бы случайно и на короткое время находящихся в его пользовании вещах выдвигает личию и как бы собственническое притязание («я имею»), русский и турок ограничивается констатированием простого факта, что вещи эти сейчас «у него есть» или «у него находятся».

Влияние Востока на Русь в области языка глубоко проникло таким образом в самую психологию русского народа.

Заимствования же словарные также являются отражением более глубоких влияний на весь строй русского

государства и общества. Неоспоримый факт, что в XIV—XVI веках весь строй управления древней Руси, финансы, военная организация сложились под влиянием монгольско-татарских образцов. Стиль дипломатических документов ранней московской эпохи несомненно развился под влиянием стиля монголотатарских канцелярий. Отдельные черты общественно-государственного строя древней Руси конечно и ранее монгольского периода отразили собою влияние Востока.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ХОЗЯЙСТВО.

§ 1. Страна и население.

В широком историческом смысле, как было уже сказано, месторазвитием русской культуры и русского народа является вся Евразия.

В узком смысле, в приложении к русскому средневековью, т. е. к эпохе до середины XV века, месторазвитием русского народа, а следовательно и начальной фазы русской культуры, служила территория, приблизительно соответствовавшая доуральской России, т. е. Западной Евразии. Следует, впрочем, иметь в виду, что в северной полосе русские проникли за Камень, т. е. Уральский хребет уже в XIV—XV веках; с другой стороны среднее течение Волги лишь во второй половине XV века приведено было в некоторую политическую зависимость от русского государства (включено в состав русского государства лишь в средине следующего столетия, а именно в 1552 году); нижнее же течение Волги, хотя ненадолго и захвачено было русскими в X веке, было затем потеряно и вновь добыто лишь в 1556 году.

Если, однако, территория, занятая русским населением в древний период его истории географически была уже, чем в новый период, то культурно-исторически эта территория уже и в древний период связана была со всей Евразией. Если русский народ Восточную Евразию в это время еще не освоил (а Средней Евразии лишь в слабой степени коснулся), то наоборот, народы Средней и Восточной Евразии (иранцы, турки, монголы) волна за волною проникали в Евразию Западную.

Словом, Западная Евразия в смысле этническом и культурно-историческом представляла собою в древний период русской истории как бы всю Евразию в концентрированном виде. Месторазвитие русского народа в древний период его истории может поэтому быть названо Малой Евразией в отличие от позднее освоенной Евразии Великой.

Освоение Малой Евразии русским народом явилось результатом длительного колонизационного процесса. Прародиною восточных славян можно, с оговорками, считать Среднее Поднепровье, в особенности же бассейны правых притоков Днепра. Около V века славяне появляются на Дунае, и на низовьях Дуная можно предполагать стоянки предков именно восточной отрасли славян [15].

Малая Евразия, или во всяком случае часть ее — Причерноморские степи, политически в течение ряда веков (приблизительно от VII века до н. э. вплоть до III века после н. э.) была организована иранцами (скифы, сарматы, аланы).

Иранскому владычеству было в эту эпоху подчинено и Среднее Поднепровье, т. е. предполагаемая прародина восточных славян. Можно думать, что, пользуясь установленным иранцами объединением причерноморских степей (Pax Scythica), славянские поселенцы или целые группы их начали тогда же проникать в местности к востоку от Поднепровья. Об этом, конечно, можно толь-

15) Ср. Начертание, 29; Опыт, 37.

ко догадываться. Но если в позднейшее время (XI—XII века) остатки иранских племен держались еще в ославянившейся к тому времени Киевщине и Черниговщине, то нет ничего невозможного в том, что в более древнюю эпоху, наоборот, славянские поселки и общины вклинивались в территорию заселенную в общем иранцами.

Иранская эпоха наложила неизгладимый отпечаток на географическую номенклатуру Западной Евразии. Так, например, в названиях многих русских рек явственно проступают иранские (или иранизованные) корни: Дон (древне-иранское *дан*, река), Днестр (*данистр*), Цна (Сна; Сина иранское название Дона) 16). *Др. дар* как составная часть некоторых русских географических названий идет от иранского *дар* (море, озеро, большая река, ср. Аму-Дарья).

В Иранскую эпоху заложены были, конечно, и основания политической и общественной организации восточно-славянских племен, продержавшиеся сквозь смуты готско-гуннского периода (III—V века) и отчасти потом вновь утвержденные хазарами (VI—IX века). Так, например, считаю вероятным к иранской эпохе относить создание податной общины (позднейшей ветви Русской Правды), «людской» общины («люди» Русской Правды).

Славянскому термину «люди» в Иранскую эпоху вероятно соответствовал термин «мерды» (иранское *мерд*, человек, людин). Этот термин сохранился в Киевской Руси в виде «смердов». Возможно, что здесь мы имеем пример русского народного осмысления чужеязычных терминов. Общины «смердов» в Киевскую эпоху стоят на низшей социальной ступени, чем общины «людей».

Уничтожению социальному должно было соответствовать и уничижение терминологическое. Иран-

16) См. ряд других примеров у Соболевского, Русско-скифские этюды. Известия О. Р. Я. С., XXVII.

ский термин «мерд» мог быть в смысле уничижительном осмыслен от славянского глагола «смердеть» [17]. Примеров такого русского народного осмысления иностранных (а подчас и русских) слов, имен и фамилий можно, разумеется, привести сколько угодно. Покойный А. П. Кадлубовский рассказывал мне, что старая нянюшка в их семье, жившей тогда в Крыму, гору Чатыр-Даг называла просто Чердак («Арсений-то Петрович опять на свой чердак полез»). Выходцы шотландской семьи Hamilton в России стали называться Хомутовыми. Мне говорили, что когда покойный А. А. Корнилов (историк) ездил в 1891 году на голод в Тульскую губернию открывать столовые, в народе его звали Кормилов («кормит народ»).

Если считать, что расселение восточных славян по Западной Евразии происходило, в известных пределах, еще в Иранскую эпоху, то можно думать, что некоторые славянские поселения к востоку от Поднепровья удержались и в готско-гуннскую эпоху. Славянские отряды, конечно, были в составе гуннских полчищ.

Однако, лишь в Хазарскую эпоху, когда опять, как и в эпоху Иранскую, в Западной Евразии установился более прочный политический строй, славянское расселение могло возобновиться более интенсивно. С VI века расселение восточных славян шло неудержимо по бассейнам рек Днепра, Дона, верховьев Западной Двины, Волхова, Оки и Верхней Волги, а позже и Двины Северной. Захвачены были восточно-славянской колонизацией также и побережья морей Черного (в северной части) и Азовского, откуда однако позже русские вытеснены были степняками-половцами [18].

Трудно определить, хотя бы приблизительно, численность восточно-славянских (русских) племен в различ-

17) Соблазнительна была бы мысль видеть и в таком, например, сочетании, как «худой смерд» осмысленное и уничижительное отражение иранского мерд-и-Худа, человек Божий.

18) Ср. Начертание, 33 сл., 43 сл.

ные моменты древнего периода. Огромная территория заселена была славянами далеко не сразу и не сплошь. На севере славянские поселки были первоначально лишь островками в финском море; на юге — в море турецком [19])

Считаю однако весьма важным высказать некоторые свои соображения о числе населения Средневековой Руси — пусть это будет только лишь предварительный подход к вопросу. Число населения является конечно одним из основных показателей исторического процесса. С другой стороны выяснить число населения важно для определения удельного веса русского народа в тогдашней международной обстановке.

Приведем прежде всего, для соображения, несколько цифр, касающихся населения Средиземноморья, Ближнего Востока, а также и Средневековой Европы.

В Римской Империи в период ее наибольшего распространения нужно считать не менее 80 миллионов населения. В Византийской Империи VI века (эпохи Юстиниана) можно считать до 25 миллионов. Для преемницы Византийской Империи — Империи Османов следует, по всей вероятности, принять цифру населения, значительно меньшую, чем для Империи Юстиниановской эпохи. В пределах Османской Империи XVI в. проживало вероятно до 15 миллионов.

Средневековая Европа: для Англии в первой половине XIV века (до эпидемии так называемой Черной Смерти) принимают четыре-пять миллионов жителей. Во Франции эпохи Карла Великого (VIII—IX века) предполагают около восьми миллионов. Во Франции первой половины XIV века (до Черной Смерти) считают около 25 миллионов.

---

19) Сохраняю термин «турецкие» (а не «тюркские») народности, как принятый в русском востоковедении. Следует заметить, что собственно турки, которых в русском востоковедении принято было, по исторической их традиции, называть османами, теперь от этой традиции и от этого названия отказались и называют себя просто «тюрк».

Относительно немецких земель можно думать, что в X веке население их превышало 3 миллиона; в XI — составляло от 5 до 6 миллионов; в XII — от 7 до 8 миллионов (расчет Кётке); в первой половине XIV в. (до Черной Смерти) — около 12 миллионов; в конце XVI в. — до 15 миллионов (расчет Шмоллера) [20]. Население Чехии в начале XVII столетия составляло около трех миллионов, население Польши в XVI в. (включая украинские земли Короны) доходило, вероятно, до четырех миллионов.

Обращаемся теперь к России. О количестве населения древней Руси — как и о населении немецких земель в Средние Века — точных данных нет.

В Энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона, в статье «Население» (полутом 40, страница 631) приводятся для России следующие цифры населения: конец XVв., 2,1 миллиона; конец XVI в. 4,3 миллиона. М. В. Довнар-Запольский (основываясь отчасти на соображениях П. П. Смирнова) считает, что в пределах Московского Государства средины XVI века жило около двух миллионов человек, а в конце XVI в. — около трех миллионов [21].

Цифры эти я считаю безмерно преуменьшенными. Действительная цифра населения тогдашней России была конечно больше.

По расчету П. Н. Милюкова ко времени смерти Петра Великого (1725) в России было около 13 миллионов жителей. Эта цифра может считаться установленной прочно (ибо основана на правительственных ревизиях для подушной подати, с соответствующими поправками). Исходя из этой цифры П. Н. Милюков рассчитывает, что ко времени смерти царя Алексея Михайловича (1676) в России было около 16 миллионов жителей. К концу XVI века, по мнению того же иссле-

---

20) P. A. Sorokin, Social and Cultural Dynamics, III (1937), 343—344.

21) Довнар-Запольский, 57 сл.

дователя, в России было до 15 миллионов. Цифры П. Н. Милюкова может быть, для XVI—XVII веков, преувеличены. П. П. Смирнов считает для 1678 г. в Московском Государстве (без Украины) всего лишь 6.573.000 жителей [22]). Но его расчеты мне кажутся преуменьшенными. Думаю, что для средины XVII в. можно принять от 10 до 12 миллионов. В конце XVI века перед смутою население в Московском Государстве было вряд ли меньше, чем в половине XVII в. Приблизительно можно принять цифру 10 миллионов.

Нужно иметь в виду, что эта цифра относится лишь к той части русского народа, которая проживала в пределах Московского Государства. К этому следует прибавить численность другой части русского (украинского, белорусского) народа, жившей в пределах Польского и Литовского государств.

По расчетам польских историков население русских земель Короны в XVI веке (Полесья, Червонной Руси, Волыни, Подолья и Украины) составляло около 1.743.000 чел. [23]).

К этому надо прибавить русские земли Великого Княжества Литовского. Население их было во всяком случае несколько сот тысяч человек [24]). Можно думать таким образом, что в XVI веке русское население Речи Посполитой составляло около 2½ миллионов. Складывая цифры для Восточной и Западной Руси, получаем не менее 12 миллионов. Прирост населения со средины XV в. по конец XVI в. не мог быть особенно значителен в виду с одной стороны постоянных войн

---

22) П. Смирнов, Движение населения Московского государства (Русская История под ред. М. В. Довнар-Запольского, II), 67—68.

23) J. Rutkowski, Histoire économique de la Pologne (Paris, 1927), 90.

24) По первому разделу Польши в отошедших к России областях Великого Княжества Литовского число населения (по преимуществу белорусского) составляло 1,3 миллиона. Ср. Rutkowski, там же 92.

между Москвой и Литвой и т. д., а с другой благодаря татарским набегам сначала остатков Золотой Орды и татар Казанских, а затем Крымских татар на обе Украйны — и Московскую и Польскую. Численность русского народа для средины XV века не могла быть поэтому значительно меньше, чем в конце XVI в. Можно принять для средины XV века, как приблизительную цифру девять или десять миллионов.

Нужно иметь в виду, что для конца XV в. у нас есть более определенные данные по Новгородской области. Исследователь Новгородских писцовых книг А. М. Гневушев, произведя подсчет по трем (из пяти) новгородским пятинам определил число семейств живших на этой территории почти в 70 тысяч семейств или (считая в среднем по 6 человек на семью) ок. 416.000 душ [25]).

Если к этому прибавить городское население Новгорода, а также население двух оставшихся пятин, то эту цифру нужно удвоить. Но больше того. К концу XV века, после Московского погрома, население Новгорода и Новгородской области уменьшилось. Следовательно для средины XV в. мы должны считать не менее 1 миллиона. При расчете 1 миллиона населения для Новгородской области общая цифра населения Руси Восточной и Западной в это время вероятно и должна была быть миллионов девять или десять.

Если теперь от средины XV века итти вглубь, то и там нельзя предполагать особенно резких перемен в численности населения, благодаря тому же факту, что прирост населения сводился часто почти на нет страшными эпидемиями, неурожаями, а также разорительными войнами и усобицами. В средине XIV века Русь подверглась так называемой «Черной Смерти» [26]). В

---

25) Гневушев, 157.

26) Исследователи истории Англии и Франции считают, что в этих странах Черная Смерть унесла от ⅓ до ½ населения. Следует иметь в виду, что в наших летописях отмеча-

1237—1240 годах прокатилась первая, особенно разрушительная волна монгольского нашествия. Перед этим — бесконечные княжеские усобицы и половецкие набеги.

Соображая все сказанное, думаю, что в XII веке общая численность русского народа может быть принята около семи или восьми миллионов. Итти дальше вглубь веков было бы уже пожалуй слишком рискованно. В виде ориентировочного предположения можно лишь сказать, что в X веке численность населения была вероятно значительно меньше, чем в XII, а в VIII веке — значительно меньше, чем в X-м.

Из всего этого можно сделать вывод, что Древняя Русь уже по самой численности своего населения была для своей эпохи и в сравнении со своими соседями социальным организмом весьма сильным и значительным. Правда, население древней Руси было вдвое меньше населения средневековой Франции. Но если сравнить Русь с немецкими землями, а также с Польшей, Чехией и т. д., то отношение будет для Руси более благоприятным.

По своим физическим качествам русское население древней эпохи вероятно значительно превосходило нынешнее. И мужчины и женщины были рослыми, сильными, здоровыми. До некоторой степени о физической силе и здоровье древнерусского населения можно судить не по населению внутренних губерний России XIX или начала XX века, а по казачьим войскам Юго-востока России.

Духовные способности русского народа той эпохи, как видно будет и из последующих глав о духовной культуре русского средневековья, следует также признать весьма замечательными.

Страна, в которой расселились восточные славяне была, по природным своим свойствам, также значи-

---

вится эпидемии взрослого населения, а эпидемии детские (часто сопровождавшиеся громадным процентом смертности) не отмечаются особо.

тельно богаче нынешней территории доуральской России. Хоть страна эта не была совершенно девственной, т. к. человек в ней жил с давнего времени — финны на севере, иранцы — на юге — все же страна эта была еще к моменту славянского расселения лишь в слабой степени использована человеком.

Девственная тайга занимала большую часть площади Русского Севера. Даже в области смешанных лесов расчищены были для земледелия лишь небольшие участки. Леса преграждали сообщение из Верхнеокского края в среднее Приднепровье и из Черниговщины в Киевщину: былинный богатырь Илья Муромец должен был очищать путь через леса от засевшего там Соловья Разбойника.

В девственных дебрях леса основан был город Брянск (имя которого происходит из Дебряска). Лес держался островами во многих местах, по балкам (оврагам) в степном море, к югу от южной «границы» лесов (границу эту условно можно принять по линии Киев-Казань). Такой лесной остров был например в низовьях Днепра (Олешки). Воспоминание о приморских лесах отразилось в русском фольклоре; отсюда и Пушкинский образ: «у Лукоморья дуб зеленый».

Обилие лесов должно было отражаться на климате (бóльшая влажность). Реки той эпохи без сомнения значительно полноводнее нынешних.

Распахана была лишь часть лесостепья (полосы по границе между лесом и степью). Целинные ковыльные степи («поле») тянулись сплошь между Киевщиною и Черным морем.

Деятельность человека за ряд веков после расселения восточных славян по доуральской равнине постепенно меняла лик земли. Это сказалось особенно на лесной полосе средней и северной России. Неприкосновенность степей охранялась кочевниками. Русскому поселенцу приходилось жечь лес и расчищать его под пашню.

§ 2. *Использование естественных богатств страны* [27]).

Расселившись по широким равнинам До-Уральской России восточные славяне стали понемногу осваивать естественные богатства своей страны. Хозяйственная деятельность восточных славян шла, вероятно, отчасти по налаженным еще в Иранскую и Финскую эпоху образцам. Частью же русские славяне явились пионерами-зачинателями новых промыслов и трудов.

Для удобства обозрения деятельности русского народа по использованию природных богатств страны, рассмотрим сперва промыслы лесные, а также и степные, затем речные и морские. О земледелии и скотоводстве, а также и о добыче металлов будем говорить особо в следующих параграфах.

Из лесных промыслов самый важный был — охота, звероловство, также и птицеловство. В русских лесах того времени было такое изобилие зверей и птиц, для истощения запасов которого понадобились века хищнической деятельности человека.

Охотою занимались люди различных сословий и состояний древней Руси. Охота составляла любимое развлечение древне-русских князей; она не раз воспевается в былинах [28]).

Про одного из старших богатырей — Волха Всеславича — поется в былине так:

Дружина спит, так Волх не спит:
Он оборется серым волком,

---

27) О добыче металлов см. ниже § 4.

28) Следует, конечно, иметь в виду, что большинство былин дошло до нас в устной передаче, записанной лишь в XVIII—XIX вв. Часть былин сложилась вообще довольно поздно (XV—XVI вв.), о чем см. ниже в главе VII. Тем не менее в некоторых былинах сохранились конечно и более древние воспоминания, почему в известных пределах и с оговорками в былинах можно искать и отражений довольно раннего быта.

Бегал, скакал по темным лесам и по раменью
А бьет он звери сохатые,
А и волку, медведю спуску нет,
А и соболи, барсы — любимый кус,
Он зайцам, лисицам не брезгливал.

Князь Владимир Мономах в своем «Поучении» детям вспоминает так: «конь диких своима рукама связал есмь в пущах, десять и двадцать живых конь... тура мя два метала на розе (рогах) и с конем; олень мя один бол [бодал], а два лоси — один ногами топтал, а другый рогома бол; вепрь ми на бедре мечь отгрл: медведь ми у колена подклада укусил; лютый зверь скочил ко мне на бедры и конь со мною поверже».

Охота была для князей не одним лишь развлечением; она была важной отраслью княжого хозяйства. У князей были свои охотничьи участки (становища, ловы) и целый штат охотников — ловчих, сокольников, псарей, бобровников и т. п.

Бояре, епископы, монастыри имели свои ловы и своих охотников. Прочее население также занималось много охотою, в особенности на Севере.

Наиболее ценною добычею — игравшею издревле значительную роль в русской внешней торговле — была зверь пушной: куница, соболь, чернобурая лисица, белка, бобр. Бобровые гоны были и в юго-западной Руси и в верхневолжско-окском междуречье, были и в Двинской земле. Куницы водились на всем северном Доуралье, соболи — в Приуралье и Зауралье [29]). Обилием соболей славилась в особенности Югра и Самоядь. Соболи (а также серебро) были главною приманкою, завлекавшею в эти края новгородцев, проникавших к востоку за Северную Двину, вплоть до «Камня» (Уральского хребта) уже в XII веке. В 1160 году Смоленский князь Ростислав дарил Святослава Черниговского «собольми и горностаими и черными кунами

29) См. карту в книге П. Н. Савицкого, Sestina Sveta, 112.

и песцы и белыми волки»: это меха, частью местных, поднепровских пушных зверей, а частью привозные из Новгорода, добытые новгородскими купцами за Северною Двиною (в частности, белый волк это волк тундряной, зверь крайнего Севера).

Техника лесного звероловства и птицеловства состояла преимущественно в употреблении сетей разного рода, как то: тенета, перевес, силец, а также капканов (клящца; позже вошли в употребление кулемы).

Но не только в лесах, а также и в степях держались неисчислимые богатства зверя и птицы. Достаточно перечитать «Слово о полку Игореве», чтобы ясно представить себе богатство степной фауны. «Влъци грозу въсрожать по яругам; орли клектом на кости зверя зовут; лисици брешут на чръленые щиты».

В степной охоте помощником человеку служила преимущественно ловчая птица — сокол и кречет 30), а также и ловчий зверь — пардус (барс).

В упомянавшейся уже выше былине о Волхе Всеславиче поется о соколиной охоте так:

Дружина спит, так Волх не спит;
Он оборется ясным соколом,
Полетел он далече на сине море,
А бьет он гусей, белых лебедей,
А и серым малым уткам спуску нет.

Впрочем в степях русских привлекала не только — или не столько — охота за зверьем и птицею, сколько охота за человеком и накопленными им богатствами. После первого удачного столкновения с половцами воины Игоря Святославича «помчаша красные девки Половецкые, а с ними злато и паволокы и драгыя оксамиты; орьтъмами и япончицами и кожухы начьноша мосты мостити по болотом и грязивым местом и всякыми узорочьи Половецкыми».

30) Кречетом назывался белый сокол.

В другом месте представляет себе певец «Слова о Полку Игореве», как в случае победы русских над половцами невольники и невольницы стали бы дешевы на Руси: «была бы чага по ногате, а кощей по резане».

Монгольское нашествие XIII века закрыло степь для русской охоты и набегов. Хозяином степи стал «царь» — хан татарский и его беи. Царские пардусники имели преимущественное право распоряжаться степными урочищами и угонами.

Возвращаемся однако опять в леса.

Наряду с звероловством и птицеловством большое значение в древней Руси имела добыча меда от пчел — бортничество. Бортные угожья имелись почти во всех лесных областях древней Руси, и мед составлял один из важных предметов русского вывоза. Некоторые племена (древляне, например) и области медом платили дань князю. От дани медом и от своих бортных промыслов князья скопляли большие запасы меду. 5.000 берковцев меду хранилось напр. в 1146 г. в погребах черниговского князя Святослава.

Обилие рыбы в реках и озерах способствовало развитию рыболовства. Рыбу на Руси употребляли в пищу и до принятия христианства, с введением христианства постепенно стал укрепляться обычай постов, что должно было увеличить спрос на рыбу. Из отдельных пород рыбы в памятниках древней эпохи упоминаются короп (карп), карась, линь, осетр. Обычным способом ловли рыбы был ез (или кол) — река перегораживалась перегородкою из прутьев и кольев с вершами, куда загонялась рыба. Ловили рыбу также неводом. Была в ходу и ловля удочкой.

Наряду с речными следует упомянуть о морских промыслах, хотя за этот период русский народ имел лишь ограниченный доступ к морям. От Черного и Азовского морей русских скоро оттеснили, к Морю Хвалискому (Каспийскому) русские проникали лишь во время кратковременных набегов X—XI веков. Балтийского моря русские поселения едва касались (на побережье

Финского Залива). Зато уже и в этот период начали развиваться промыслы на Студеном Море (Ледовитом Океане).

Рыбная ловля на Ледовитом океане имела в этот период лишь местное значение, но добыча моржовых клыков (рыбьего зуба) уже начинала играть роль в новгородской торговле. «Рыбьим зубом» наряду с мехами дарил в 1160 году Ростислав Святослава 31). В средине XV в. в Новгород с Печоры привозили не только рыбий зуб, но также китовое и моржевое сало.

Невозможно учесть хотя бы в приблизительных цифрах итоги добычи зверей, птиц, рыбы и пр. на всем пространстве тогдашней Руси. Одно можно сказать, что добыча эта должна была быть колоссальна, т. к. помимо местного и домашнего потребления большие количества звериных шкур, рыбьего зуба, воска и меда вывозилось к соседним народам.

Следует иметь в виду, что хотя количество населения древней Руси было более, чем в десять раз меньше, чем количество населения на той же территории к концу девятнадцатаго века, но с одной стороны, бо́льшая пропорция населения занималась лесными и степными промыслами, а с другой стороны животные богатства страны были настолько поразительны, что даже при более примитивных технических средствах, общий итог улова и добычи должен был быть весьма внушителен.

§ 3. Земледелие и скотоводство; садоводство и огородничество.

С конца XVIII века основною житницей России является черноземный юг России 32). Этот чернозем

31) См. выше и этом же §.

32) С конца XIX-го века быстро растет земледельческое значение Западной Сибири — для пшеницы — и южного Туркестана — для хлопка.

мог в древнюю эпоху быть использован лишь в малой степени благодаря неблагоприятным политическим условиям — сперва набегам кочевников (печенежский и половецкий периоды), затем постоянной власти кочевников (монгольский период), не допускавшей распахиванья степи [33]. Земледелие должно было поэтому, как уже отмечалось выше, жаться в лесо-степной полосе под защитою укрепленных рубежей (которые начал строить еще Владимир Святой), а также прямо вклиниваться в лесную зону.

Уже в X веке у древлян — живших в пределах лесной зоны — были нивы, как видно по летописному рассказу о княгине Ольге. В дальнейшем, по мере усиливавшейся колонизации лесных пространств как верхнего Поднепровья так и верхнего Поволжья, земледелие все более проникало в лес. Колонизация шла как по почину крупных земельных собственников (князей, бояр, монастырей), так и крестьянским самотеком.

В лесу выжигались и расчищались поляны, пригодные для пашни. Когда земля истощалась, земледелец часто подвигался дальше вглубь леса. Иногда же расчищенное место прочно усвоивалось для земледелия. История многих монастырей Северной Руси хорошо обрисовывает такое превращение лесной тайги в земледельческое поселение.

В лесной глуши отшельником поселился преподобный Сергий Радонежский, но к концу жизни его на месте уединенной лесной кельи уже стоял монастырь окруженный пашнями. Взгляните на миниатюру одного из списков жития св. Сергия, где наглядно изображен рост обители [34]. На первом плане этой миниатю-

---

33) Впрочем, существовавшие пашни не всегда уничтожались. В земле Болховской, напр., монголы не тронули жителей «да им орють (пашут) пшеницу и просо» (Аристов, 62).

34) См. таблицу № 61 в издании «Древне-русская миниатюра», 1933. Большинство миниатюр этого издания — XVI века, но конечно черты быта ими передаваемые относятся и

ры поселенцы вырубают лес и складывают лесные материалы у самых стен монастыря. В левом верхнем углу миниатюры плотники рубят и тешут доски и строят новые здания. В правом верхнем углу миниатюры поселенец сеет зерна на росчисти, а немного ниже изображен уже пышный исход злаков.

С течением времени расчищенные участки леса прочнее осваивались для пашни. От подсечной системы земледелия постепенно переходили к лядинной системе с распределением распаханной площади на три поля (два под злаками и третье под паром). Если в степном хозяйстве основными хлебными злаками были просо, полба, пшеница, то в лесной Руси на расчищенных участках сеяли преимущественно рожь, овес, ячмень. В трехпольный оборот — установившийся к XV веку — вводились только хлебные злаки. Торговые и технические растения (горох, чечевица, конопля, лен), а также корнеплоды повидимому не входили в состав пашенных полей, а сеялись отдельным клином [35])

Урожаи в целинной степи, а также и на лесных лядах при подсечной системе достигали иногда баснословной высоты (сам — 30 и даже больше). Однако с истощением земли урожайность быстро падала и средняя урожайность в XV—XVI веках была разве немного выше урожайности конца XIX — начала XX веков.

Из земледельческих орудий известны плуг, соха (рало), борона, коса, серп. Пахали обычно на лошадях. Владимир Мономах говорил на княжеском снеме (съезде) 1107 г.: «Но се дивно ми, братье, оже смердов (крестьян) жалуете и их коней, а сего не промышляюще, оже на весну начнет смерд тот орати (пахать) лошадью тою, и приехав Половчин... поймет лошадь ту... и гумно его зажжет» (Лавр. 1103 г.)

я более раннему времени, тем более, когда художник сознательно стремился иллюстрировать прошлое, известное ему по преданиям и записям.

35) Ср. Гневушев, 211.

В южной и юго-западной Руси для пахоты употреблялись, впрочем, издавна и волы.

Хлеб, как и в более поздние времена, складывался сперва в копны, затем свозился на гумно и складывался в скирды или в стога. Для просушки хлеба перед молотьбою были овины. Молотили цепами. Обмолоченный хлеб хранился в ямах и в клетях.

Чтобы дать представление о кругообороте сельскохозяйственных работ средневековой Руси, приводим выдержку из грамоты митрополита Киприана 1392 года: «Большим людем из монастырских сел... игумнов жеребей весь ролью орать възгоном, и сеяти, и пожати, и свезти... а пешеходцам из сел к празднику рожь молоти и хлебы печи... на семя рожь молотити» [36]).

Любопытные изображения различных сельскохозяйственных работ древней Руси можно найти в ранне-Московских миниатюрах. Пахота хорошо изображена на одной из миниатюр того же жития св. Сергия, которое выше было уже упомянуто. Пахарь («орач») в онучах и лаптях пашет трехлемешной сохой; соху везут три лошади: одна в кореннике, запряжка дугою и две впереди на постромках [37]).

Посев изображается в одной из миниатюр Хронографа, иллюстрирующей историю Исаака. Исаак сеет вместе с одним из своих рабов. Оба держат коробье или лукошко в левой руке, а правой сеют [38]). Другой раб подносит коробье с зерном. Еще один раб в отдалении развязывает стоящие на поле мешки с зерном и наполняет коробья.

---

36) А. А. Э., I № 11.

37) «Древнерусская миниатюра», таблица № 65 (к сожалению миниатюра понижимому обрезана справа).

38) «Древнерусск. мин.», табл. № 66. Хотя миниатюра эта должна изобразить Исаака, но обстановка и орудия сева, конечно, взяты художником из современной ему русской действительности.

Две другие миниатюры из той же истории Исаака изображают жатву ячменного поля (серпами) и молотьбу (цепами) [39].

Что касается форм землевладения и организации хозяйства, то нужно отметить существование в древней Руси как крупных хозяйств — княжеских, боярских, купеческих и монастырских — так и мелких единоличных хозяйств. Общинного землепользования древняя Русь повидимому не знала. Так называемые «черные земли», принадлежавшие городским и сельским общинам, служили лишь фондом, из которого брали себе участки в пользование отдельные лица, принадлежавшие к общинам.

При обилии свободной земли, первоначальное освоение ее принадлежало обычно захватчику — первому, вложившему свой труд или капитал (в виде труда зависимых людей). Границы земли часто определялись пределами обработки («куда плуг, коса и топор ходили»).

Земли обработанные или заселенные рабочими руками, делались уже собственностью первоначального захватчика и затем переходили путем наследования или покупки. Границы означались межами или гранями.

О размерах княжеских владений можно судить по вкладам в монастыри некоторых князей. Так, князь Ярополк Изяславич «ида всю жизнь [имение] свою, Небльскую волость и Деревскую и Лучскую и около Киева» в Печерский монастырь (Ип., 1158 г.).

Владимиро-Суздальский князь Андрей Боголюбский дал (в 1158 г.) Владимирской церкви имений много: «свободы купленные и с данями и села лѣпшия» (Лавр.). Иван Калита в своей духовной перечисляет села и деревни, которые он оставляет своим сыновьям в вдове. Западно-русские князья и в Киевский и в Литовский период также оставляли своим наследникам большие земельные владения.

39) То же над. табл. № 67.

«Села боярские» упоминаются неоднократно в древне-русских летописях и других современных источниках.

Были земельные владения и у купцов. В 1371 г. нижегородский купец Тарас Петров «купил себе вотчину у великого князя за Кудьмою рекою, на р. Сундовике 5 сел: Садово, Ряховское, Запрудное, Заляпчиково, да Мухарни» [40].

Крупными землевладельцами древней Руси, такие как и европейского средневековья, были монастыри [41]. Уже в Киевскую эпоху некоторые монастыри, как Киево-Печерский имели большие земельные владения. В XIV—XV вв. быстро растет монастырское землевладение в Северо-Восточной Руси (Троице-Сергиев монастырь, Кирилло-Белозерский, Соловецкий и другие). Крупными землевладельцами были в Литовскую эпоху и монастыри Руси Западной и Юго-Западной.

На больших земельных вотчинах древней Руси прямо на хозяина обрабатывалась обычно лишь часть земли. Для этого применялся труд посаженных на землю холопов или зависимых людей (полусвободных — см. о них в следующей главе).

В большинстве случаев однако боярская запашка не была значительна. В организационно-хозяйственном отношении крупная земельная вотчина представляла собою лишь свокупность мелких крестьянских хозяйств, распахивавших боярскую землю и плативших ее-полу.

Трудно учесть объем сельско-хозяйственного производства средневековой Руси. Можно сказать лишь, что в северной (Новгородской) Руси населению своего хлеба не хватало и оно зависело от привоза хлеба «снизу».

Что касается вывоза сельско-хозяйственных продуктов за пределы Руси, то в первоначальной торговле с

---

40) Аристов, 51.

41) На мусульманском Востоке этому явлению соответствуют вакуфы.

греками хлеб не играл большой роли. Позже однако пшеница шла по Черному морю в Царьград. Когда в средине XIV века Литовский великий князь Ольгерд, объединив Западную Русь, утвердился на короткое время на Черном море, русская пшеница стала усиленно вывозиться в Константинополь. Хлеб играл известную роль и в вывозной Балтийской торговле, хотя главными предметами Новгородского сельско-хозяйственного отпуска были лен и пенька.

Переходим теперь к скотоводству, которое, наряду с земледелием, играло немаловажную роль в хозяйстве древней Руси. Разводились лошади, рогатый скот, овцы, козы, свиньи. От половцев, а позже от татар русские отбивали иногда верблюдов, но нет указаний, что верблюд разводился на Руси регулярно.

В отдельных русских хозяйствах, преимущественно княжеских, табуны и стада были иногда довольно значительны. Из летописи известно, что в 1145 г. князья Давыдовичи «заграбиша Игорева и Святославля стада в лесе по Рахни, кобыл стадных 3000, а конь 1000» (Ип.).

В Киеве устраивались иногда конные ристалища. Скаковые лошади назывались фарями [42]).

У московских князей XIV века были довольно большие конские заводы. В духовной великого князя Ивана II (1356) говорится между прочим: «А что моих стад коневых и жеребцов и кобылиц, а то сыну моему князю Димитрию и сыну моему князю Ивану, то им на полы» (СГГД, I, № 25).

Западно-русские князья и паны XIV—XV веков владели также большими табунами и стадами.

В общем однако количество лошадей и скота в древней Руси не было достаточно для потребностей населения и потому должно было постоянно пополняться со степного юго-востока путем торговли — а подчас и гра-

---

42) Фарь — слово арабское. Фарис — всадник, см. напр. известное стихотворение Лермонтова «Три пальмы».

бежа. Кони шли на Русь также из Угрии (Венгрии), которая славилась ими. Угорские иноходцы упоминаются в «Слове о Полку Игореве».

В XIV веке была довольно развита конская торговля с татарами и доход от пошлин должен был быть довольно значителен. «Пятно ногайское» было, как статья очевидно доходная, дано Троицкому монастырю в 1389 г.

Скот составлял видную статью и внутренней торговли. Из Русской Правды видно, что и кони и иной скот продавался на торгу (III, 28-29) [43]. В одном позднем списке Русской Правды вставлен примерный расчет приплода, который нормально предполагался в скотоводческом хозяйстве (III, 47 слл.).

В Псковской Судной Грамоте постановлено — по продаже коровы телят не требовать (П. С. Г. ст. 118).

В больших скотоводческих хозяйствах были особые специалисты, заведывавшие скотом. В княжеских хозяйствах упоминаются конюхи, коневники, овчары. «Старейшина конюхам», «конюх старый», позже превратившийся в «боярина конюшего» был весьма важным лицом в княжеской администрации.

Садоводство и огородничество играли в хозяйстве древней Руси сравнительно второстепенную роль. Можно предполагать, что яблочные и вишневые сады разводились в южной России еще с иранских времен. Общение с Византией должно было дать толчек садоводству. В 907 г. Олег вез из Царьграда на Русь «овощи» (фрукты) как особо ценную добычу (наряду с винами, золотом и тканями).

Позже христианские монастыри на Руси являлись проводниками садоводческой культуры. Известно, что печерские монахи занимались садоводством. Из Печер-

---

43) Русская Правда здесь и в дальнейшем цитируется по изданию Украинской Академии Наук под редакцией С. В. Юшкова (Киев 1935). Римскими цифрами обозначены списки: I — Академический; II А — Синодальный; II Б — Пушкинский; II В — Троицкий; III — Карамзинский.

ского Патерика известно, что некий монах Григорий «имеяше... мал огородец, идеже зелия сеяше и древа плодовита». Известно о существовании садов в Смоленске в XII—XIII вв. (житие преподобного Авраамия Смоленского). В 1259 г. князь Даниил посадил в г. Холме «сад красен». О садах в Новгороде и Москве упоминается в более поздних источниках (XV в.), но конечно сады там были и раньше. Все же вероятно садоводство в южной Руси было более развито, чем в северной. Итальянский путешественник Иоасафат Барбаро, бывший в Москве в 1439 г. жаловался, что «плодов здесь никаких нет, кроме небольшого количества яблоков и орехов».

Что касается огородов и огородных растений, то здесь также нужно отметить культурную роль монастырей. Не только упомянутый монах Григорий, но и другие Печерские монахи еще в XI веке «в ограде копаху зелейнаго ради растения». Огородничество составляло важную отрасль монастырского хозяйства и в северной Руси. Одна из миниатюр упоминавшегося уже выше жития св. Сергия Радонежского изображает работу святого в огороде при монастыре [44]). Св. Сергий вскапывает землю железным заступом. Два богомольца (очевидно из соседних крестьян) смотрят на него с почтительным удивлением. Огород видимо очень обширный, окружен крепким бревенчатым забором.

Огороды были и при многих городах древней Руси. Огородники упоминаются иногда в числе городского или пригородного населения. Огороды обыкновенно разводились «в болонье», на низменных местах близ рек. Огородники продавали выращенные ими овощи на городском торгу. В числе огородных овощей упоминаются репа, капуста, тыква, бобы, чеснок, лук. Около Киева сеяли мак; в Новгородской земле разводили хмель.

---

44) Древне-русск. миниат., табл. № 64.

§ 4. Ремесла и обрабатывающая промышленность.

В наши дни, говоря о промышленности, мы привыкли разделять промышленность на тяжелую и легкую, относя к первой главным образом металлургию и машиностроение, а ко второй — промышленность текстильную, кожевенную, пищевую и т. д. Первая, т. е. тяжелая, промышленность играет преобладающую роль в современной экономике (а в частности, в Советском Союзе).

Не говоря о том, что в Средние Века не было вообще фабричной промышленности в нашем смысле, а могло быть лишь в бо́льшей или меньшей степени организованное ремесло (рукомесло), но кроме того добывание металлов и производство из них металлических изделий далеко не играло в тогдашней экономике той первостепенной роли, какую играет это производство в нынешней экономике.

Тем не менее, в видах удобства единого плана, для бо́льшей возможности сопоставления хозяйства Руси древней с Россией новою и новейшего времени, мы примем для обзора древне-русской промышленной и ремесленной деятельности схему, облегчающую сравнение с последующими периодами.

Порядок нашего обзора будет поэтому такой:

А. Добыча металлов и производство металлических изделий.

Б. Строительная деятельность.

В. Производство и обработка тканей.

Г. Меховое и кожевенное дело.

Д. Пищевая промышленность.

А. Добыча металлов и металлическое производство.

Территория древней Руси богата железом. Правда, по состоянию техники сколько-нибудь глубоко лежащие руды не могли обрабатываться. К услугам населения древней Руси были однако большие пространства

поверхностных, большей частью болотных и озерных, железных месторождений. Эти легкоплавкие руды весьма удобны для обработки.

Русские болотные руды имели основное значение в русской промышленности вплоть до XVII—XVIII веков [45]). В некоторых местностях, как напр. в Устюжне Железнопольской окрестное население использовало эти руды еще в XIX в. Крестьяне собирали беловатую землицу, пережигали в ступках горна, после чего она превращалась в краснобагровую, потом в темносиний крепкий металл [46]).

Разработки поверхностных железистых руд производились почти во всех областях древней Руси — в средней России (б. Московская губерния), на Донце (б. Харьковская), в верхнем и среднем правобережье Днепра, на Волыни, в северном Поволжье (б. Казанская губ.), на севере (Новгородская область). Железный шлак, куски железной руды, остатки тиглей, кузнечные молоты — обнаружены были археологическими раскопками многих древнерусских курганов и поселений времени VIII—X веков [47]).

Любопытно известие Начальной Летописи об ответе, данном полянами хазарам на требование дани: «сдумавше же поляне и вдаста от дыма меч» (Лавр., л. 6). Мечи эти вероятно полянами и выковывались из местной руды. В том, что поляне предлагали хазарам в виде дани продукты своего железного производства, нет ничего удивительного [48]).

---

45) Ср. П. Н. Савицкий, Месторазвитие русской промышленности (Берлин, 1932), стр. 29, 104.

46) Аристов, 112.

47) Ср. Доннар-Запольский, 248 слл.

48) Летописец понимает ответ полян в ироническом смысле, но возможно, что здесь лишь отражение действительно существовавших (более чем за два века до составления Начальной Летописи) отношений. Ср. об этом летописном рассказе Н. Т. Беляев, О булате и харалуге, Recueil Kondakow

Так, позже, в Новгородской области сельское население платило оброк крицами железа, а иногда железными изделиями — сковородами, топорами и пр. 49).

В Новгородских писцовых книгах конца XV в. — начала XVI в. много указаний на развитое железное производство (особенно в Копорском и Ямском уездах). «Домницы» были ценными хозяйственными угодьями этой эпохи. Развилось это производство конечно в гораздо более раннее время. Новгородские «домники» копали руду иногда на своей земле, иногда же арендовали участки земли, богатые рудою, и в этом случае вносили владельцу земли арендную плату частью деньгами, частью железом. Железо мерилось прутами и крицами. В крице было вероятно около 12 пудов железа, а на прут считалось 10 криц.

Железные разработки имелись и на крайнем севере новгородских владений. Так, в одной из Новгородских купчих XIV—XV в. упоминается «два сугреба железа в Неноксе».

Богатство железной рудой ставило древнерусскую промышленность в весьма благоприятное положение. Зато сколько-нибудь значительных месторождений других металлов на территории древней Руси не было. В лучшем положении была древняя Русь лишь относительно соли.

Соль добывалась издревле в Карпатских горах, т. е. в Галицкой области. Галич снабжал солью и Киевщину. Когда в усобице, последовавшей за ослеплением Василька (1097), западно-русские князья «не пустиша гостей [купцов] из Галича... [то] и не бысть соли во всей Русской земли».

Вероятно из-за соляных варниц получил свое название и Галич-Костромской. Соляные варницы там из-

---

(Prague, 1926), 155 сл. Белиен сопоставляет мечи полян с мечами викингов.

49) Гневушев, 71 и 243.

вестны с XIV века. Можно думать, что именно соль и соблазнила Ивана Калиту на покупку Галича.

Соль выварилась также у моря в Крыму и в Северном Поморье. В Уставной грамоте князя Святослава Ольговича, данной Новгородскому Софийскому собору (1137) доход с соляных варниц определяется «на морк от чрена и от салги по пузу». К XV в. соляная промышленность древней Руси получила весьма широкое развитие [50].

При крайней бедности страны другими, помимо железа, металлами, русские должны были зависеть от привоза металлов. Ввозилось, впрочем даже и железо (более крепкие сорта из Скандинавии). Ганзейские купцы доставляли в Новгород сталь, медь, свинец, олово [51]. Лучшего качества сталь — харалуг (черная сталь) — доставлялась с юго-востока (мечи и копья «харалужные» упоминаются в Слове о Полку Игореве). Киев, Чернигов, Владимир-Суздальский — были в этом отношении в более выгодном положении, чем Новгород.

Киев же мог получать из Чехии серебро, а через Чехию или немецкие земли медь из альпийских рудников. Медь могла доставляться и с Востока (самородная медь добывалась издревле в горах Урала, Алтая, в нынешнем Казахстане) [52].

Серебро также шло на Русь с Урала и из-за Урала. Сведения о «закамском серебре» и возможность покупки или конфискации серебра у приуральских племен играли большую роль в Новгородской, а позже Московской политике, и на Камень издавна посылались це-

---

50) Солга — железный котел для выварки соли; чрен или чрен — железная сковорода, куда наливали рассол; пуз — мера, вместимостью около пол-осмины (2 четверика).

51) (См. ниже § 6).

52) В. И. Вернадский. Опыт Описательной Минералогии. I, стр. 433.

лые экспедиции или отдельные военно-торговые отряды.

Золото привозилось на Русь преимущественно из Византии (иногда уплачивалось русским князьям в виде субсидии). Много золота в виде слитков, монеты и изделий должно было добываться путем военного грабежа — во время ранних Каспийских и Дунайских походов, во время набегов на Половецкие степи и Волжских Болгар. Кое-что могло получаться с Востока и путем торгового обмена (через тех же половцев и Волжских Болгар).

При наличии собственных железных руд и благодаря привозу других металлов и металлических изделий, на Руси могли образовываться довольно в масштабе того времени значительные запасы металлов — повидимому главным образом на княжеских складах.

Образование резервных фондов металла позволяло производить в известных размерах также и экспорт металлических изделий для нужд торговли. Известен передаваемый в Начальной Летописи под 1096 г. рассказ новгородца Гюряты Роговича, посылавшего отрока своего в Югру, будто Югра ходят к горам непроходимым, в которых сидят люди «и в горе той просечено оконце мало, но кажуть на железо и помавають рукою, просяще железо, и аще кто даст им нож ли, секиру ли, дають скорою противу» (Лавр.).

Из орудий обработки металлов и кузнечного производства в Древней Руси употреблялись наковальня, молот, клещи.

Предметы выработки металлических производств в древней Руси были следующие: (а) орудия производства, (б) оружие, (в) предметы культа, (г) домашняя утварь и украшения.

(а) Сюда относятся прежде всего земледельческие орудия: рало (плуг), лемехи, коса, серп, а равно и всякие другие орудия, как-то топоры, ножи, заступы, также и для специальных ремесл — плотничье-столярного

(тесло, долото и пр.); кузнечного (наковальня, молот, клещи); солеваренного (сани и цренъ).

(б) На Руси выделывались различные предметы вооружения, как-то мечи, сабли, копья, сулицы, стрелы, также и оборонительное оружие (щиты, шлемы, брони). Однако знатоки предпочитали оружие заграничное. Употреблялось отчасти и оружие западное — сулицы ляцкие, шеломы латинские — но более всего восточное оружие: копия арабытские, шеломы оварские, кончары, сабли и пр. Князь Даниил Галицкий снабдил даже свои лучшие полки одеждой и вооружениями монгольского образца [53].

(в) Важной отраслью производства предметов культа было литейное дело — литье колоколов. Колокола древней Руси были невелики. В 1342 г. новгородский владыка Василий призвал мастера из Москвы, чтобы отлить «колокол велик» к св. Софии. Этот колокол весил однако не более ста пудов [54].

Большинство предметов культа и украшения церквей выделывалось серебрениками, т. е. серебряных и золотых дел мастерами. Известно, что украшены были многие из древнерусских церквей с чрезвычайной роскошью.

(г) Что касается, наконец, предметов домашней утвари и украшения домов, то здесь можно отметить изделия как из железа и меди (посуда), так и из золота и серебра (всевозможные украшения). Последние конечно заказывались главным образом в богатые дома (князей, бояр, купцов).

---

53) См. Г. В. Вернадский, Два подвига св. Александра Невского (Евразийский Временник, IV), 322-323.

54) Ср. с этим колокол отлитый в Москве при царе Алексее Михайловиче в 1655 г. По словам дьякона Павла Алеппского этот колокол весил более 12.000 пудов. См. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию, III (М. 1898), 186 сл.

Ювелирное, финифтяное и сканное дело достигло в древней Руси высокой степени развития. Для украшения одежд употреблялся часто жемчуг. Из драгоценных камней упоминаются сердолик, аспид, лал, алмаз.

Б. Строительное дело.

Территория древней Руси богата была лесом. Припомним, что хотя сплошные леса занимали огромные пространства западной и северной Руси, но и в степной зоне имелись лесные острова, большей частью ныне исчезнувшие. Однако и камнем древняя Русь не была уж так бедна, как это иногда утверждается. Гранит и булыжник были к услугам зодчего в северной Руси. Богаты были камнем Новгород и Псков. Залежи более мягкого известкового камня разрабатывались по крутым берегам Днепра, Донца и Волги. Выходы «белого камня» имеются близ Москвы и Владимира. Для киевского строительства имел большое значение шифер из окрестностей Овруча.

Первоначальные постройки восточных славян были деревянные. Но конечно уже в иранскую эпоху славяне должны были познакомиться с каменными постройками греков на Черноморском побережье. В сколько-нибудь широком масштабе камень однако стал употребляться на Руси лишь со времени принятия христианства.

В X—XI веках воздвигнуты были каменные храмы во многих городах не только южной Руси — в Киеве, Чернигове, Тмуторокани и т. д., но также и на севере — в Новгороде. Несколько позже каменное зодчество началось в Волжско-Окском крае.

Наряду с камнем с раннего времени под византийским влиянием употреблялся и кирпич. На сооружение церквей шел дикий или обтесанный плитняк и булыжник, а по местам кирпич и все это заливалось вязкой известью смешанной с мелко набитым щебнем. Колон-

ны в церквах были частью мраморные, частью кирпичные. Полы делались из каменных плит или кафелей.

При постройке Дмитриевского собора во Владимире (1194—97) выведены были из известкового белого камня две параллельных стены, а промежуток между ними заполнен булыжником, обломками белого камня и залит известковым раствором с примесью ячменной или ржаной мякины. Этот цемент так окреп от времени, что оказался тверже самой стены.

Для жилых построек камень употреблялся в древней Руси в гораздо более ограниченных размерах, чем для церквей. Первоначально лишь Церковь и князья могли себе позволить каменные палаты. Позже начали строить себе каменные дома купцы и бояре. В Киеве еще в X в. был «терем камен» княжеский. В Печерском монастыре в XI в. упоминается трапезница каменная.

Каменные палаты воздвиг себе Суздальско-Владимирский князь Андрей Боголюбский (XII в.). В XIV веку были каменные постройки у купцов и бояр в Новгороде и Пскове. В Москве жилые каменные палаты стали воздвигаться лишь в XV в.

Важною отраслью каменного строительства было строительство крепостное. Камень и кирпич применялся для башен, ворот и укреплений Киева в XI в. Первоначальный Каменный Детинец в Новгороде построен также в XI в. (возобновлен в 1302 г.). Постройка каменного Кремля в Москве относится лишь к 1367 году. В XV в. уже многие русские города и монастыри обнесались каменными или кирпичными стенами.

Техника древне-русского каменьщичества была не особенно сложной. Камни разбивались и обтесывались. Известь и вяжущие составы разводились в деревянных ящиках.

Накладывалась известь лопаточками 55). Строили

55) См. изображение каменьщического дела в московских миниатюрах (Древне-русск. мин., табл. №№ 2 и 5).

быстро, но не всегда прочно. В летописях занесено несколько случаев обвалов недавно построенных церквей.

Несмотря на постепенный рост каменного зодчества, деревянное строительство в древней Руси решительно преобладало. Более просторные деревянные жилые дома (преимущественно князей, бояр, купцов) назывались хоромами. Большинство населения жило в избах [56]). К избе сенями обычно присоединялась клеть — летнее, неотапливаемое помещение, служившая обычно и кладовой. Самые сени в летнее время служили часто приемной комнатой. Вокруг зажиточных домов и в монастырях ставились различные хозяйственные пристройки — хлебни, амбары, подклети, погреба, хлева для скота. Двор обносился тыном, или плетнем.

Из древесных строительных материалов в летописях упоминаются бревна, плахи, доски, тесницы, столпье, колья, брусья, жерди.

Из плотничьих инструментов в ходу были топор, тесло [57]), долото, сверло.

Пила была известна и упоминается иногда в источниках (напр. в «Слове о Небесных Силах» приписываемом Авраамию, XII в.) [58]), но повидимому применялась мало, а в северо-восточной Руси до XVII в. совершенно не была распространена. Зато в обращении с топором русский человек достиг необыкновенной ловкости, употребляя топор и для грубой и для более тонкой работы.

Были попытки применения механической силы к лесопильному делу. Можно думать, что Тартак Корунский

---

56) Изба — от «истопка», собственно теплое зимнее помещение.

57) Теслом называлось насаженное на рукоятку полукруглое долото, употребляемое для обстругивания бревен. Изображение его см. на миниатюре жития св. Сергия № 63 (или 627) (Древне-русск. миниатюра).

58) Аристов, 113.

(Ип. 1195) приводился в движение силою порогов на р. Роси [59].

К плотничьему ремеслу примыкало столярное, бондарное и прочие виды более тонкой работы по дереву, которые были в древней Руси очень развиты. Помимо деревянной мебели (столы, кровати, скамьи, стулья) выделывалась самая разнообразная деревянная утварь и посуда.

Упомянем здесь кстати и о гончарном и стеклянном производстве. Горшечное производство развито было на Руси значительно еще с иранских времен. Стеклянная посуда употреблялась редко; окна древне-русских зданий обычно были слюдяные и лишь в немногих церквах стеклянные, сначала — привозного стекла. Собственное стеклянное производство начало развиваться поздно, в XIV или XV веках.

В. Производство и обработка тканей.

С незапамятных времен восточные славяне пряли лен и коноплю, ткали кросна и белили холст. Холст и полотно употреблялись для одежды («белые порты»), надобностей домашнего обихода (убрусы, полавочники, скатерти), церковного и религиозного обихода (полотняные антиминсы, покрывала, саваны), военных надобностей (шатры, знамена), судоходства (паруса). Из льна и пеньки приготовляли также веревки, канаты, паклю, сети для ловли птиц, рыболовные снасти.

Полотняное производство в древней Руси достигло высокой степени развития. Холст и полотно выделывалось для разных надобностей различных сортов, как то: *ярыг* (грубая рядинна), толстина, частина, тончина. Более тонкие полотняные изделия обшивались часто кружевами.

---

59) Ср. Довнар-Запольский, 264. Тартак по-украински (и по-польски) значит лесопильня.

Довольно развито было в древней Руси и суконное и шерстяное производство. Суконные ткани шли на одежду, в особенности зимнюю, а также на шапки. Требовались шерстяные изделия и для дорожных надобностей (полсти). Походные шатры иногда делались из войлока или полсти («полстница»). Конские «подклады» (попоны) также бывали войлочные.

Таким образом производство и шерстяных и льняных тканей обслуживало самые разнообразные нужды древне-русского населения и потому объем производства должен был быть очень значителен. Ткани выделывались не только для потребностей отдельных хозяйств, но и для продажи на торгу.

Что касается шелковых тканей, древняя Русь своего шелка не производила. Шелковые и золотые материи ввозились с Востока (атлас, камка, тафта, парча, объярь) или из Византии (аксамит, бархат).

Г. Меховое и кожевенное дело.

Обилие пушных зверей в русских лесах и степях обеспечивало древнюю Русь запасами материала для меховых изделий. Меха шли главным образом на зимнюю и дорогую верхнюю одежду и предметы домашнего и дорожного обихода. Основным мехом древней Руси была куница 60). Весьма ценился соболь. Арабский путешественник X века Ибн-Фадлан видел, как русские надевали на покойника соболью шапку. Даниил Заточник (XIII в.) упоминает соболью оделла. Иван Калита (XIV в.) завещал одному из сыновей своих «бутай соболий».

Горностай шел на украшение одежды и головного убора. По свидетельству Рубруквиса (XIII в.) русские женщины носили горностаевые платья или делали горностаевые опушки и накладки. Шубы делались также

---

60) Не от русского ли «куна» происходит новогреческое γούνα, мех?

медвежьи, волчьи, барсовые, бобровые, беличьи. Более бедные употребляли овчину. Меха лисьи, песцовые, хорьковые также распространены были в торговле. Шлемы воинов иногда были волчьи или барсовые.

Важную отрасль древнерусского хозяйства составляло и кожевенное производство. Дубление кож распространено было исстари в Киеве и Новгороде. В известном летописном предании о посещении Новгорода апостолом Андреем и о новгородских банях рассказывается, что новгородцы поливали себя в бане «квасом усиянным», т. е. таким, в котором отмачивались кожи и овчины.

Предметами кожевенного промысла были обувь (сапоги, чоботы, черевья [черевики], башмаки), пояса (ремни), конская збруя (уздечки, седла), оружие и воинское снаряжение (сумки, колчаны, ремни; щиты часто обивались кожей), музыкальные инструменты (бубны, барабаны).

Д. Пищевая промышленность.

Пищевая промышленность, как особая отрасль народного хозяйства, была в древней Руси развита слабо. Каждое отдельное хозяйство удовлетворяло свои нужды из продуктов, которые большей частью дома производились (сельское хозяйство) или добывались личными усилиями членов домохозяйства (охота). В крупных хозяйствах, как монастырское или княжое, заготовка припасов и приготовление пищи было впрочем более сложной задачей и требовало труда специалистов.

В пище древне-русского человека мясо играло гораздо бо́льшую роль, чем впоследствии. Употреблялась говядина, баранина, иногда конина; мясо иногда солилось. Ели зайцев и разнообразную дичь.

Потребление рыбы усилено было церковными правилами о постах. Икра упоминается с XII века, но вероятно употреблялась и ранее.

Хлеб, — пшеничный и ржаной — конечно, и тогда был на Руси во всеобщем употреблении. Ели также овсяные кисели, горох.

Употреблялись в пищу и яйца и молоко. Из молока приготовлялись сыр и масло. Было также постное масло из конопляного и льняного семени.

Распространенными напитками были квас, мед и пиво. Напитков не жалели. При освящении церкви в Василеве князь Владимир Мономах велел сварить 300 вар меду. Князья и бояре присылали в монастыри на утешение братии мед бочками. Владимир Святой велел развозить по Киеву для дряхлых и больных бчелки меду и квасу. Меды бывали сладкие, пресные, пряные. После перевара в мед обычно всыпали хмель, отчего он приобретал особенную крепость. Пиво варилось с солодом и хмелем. Перегонная водка древней Руси не была известна [61].

Из съестных припасов многие служили предметом торговли, как хлеб, мука, напитки. Собственно по отношению к изготовлению только этих припасов, продававшихся на рынке, и можно говорить о пищевой промышленности.

Размол зерна производился в древней Руси часто ручными жерновами, даже в крупных монастырских хозяйствах, как в Печерском монастыре, где каждому монаху давалось ежедневно зерно на размол. Святой же Феодосий ночью молол не только за себя, но и за других.

С XIII века в источниках упоминается о мельницах (млинах в юго-западной Руси). По ярлыку Менгу-Тимура (конец XIII в.) принадлежащие церкви и духовенству мельницы освобождаются от пошлин и конфискации. Великий князь Дмитрий Донской завещал своей княгине село на Яузе с мельницей (1389). Подольский князь Александр Корнатович дал в 1375 г. Доми-

61) Перегоном молока («черным молоком») угощал Батый Даниила Галицкого (Ип. 1250). Калмыки — вероятно и другие монголы — пьют прозрачную жидкость черного.

никанскому монастырю в Смотриче жалованную грамоту на млин с землей и угодьями [62]).

Хлебопечение может быть также упомянуто как отрасль пищевой промысловой деятельности, работавшей иногда на рынок. В больших хозяйствах (княжеских, монастырских) были особые хлебни и печи. В упоминаемом житии св. Сергия Радонежского одна из миниатюр изображает хлебопечение в Сергиевом монастыре [63]).

Мукомольное и хлебное производство были в древней Руси развиты недостаточно для накопления свободного излишка и запасов. Поэтому в случаях недорода в стране наступал голод (явление частое, впрочем, и в средневековой Европе). В особенности необеспечено было положение Новгорода, зависевшего в большой степени от привозного хлеба.

Что касается заготовки напитков, то она производилась в большом масштабе в монастырях и на княжих дворах. Часть потреблялась немедленно, часть шла на продажу, но много хранилось в погребах впрок. В 1146 году князь Изяслав II захватил в Киеве двор изгнанного князя Святослава «и въ погребех было 500 берковцев меду, а вина 80 корчаг».

Постепенно развивался к услугам приезжающих — крупцов и служащих — трактирный промысел. Корчемный сбор упоминается в грамоте князя Ростислава 1150 г.

Обратимся теперь к вопросу об организации древнерусских промыслов. Уже в довольно раннее время (в XI в.) на Руси существовали ремесленники-профессионалы. Русская Правда назначает за убийство ремесленника более высокую виру (12 гривен), чем за убийство смерда или холопа (5 гривен).

---

62) А. З. Р., I, № 4.

63) Древне-русск. мин., табл. № 68.

Каждый промысел имел своих мастеров специалистов, живших иногда в особой части города и составлявших артели. В порядке рассмотренных нами выше производств упомянем прежде всего кузнецов (кователей), литейщиков (литейщики меди), серебреников. Плано Карпини видел в 1245 г. русского мастера Козьму при дворе Монгольского хана. Его работы между прочим был престол хана.

Плотничество ремесло было очень развито и артели плотников были в некоторых больших городах, в частности в Новгороде. Воевода князя Святополка I назначительно называл всех вообще воинов Новгородского ополчения плотниками (1016). Плотники различались по специальностям, как то мостники, городники (строители городских укреплений), мастера крестечные.

Наряду с плотниками имелись в древней Руси мастера каменьщики, работавшие вероятно также артелями. Подобно тому, как Новгородцев называли плотниками, Владимирцев называли каменьщиками.

Прочие ремесла, как производство одежды, домашнего обихода и т. д. также предполагало существование специалистов-мастеров и мастериц, швецов, кружевниц и т. д.

Все эти мастера и ремесленники работали иногда в одиночку, иногда артелями. Но кроме того существовали и постоянные большие мастерские — зачатки будущей мануфактуры. Такие мастерские устраивались при больших монастырях, в княжих и боярских дворах. Известны мастерские гончарные, ткацкие, кружевные и т. д.

§ 5. Пути сообщения, служба связи.

При огромных пространствах Руси, пути сообщения всегда должны были играть особенно существенную роль во всей хозяйственной и культурной жизни русского народа. Но именно величина протяжения России

представляла особые трудности для постройки сколько-нибудь широкой сети дорог.

До введения паровой (а позже и моторной) тяги, т. е. — по отношению к России фактически до половины XIX века — пути сообщения на Руси оставались в весьма примитивном состоянии. Шоссейные дороги из камня и щебня начали у нас строить лишь в начале XIX века — следовательно шоссейные дороги у нас стали вводиться почти одновременно с железными. Это представляет значительный контраст со странами, входившими в круг земель Римской Империи, где сеть шоссейных дорог была построена еще римскими инженерами.

В числе причин, препятствовавших постройке дорог была сравнительная бедность камнем основной территории древней Руси (хотя, как мы видели, эту бедность не надо преувеличивать [64]).

Следует, впрочем, иметь в виду, что некоторые дороги в древней Руси, а в особенности в болотистых местах (гати) мостились деревом. Если мало дорог мостилось сплошь, то во всяком случае сообщение по дорогам поддерживалось постройкою мостов через реки.

Серьезное значение имели причины климатические — тот факт, что, за исключением южных степей, большая часть территории древней Руси одевалась (как и сейчас одевается) снежным покровом на сроки от двух (Киевщина) до девяти месяцев (Северное Поморье). С одной стороны климатические контрасты между летом и зимою, осенняя и весенняя влажность делают затруднительным поддержание в порядке всякого искусственного пути. С другой стороны, всякий искусственный путь (если не принимать особых и весьма дорого стоящих и требующих большого труда мер по его расчистке от снега, как это делается например сейчас, по отношению к шоссейным автомобильным дорогам в северной части Соединенных Штатов Америки)

---

64) См. выше § 4.

— всякий искусственный путь все равно почти половину или даже большую часть года на Руси занесен снегом и может служить для перевозки лишь в течение меньшей части года. Зимою же санный путь устанавливался — и устанавливается — естественно по всей почти территории Руси, и на половину или бо́льшую часть года передвижение таким образом вполне обеспечено.

Разумеется, весенняя и осенняя распутицы делали — а отчасти и до сих пор делает — непроездною бо́льшую часть территории средней и северной Руси.

Если в зимнюю пору северная Русь, то в летнюю пору южная Русь представляла на всем пространстве своих степей удобный естественный путь передвижения равно для торговых караванов — вьючных или колесных — или для воинских отрядов.

Существенным вопросом была однако не только техническая сторона дела, а военно-политическая и полицейская — необходимость охраны дорог от нападений и набегов соседей. Киевские князья тратили не мало усилий на охрану степных и поднепровского пути от печенегов (особенно в XII веке).

Если в древней Руси не было — или почти не было — искусственных сухопутных дорог, то тем более велико было значение русских рек, представлявших в своей совокупности почти непрерывную сеть сообщений по русским равнинам. Следует иметь в виду, что благодаря слабой вырубке лесов реки на Руси в древний период были полноводнее нынешних и представляли более удобства для перевозки людей и товаров. Навигационный период русских рек разумеется соответствовал приблизительно нынешнему. Волга свободна ото льда в верхних плесах в течение семи месяцев в году, в нижней части — до 8½. Средняя продолжительность навигационного периода по Северной Двине считается от 160 до 193 дней в году в разные года; по Западной Двине — 234 дня в году. Дон свободен ото льда около 250 дней в году. Среднее число дней

навигации по Днепру считается 219 в верховьях и 265 внизу (Каховка).

Истоки Волги, Мсты (—Волхова-Невы), Северной и Западной Двины и Днепра весьма сближены (кроме Северной Двины все названные реки берут начало на Валдайской возвышенности). Благодаря этому русские реки представляют почти связанную сеть путей. Сплошная искусственная связь их — путем каналов — дело гораздо более позднее (XVIII — начало XIX века). Но в древний период благодаря меньшим размерам судов и меньшей сложности их нагрузки и разгрузки представлялась возможность перетаскивать самые суда — или товары с них — из одной речной системы в другую волоком.

Впрочем, некоторые попытки к улучшению водных путей производились и в древний период. На Стерженском каменном кресте 1133 г. (хранящемся в Тверском музее) имеется надпись, гласящая о том, что в этом году Иванко Павлович «почал рыти реку» (Волгу при впадении ее в озеро Стержь) [65].

Во второй половине XII в. Полоцкие князья озабочены были улучшением фарватера реки Западной Двины, памятником чего остались так называемые Борисовы Камни [66].

Белозерский князь Глеб Василькович (умер в 1278 году) спрямил каналами излучины рек Сухоны и Вологды [67].

Главнейшие речные пути, пересекающие Западную Евразию от моря до моря, следующие: 1) Балтийско-Беломорский и Волжско-Беломорский. Истоки Сухоны — Северной Двины сближены с верховьями Шекс-

---

65) Орлов, 12 (№ XV).

66) Семенов, Россия IX, 311, 397, 497, 506. Ср. Орлов, 14 (№ XVII).

67) П. Н. Савицкий, Ритмы монгольского века (Евразийская Хроника, XII), 111.

ны-Волги, а через Белое Озеро и Вытегру с Онежским озером и Свирью-Невою. 2) Балтийско-Каспийский: Мста-Волхов-Нева истоками сближена с Тверцой-Волгой. 3) Балтийско-Черноморский в нескольких вариантах: (а) Ловать-Волхов-Нева верховьями сближается с верховьями Западной Двины, а через нее с Березиной-Днепром; (б) Западная Двина — Березина-Днепр; (в) Вилия-Неман — Березина-Днепр; (г) Неман-Припеть-Днепр; (д) Западный Буг-Висла — Припеть-Днепр.

Плаванье по Днепру в нижнем его течении было затруднено порогами, которые играли такую серьезную роль в русской истории, предоставляя возможность степнякам, а позже казакам преграждать дорогу Днепровскому торговому судоходству. Длина пояса Днепровских порогов доходила почти до 100 километров — приблизительно от нынешнего Днепропетровска (Екатеринослав) до Запорожья (Александровск). Больших порогов девять [68]).

Помимо указанных речных путей, соединяющих между собою моря, имеют большое значение (которое особенно возросло к XV—XVI векам) пути трансконтинентальные (Евразийская магистраль), соединяющие Евразию Западную (до Уральскую) с Сибирью. Эти пути образуются восточными притоками Северной Двины и Волги в сближении их истоков с истоками притоков Оби и Иртыша.

Верховья Вычегды (—Сев. Двины) сближаются в северном Приуралье с верховьями Камы (—Волги). В свою очередь истоки восточных притоков Камы: Вышеры, Косьвы, Чусовой, находятся на недалеком расстоянии от истоков Сибирских рек, стекающих с Уральских гор в восточном направлении, а именно Тобола-Иртыша (который в свою очередь является притоком Оби): Лозьвы, Сосьвы, Туры, Пышмы, Исети.

---

68) Днепровские пороги стали доступны для судоходства лишь с постройкою Днепрогэса (1932).

Более южный вариант Евразийского магистрального речного пути дается верховьями притока Камы — Белой и ее притоками — Уфой и Аем. Верховья этих рек сближены с верховьями Миаса (притока Исети-Тобола-Иртыша).

Сверх этих путей трансконтинентального значения следует отметить наиболее важные речные пути областного значения (для средней и южной части доуральской России), а именно пути образуемые Окою (притоком Волги) и Доном. Западный приток Оки, Угра связывает систему Оки с системой Днепра (через верховья самого Днепра и верховья Десны). Верховья самой Оки сближены с верховьями Сейма (притоком Десны), а через Шать-Упу также с верховьями Дона. Истоки северных притоков Дона (Воронеж, Ворона, Хопер) сближены с истоками притоков Оки — Цны и Мокши. Сам Дон восточной излучиною своею подходит на довольно близкое расстояние к западной излучине нижнего течения Волги (где ныне предполагается к постройке Волжско-Донской канал).

Весьма важную роль в истории древней Руси (доКиевского и Киевского периода) играл Днепровско-Донской водный путь образуемый сближением верховьев притока Десны, Сейма, с верховьями Оскола (притока Донца) и самого Донца.

Обращаемся теперь к сухопутным путям в южной Руси древнего периода. В летописях XII века упоминаются три главных торговых пути: Греческий, Соляной и Залозный. Направления их точно неизвестны. Можно думать, что греческий путь шел от южного рубежа Киевщины по правому берегу Днепра, срезая излучину порогов, до Днепровско-Бугского лимана.

Соляной путь шел вероятно от южного рубежа Переяславщины по левому берегу Днепра и затем на перерез степи на Перекоп к Сивашам, где добывалась соль. Направление Залозного пути предполагается от южного рубежа Переяславщины напереред через степь к устью Дона.

После Монгольского завоевания южно-русские степи попали под власть Орды, и татары проторили по степям, для своих надобностей, дороги (шляхи) от Приазовья на Русь (до линии реки Оки). Татарские шляхи шли по водоразделам речных бассейнов — во избежание переправ через реки.

Важнейших шляхов было три: 1) Муравский — по водоразделу между Днепром и Доном, огибая к западу течение Донца; 2) Изюмская сакма — на перерез р. Донца (около Изюма) и далее к северу по водоразделу между Северным Донцом и Осколом; 3) Калмиусская сакма — по водоразделу между Осколом и Доном.

Теперь нужно сказать о средствах передвижения древней Руси. По степным тропам легкие военные отряды, а частью и торговые караваны шли верхами, кладь — вьюками. Большие армии везли обоз на телегах. Большие торговые караваны также везли кладь на телегах. Телега по всей вероятности заимствована была русскими от кочевников. Половецкие обозы состояли из телег. Вспомним «Слово о Полку Игореве»: «а Половцы неготовыми дорогами побегоша к Дону Великому; крычат телеги полунощы, рци лебеди роспущени». При древнерусских войсковых обозах и больших торговых караванах имелись мастера-колесники для починки возов. Характерно известие Начальной Летописи, что Олег, под Царьградом, велел сделать колеса, на которые он поставил выволоченные из моря корабли (907 г.) — значит летописец считал естественным, что при армии должно было иметься достаточное количество мастеров-колесников.

В северной России для местного гужевого транспорта по лесным дорогам употреблялись двуколки. Зимой в северной России ездили на санях. О санях княгини Ольги упоминается в Начальной Летописи. Сани иногда обшивались рогожей (пошевом). В Новгороде богатые люди имели легкие санки для выезда [69].

69) ПСРЛ, III, 38 (1220 г.), 173 (1572 г.); ср. Аристов, 94.

Сани употреблялись не только зимою, а и летом — в ритуальных целях — для похорон. В Сказании о Борисе и Глебе отмечаются сани «красны», на которых перевозили мощи святых братьев. В санях ездили архиереи и другие духовные лица.

В современных миниатюрах попадаются изображения саней (Сказание о Борисе и Глебе; Древне-русск. миниатюра, табл. 60).

Для водных сообщений — по рекам и морям в древней Руси употреблялись суда разнообразных типов. На некоторые типы морских судов оказали вероятно влияние корабли викингов, с которыми Русь ознакомили варяги.

Византийский император X в. Константин Багрянородный называет русские ладьи «однодеревками» *(моноксила)*. Такие ладьи действительно выдалбливались из одного дерева — для чего, конечно, выбирались из подиепровских лесов самые большие деревья. В таких ладьях шли и военные отряды и купеческие караваны вниз по Днепру и далее по Черному морю.

Для морского плаванья выбирались самые большие ладьи; по рекам плавали и в меньших. Большие ладьи были набойные — на бортах у них набивались доски в несколько рядов. Помимо лодей в X веке упоминаются и корабли морского плавания, подымавшие 40 человек и более (до 100 человек).

На корабле делался мост (палуба). Парус укреплялся на катарти (мачте) и райнах (реях).

Княжеские, а иногда и купеческие корабли отделывались особенно тщательно и украшались резьбой. Про корабль Соловья Будимировича в былине говорится, что у него

Нос, корма — по туриному,
Бока взведены — по звериному.

Корабли красились иногда в красную краску. «Червлен корабль» был у Васьки Буслаева.

Большое судно преимущественно речного плавания называлось насадом. Это была глубокая лодья с поднятыми носом и кормою. В таком насаде плыл от Смоленска вниз по Днепру князь Глеб в 1015 г. В 1149 г. князь Изяслав II послал насад за князем Ростиславом и дружиною его. Новгородцы плавали в насадах и по Балтийскому морю [70].

Упомянутый только что князь Изяслав II изобрел лодьи нового типа — «исхитри лодьи дивно: беша бо в них гребци невидимо, токмо весла видети, человек бяшеть не видети, бяхуть бо лодьи покрыти досками, и борцы стояше горé в бронях и стреляюще, а кормника (рулевых) два беста — един на носе, а другый на корме, аможе (куда же) хотяхуть, тамо пойдяхуть, не обращающе лодий».

Из других типов судов речного сообщения укажем здесь на струг, который по Русской Правде оценен вдвое дешевле набойной лодьи.

С XIV века упоминаются ходившие на Волге грузовые суда — паузки. К тому же времени относятся упоминания о легких лодьях — ушкуях — на которых новгородские удальцы совершали свои набеги. Каждый ушкуй подымал до 30 человек.

Для местного речного сообщения употреблялись также разного рода мелкие суда — челноки (долбленые из дерева), учаны (дощаники) и др.

Для морского судоходства Новгородцы пользовались типами судов, заимствованными, повидимому, от ливедов, как то лойва, шнека, буса.

Обратимся теперь к организации службы связи в древней Руси. Регулярной почты древняя Русь не знала. Вести посылались с оказиями — военными или торговыми караванами. В наиболее важных случаях отправлялись специальные курьеры.

После монгольского завоевания монголо-татары для

---

70) ПСРЛ. III, 42 (1227 г.); ср. III, 69 (1310 и 1311 гг.).

своих нужд наладили в России ямы и ямскую службу по образцу прочих частей Монгольской империи. Из этого впоследствии развилась московская ямская служба, организация которой была в XVII веке использована для заведения почты по западному образцу.

То, что заменяло телеграф в древней Руси — система маячных огней — служило не для торговых целей, а для военно-стратегических (впрочем, как неоднократно мы отмечали и еще будем отмечать, война и торговля в ту эпоху были тесно связаны).

Маячная служба в древней Руси была вероятно организована по византийскому образцу. Византийская маячная служба описана подробно в сочинении императора Константина Багрянородного о царских походах. Главная магистраль византийской маячной службы проходила через Анатолию (Малую Азию) от Сирийских рубежей до Константинополя.

Система маячных огней подобная византийской введена была повидимому Владимиром Святым для своевременного получения известий о нападении кочевников на южные рубежи Киевщины и Переяславщины. Благодаря сравнительно близкому расстоянию степных рубежей от Киева, наладить маячный телеграф было конечно гораздо проще, чем в Византийской империи. Можно думать, что огневые сигналы принимались на башне Софийского собора в Киеве. С течением времени, когда пало политическое значение Киева и маячная служба была забыта, все это подало повод к возникновению легенды о том, будто Владимир имел на башне Софийского собора волшебное зеркало, с помощью которого он знал заранее о нападении кочевников. Легенда эта упоминается бывшим в Киеве в XVI веке путешественником Эриком Ласотою [71]).

---

71) Ср. А. Н. Веселовский, Мелкие заметки к былинам (Ж. М. Н. П., ч. 242), 189. Веселовский подходит к известию Эриха Ласоты исключительно с точки зрения литературной истории легендарных сюжетов.

Когда Московское княжество стало высвобождаться из под власти хана и надо было думать о борьбе с татарскими набегами, система маячных огней вновь налажена была московским правительством. Развитие ее однако относится к периоду уже более позднему (XVI—XVII века).

§ 6. Торговля.

Торговля занимала видное место в хозяйственной жизни древней Руси. Большинство сведений о торговле в дошедших до нас источниках говорят о торговле внешней. Это не значит однако, что внутренняя торговля была менее развита. Это значит только, что во внешней торговле были более заинтересованы высшие классы тогдашнего общества. С другой стороны естественно, что во всех известиях иностранцев о России того времени на внешнюю торговлю России обращалось более внимания, чем на внутреннюю. Наконец, регулирование внешней торговли в виде торговых договоров с чужими странами было более насущным делом для правительственной власти, чем регулирование торговли внутренней, в которой почти все определялось обычаем.

Как мы в своем месте указывали, территория древней Руси была, если не считать железа, сравнительно бедна металлами; она однако была весьма богата многими другими дарами природы. Это ставило Русь в благоприятное положение в смысле торговли — и внутренней и внешней.

Следует иметь в виду также, что географическое положение древней Руси было весьма благоприятно в отношении международной торговой конъюнктуры. Русь лежала на перекрестке великих торговых путей — из Балтийского моря в Каспийское и Черное моря. Русь была естественным посредником между северной Евро-

пой с одной стороны — Средним и Ближним Востоком с другой.

В VII веке н. э. на Ближнем и Среднем Востоке создалась Арабская торговая империя (Халифат), захватившая господство над путями как южного и восточного Средиземноморья, так и закаспийского Востока (Хорезм). Ожесточенные войны, которые велись арабами против византийцев и франков в VII—VIII веках, временно нарушили установленную со времен Римской империи мирную торговую жизнь западного Средиземноморья. Европейская торговля с Востоком пошла кружным путем — через Балтийское море и систему русских речных путей в Прикаспий. Огромное количество кладов арабских монет VIII—IX веков, находимых в северной России и северной Европе, служит свидетелем интенсивности торговых сношений на этих путях.

На этой торговле возросли поволжские государства — Хозар и Болгар, на гребне этой же торговли явились на Русь варяги. Быстрый подъем Новгорода объясняется именно тем, что Новгород был «окном в Европу» для восточной торговли и окном на Восток для доброй половины Европы.

Днепровский путь «из варяг в греки» получил значение несколько позже, в IX—X вв. В XI—XII вв. выросло значение сухопутного торгового пути из Европы на Русь (с верховьев Дуная на Киев).

Торговая роль Днепровского пути была в значительной степени подорвана разгромом Константинополя крестоносцами IV похода (1204). Почти одновременно с этим и Киев подвергся разгрому половцами (1203).

Значение Киева, как узла международной торговли, было затем надолго сорвано монгольским погромом (1240). Следует иметь в виду, что, подрывая сухопутные торговые пути из Поднепровья в Европу, монголы одновременно старались развить Черноморский путь. Крым сделался «окном в Средиземноморье» для

всей Евразийской империи монголов — а европейскую торговлю с Крымом монополизировали генуэзцы (также как балтийскую торговлю — ганзейские немцы).

Впрочем Западная Русь, войдя с XIV века в состав Литовского, а затем и Польского государств, восстановила до известной степени значение Днепровского торгового пути, и частью восстановила, а частью даже усилила прежние торговые связи со средней Европой и прибалтийскими странами.

Что касается товарообмена древнерусской внешней торговли, то главными предметами вывоза из России были: меха, воск, кожи, сало, лен, конопля, холст, пакля, рыбий зуб. Пшеница и другие хлеба играли меньшую роль, чем в новейшие периоды, но все-же должны быть упомянуты. В домонгольский, особенно дохристианский период, предметом вывоза из Руси (особенно на Левант) были рабы (челядь). В монгольское время торговля невольниками перешла в руки монголов, при чем татары продавали главным образом пленников, захваченных во время набегов. Однако же невольники для вывоза из России также и покупались восточными купцами на русских рынках (известен Холопий Городок на Мологе, служивший одним из центров этой торговли).

Главными предметами ввоза из Византии и с Востока были предметы роскоши: дорогие ткани (византийские и восточные), шелк, ковры, дорогие сосуды и утварь, драгоценные камни, золото и серебро, вина, фрукты, пряности. Из половецких степей ввозили также коней и соль.

Отражения торговли Востока с Русью можно найти в знаменитой Книге Царей (Шах-наме) персидского поэта Фирдоусия (935—1021). Про одного из своих героев Фирдоусий говорит: «сокровищам его и динарам не было числа»: собраны они были «из Китая, Болгарии, из Рума (Византии) и Руси» [72].

---

73) Шах-наме, С. 2015. Пользуюсь английским переводом Warner'a (VIII, 406).

Когда Ездигирд был убит, тело его было умаслено благовониями, одето в золотой бархат сверх тонкого египетского полотна, а покрыто все было «темносиним русским сукном» [73].

Торговля с Востоком отразилась также на русских мерах веса. Русь заимствовала у арабов так называемый иракский фунт в 96 золотников [74].

Переходим теперь к русской торговле с Западом.

Ганзейские купцы доставляли в Новгород сукна, тонкие полотна, металлические изделия, а также металлы в кусках и слитках (серебро, медь, олово, свинец), стекло, также и некоторые съестные припасы — вино, пиво, сельдь, соль, а также иногда и муку (последнюю главным образом для местного Новгородского рынка [75].

Торговали русские купцы также товарами, шедшими транзитом с Востока в Европу и обратно.

Организация внешней торговли переживала различные стадии и была неодинакова в разных районах и разные времена. Крупную организующую роль во внешней торговле, особенно в до-монгольские времена, играли князья. Киевский князь организовывал торговые судовые караваны для сплава товаров вниз по Днепру и далее по Черному морю в Византию. Описание этих караванов, данное византийским императором Константином VII в его книге «об управлении империи» хорошо известно и приводится во многих учебниках и

---

73) Шах-наме, С. 2087 (Warner, IX, 110).

74) Кулишер, 26. Что касается русских мер длины, то шкала их является отражением так называемой филэтерийской шкалы (принятой в эллинистическом Пергаме в III в. до н. э.). Филэтерийская шкала была вероятно занесена на юг России греками еще в скифо-сарматскую эпоху. Ср. Н. Т. Беляев, О древних и нынешних русских мерах протяжения и веса (Seminarium Kondakovianum, I), 274.

75) G. Vernadsky, The Baltic Commerce of West Russian and Lithuanian Cities during the Middle Ages (Baltic Countries, September 1937).

курсах русской истории, так что нам нет нужды приводить его здесь.

Киевские князья и в более позднее время (XII в.) озабочивались судьбою торговых караванов, шедших в Византию [76].

В более позднее время русские князья не принимали такого руководящего участия в торговых караванах и других предприятиях внешней торговли, но несомненно почти все были в ней так или иначе заинтересованы.

Князья брали на себя и заключение торговых договоров с иностранцами. Древнейшие такие договоры заключены были с греками в X веке. Любопытны договоры суздальских князей с волжскими болгарами (например, договор Юрия II, 1230 г.). Большое значение имел договор Смоленского кн. Мстислава Давидовича с Ригою, Готландом и немецкими городами (1229). Несколько договоров заключил с немцами Новгород. Литовско-русские князья продолжали традиции Киевских и Смоленских. Еще Гедымин, а позже в особенности Витовт стремились обеспечить торговые интересы Западной Руси.

Торговые интересы играли значительную роль и в политике Орды. В первые времена Монгольского завоевания на Русь нахлынула масса восточных («бесерменских») купцов, в особенности из Хорезма. К этому времени относится и освоение русским языком некоторых персидских торговых терминов напр. пулы (в значении денег).

Бессерменским купцам не удалось однако задавить русского купечества и русской торговли. Ханские ярлыки подчас служили к обеспечению интересов русской торговли, как таковой (в особенности интересов Новгородской балтийской торговли) [77].

Купечество, как особый класс, уже в период первых киевских князей (IX—X века) играло значительную

---

76) См. также выше § 5.
77) Ср. ниже гл. III.

роль в русской внешней торговле, как это видно по договорам с греками X в. Купцы (гости) являлись также иногда агентами князя, или пайщиками в княжом торговом караване. Купечество продолжает играть большую роль во внешней торговле и в более позднее время. Особенного расцвета достигает в XIII—XV веков новгородское купечество.

Рост московского купечества в XIV веке связан с Крымской торговлей (гости — сурожане).

Наряду с русскими людьми во внешней торговле принимают деятельное участие иностранные гости (купцы), частью оседающие в России для своих торговых дел. Таковы евреи, армяне, греки, колонии которых были в Киеве уже в XI веке. В монгольскую эпоху, как только что было упомянуто, на Русь приезжало много восточных купцов — хорезмийцы, персияне, татары.

В Западной Руси с XIII века князья начали призывать для поселения в городах немецких купцов. Получая привилегии корпоративного самоуправления («Магдебургское право») немцы и евреи стали играть первенствующую роль в торговле юго-западной Руси XIV—XV вв.

В Новгороде и в Смоленске были фактории немецких купцов. С развитием Ганзейского союза немцы стали ставить препятствия новгородским купцам к выезду за границу, стремясь монополизировать балтийскую торговлю. Это им в значительной степени удалось.

Обращаемся теперь к торговле внутренней. Развитие ее объяснялось как возникновением местных городских рынков, так и хозяйственными различиями между целыми областями. Торговая площадь (торг, торжище) являлась хозяйственным центром каждого сколько-нибудь значительного города. Торг «снимался» (т. е. начинался) ранним утром. На торг сходились местные жители и приезжали из округи «мужи с колы». Было шумно и людно: «слышах стук велик и крик, аки торги

снимаются». Мытники и весовщики собирали пошлину. Княжеские биричи «кликали сквозе торг» административные распоряжения. Совершались и регистрировались сделки всякого рода [78]). В больших городах древней Руси, как Киев, Новгород, Чернигов, Смоленск, Ростов, Галич, Рязань, позже Москва и Тверь — естественно должен был совершаться значительный товарообмен между городским и окружным сельским населением, а равно и облегчаться торговый обмен с другими областями. Северу России не хватало своего хлеба — поэтому Новгород был в постоянной зависимости от Низа (Суздальской земли).

Сводя указания современных источников, можно сказать, что на торгах и в лавках различных древнерусских городов продавались кони, скот (коровы, овцы и т. д.), мясо, дичь, птица (гуси, утки и т. д.), рыба, мед, воск, ладан, зерно (пшеница, рожь, пшено, овес), мука, печеный хлеб, соль, хмель, овощи, сено, лен, лесной товар, дрова, горшечный товар, оружие, металлические изделия, платье, шапки, сукна, меха.

Политическое раздробление древней Руси [79]) в меньшей степени стесняло развитие торговли между отдельными областями страны, чем это естественно было бы предполагать. Были конечно случаи репрессий со стороны одного из враждующих князей против купцов другого князя или города. Так, напр. в 1216 г. Ярослав арестовал в Переяславле 150 новгородских купцов и заключил их в такой тесный погреб (тюрьму), что они задохлись. Заключенные в другой тюрьме смольняне остались живы. В других случаях, однако, купцы продолжали торговлю и в период междоусобий. Торговые караваны с юго-востока нередко пропускались через военные заставы даже во время борьбы русских князей с половцами. После монгольского завоевания новгородцы добыли себе грамоты от хана, чтобы

78) Ср. Довнар-Запольский, 174.
79) См. ниже гл. III.

купцам их гостить в Суздальской земле «без рубежа». Зато монголы установили ряд своих таможен [80]).

Купечество было организовано в различные корпорации [81]). Одною из влиятельных новгородских корпораций было «Иванское сто». О Магдебургском праве, способствовавшем организации купечества в юго-западной Руси было уже выше сказано. В Москве рано выделились «гости», как высший разряд купечества, затем суконники и Сурожане.

§ 7. Деньги и кредит.

Древняя Русь не знала единой денежной системы. До конца X века металлических денег на Руси не чеканилось. Употреблялась монета арабская, отчасти вероятно и византийская.

В Северной Руси вместо денег издавна ходили меха — векша (белка), куна (кузница), лисица.

В степной полосе денежной единицей служила также скот.

Киевские каганы — Владимир и Ярослав — стали чеканить монету золотую и серебряную по византийским образцам. Преемники их однако не продолжали этого начинания. Таким образом в XII веке южная Русь опять своей чеканной металлической монеты не имела. Причиной этому отчасти могла быть дороговизна золота и серебра. Около 1000 г. н. э. истощаются серебряные рудники Чехии. В то же время происходит серебряный кризис на Востоке.

Однако, благодаря тесным отношениям с Византией в XI—XII вв. на Руси должно было усилиться обращение Византийской монеты. Для внутреннего обращения, меха до известной степени удовлетворяли значению разменной единицы.

---

80) Ср. ниже в гл. III, о финансовом управлении.
81) Ср. ниже гл. II.

В Новгороде довольно рано стало употребляться в роли денег серебро по весу [82]). Единицей служила гривна (72 золотника). Новгородские гривны представляли собою небольшие бруски серебра, иногда с чеканной надписью («гривна серебра»).

Разнообразие обращавшихся денег при наличии в обращении также и мехов требовало приведения денежного счета в какую-то общую систему. Такой условной системой был счет на куны. Во время Русской Правды на Руси считалось 20 ногат или 50 кун на гривну. Позже в различных торговых центрах древней Руси — Киеве, Новгороде, Пскове, Смоленске, позже — Твери, Москве — денежный счет подвергся местным изменениям. В Новгороде в XIV в. стали считать 30 кун на гривну.

Термин ногата подвергался различным толкованиям. Возможным представляется объяснение термина «ногата» от арабского *накт* — разменная монета.

После монгольского завоевания введена была в обращение монета монгольских ханов Золотой Орды, чеканившаяся в Сарае и некоторых других городах Золотой Орды. Из Золотоордынских денег на Руси обращалась вероятно преимущественно монета серебряная и медная.

В XIV веке некоторые русские князья, принявшие на себя сбор монгольского «выхода» (дани), стали чеканить свою монету — также серебряную и медную. Известны деньги или «пулы» новгородские, тверские, московские. Первый московский князь, начавший чеканить свою монету, был Дмитрий Донской.

Из двух татарских денег чеканилось три русских. 216 русских денег равнялись рублевой гривне или рублю. Термин рубль принято толковать, как уменьшенная (разрубленная пополам) гривна. Вероятнее однако производить термин рубль от индийского *рупия*. В XIII—XIV вв., после татарского завоевания, на Русь

82) Напомним, что серебро Новгород получал частью от ганзейских купцов, а частью из-за Урала (см. выше § 6).

наехало много восточных купцов, которые и могли занести этот термин. Правда, монета известная под именем «рупия» стала чеканиться в Индии лишь со средины XVI в. Но самый термин рупия — древний, с корневым значением слиток (серебра) [83]. Татары передавали русский термин рубль словом *сом*, что именно и значит слиток. По мнению профессора Р. П. Блэйка, турецкое слово *сом* может быть взаимствовано из персидского *сим* (серебро) [84].

Следовательно, рубль первоначально — слиток серебра, т. е. та же Новгородская гривна. Впоследствии вес рубля был уменьшен вдвое. Согласно записи конца XV века в Новгороде в XV веке применялся следующий расчет: 1 рубль (или гривна) серебра содержал 15 (с лишним) гривен денег, 30 (с лишним) ногат, 46 (с лишним) мордок, 108 кун, 216 денег, 295 (с лишним) векш [85].

На русских монетах XIV—XV вв. на обороте ставилось часто имя монгольского хана арабскими литерами. На монетах Московского великого князя Ивана III имени хана уже не находим, но зато имя самого Ивана написано кроме русских литер также и арабскими.

В Западной Руси XIV—XV вв. помимо ханских монет обращалась также монета битая польскими королями и великими князьями литовскими.

Государственного казначейства, как особого учреждения, в княжествах древней Руси не было. Княжеская казна была вместе с тем и государственною казною. Не было также ни государственного, ни частных банков. Купцы держали деньги обычно у себя дома в кас-

---

83) Этим разъяснением я обязан своему коллеге профессору Ф. Эджертону. Должен еще добавить, что образование «рубль» из рупия мне представляется вполне естественным. Ср. «корабль» от греческого корабион новогреч. корави.

84) Профессор Блэйк любезно сообщил мне свое мнение в письме от 27 января 1937 г.

85) Прозоровский, стр. 175.

тях или давали их на хранение в братскую церковь (купеческие корпорации сплачивались обычно вокруг определенной какой-нибудь церкви) или в монастырь.

До известной степени роль банков играли разве лишь монастыри, но в кредитных операциях они были стеснены церковною доктриною о греховности роста (процента). Церковные проповедники выступали и против взымания роста частными лицами, но остановить ростовщичество церковь не имела возможности.

О размере роста в древней Руси в нашей ученой литературе существуют преувеличенные представления. Ссылаясь на статьи Русской Правды о «третном росте» (III, 64), Ключевский, напр. считает, что размер роста мог составлять до 50% и только выше этого запрещено было брать. Мне кажется, однако, что статья о третном росте не имеет отношения к определению размера процентов. Размер процента ограничен другою статьею Русской Правды, а именно III, 65: «аже кто емлеть по 10 кун от лета на гривну, то того не отметати». Следовательно, запрещалось брать более 10 кун на гривну. Считая, что на гривну в начале XII в. полагалось 50 кун, получаем предельный размер процента 20% 86).

§ 8. Капитал, хозяйственное водительство, труд.

Несмотря на значительное развитие торгового обмена в древней Руси, основным фундаментом хозяйственной жизни этого периода всё же следует признать добывающую промышленность — использование животных богатств страны, скотоводство и земледелие.

Эти отрасли хозяйства представляли собою главный капитал страны, они же были основными статьями народного дохода. Эти же отрасли хозяйства наряду с торговлей были источником образования наиболее

86) Ср. Довнар-Запольский, 197-198.

мощных частных капиталов той эпохи. Меньшее значение в этом смысле имела промышленность (организация ремесленной деятельности).

Основною общественною группою, занявшею в этот период командующую позицию в отношении создания капиталов и руководства хозяйственной жизнью страны, были князья (род Владимира размножился с такой быстротою, что уже по отношению к началу XII века можно говорить о князьях, как особом общественном классе). Наряду с князьями довольно быстро подымается в хозяйственном отношении группа старших дружинников (бояр). В начале XIII века боярство в некоторых местностях (напр. в Галичине) выступает чуть ли не на первый план.

Крупную роль в хозяйственной жизни Руси играло с ранней поры и купечество. Значение купечества ясно отражается в договоре русских с греками X в. Позже купечество местами отступает как бы на второй план, хотя в некоторых областях (напр. в особенности в Новгороде) оно наоборот даже крепнет. В Новгороде — а отчасти и в других областях — купечество является вместе с тем и землевладельческим классом.

Что касается монастырей и церковных домов, то хотя они далеко еще не достигли той хозяйственной мощности, как в последующую эпоху, однако все же их влияние в хозяйственной жизни начинает чувствоваться все больше с каждым столетием.

Капитал был таким образом как бы монополизирован в довольно тонком общественном слое. Именно этим, как нам кажется, и объясняется тот парадокс, что несмотря на несомненную интенсивность торгового оборота этой эпохи, капитал был сравнительно дорог [87]). Группы, монополизировавшие капитал, в состоянии были диктовать свои условия тем, кто в капитале нуждался.

---

87) Ср. замечания о высоте процентов при займе (предыдущий § 7).

Хозяйственное водительство, инициатива и организация торговых и иных предприятий, принадлежало обладателям капитала. Сами капиталисты во многих случаях и были организаторами хозяйства. Однако в других случаях можно предполагать, что капиталисты пользовались для организации своих предприятий хозяйственными талантами кого-либо из подчиненных им людей.

Что касается техников специалистов (мастеров), часть их была русскими уроженцами, часть — пришлые из-за рубежа.

Рабочую силу доставляли люди как лично свободные, так и зависимые (полусвободные и холопы) [88]).

Среди ремесленников и рабочих имелся некоторый постоянный состав квалифицированных. Выше упоминалось уже об артелях плотников и каменщиков [89]). Они работали часто не только в своем городе, но их вызывали для работы и в другие города и земли. Ремесленники и городские рабочие получали иногда довольно высокое вознаграждение за свой труд. В сказании о постройке церкви св. Георгия в Киеве во второй четверти XI века говорится, что вначале трудно было найти рабочих, т. к. постройка была княжеская и рабочие боялись, что их заставят работать по наряду, а не за плату. Когда же князь Ярослав обещал, что будет платить по ногате в день, рабочих собралось множество [90]).

Труд земледельческий, особенно женский, ценился значительно ниже. По Русской Правде, оплата труда работницы в сельском хозяйстве исчисляется из расчета «по гривне на лето» (т. е. в год), следовательно около 8 рублей в год (III, 63).

---

88) См. в следующей главе более подробные сведения об этих общественных группах.

89) См. § 4.

90) Ногата = 1/20 гривны, т. е. около 40 коп. золотом, при чем, разумеется, покупная способность денег была в XI веке значительно выше, чем в XIX или начале XX-го.

Правда, здесь вероятно кроме платы предполагается известное довольствие натурою (помещение, быть может частично и продовольствие). Кроме того здесь имеется в виду случай, близкий к закупничеству, т. е. работа за ссуду, и в этом случае плата за труд исчислялась, очевидно, ниже нормальной.

§ 9. Народный доход.

Сколько-нибудь точное определение народного дохода древней Руси, невозможно за отсутствием статистических данных. Несомненно, что большие хозяйства того времени — монастырские и княжеские — вели довольно точный учет доходам и расходам. Но записи эти не сохранились или сохранились в ничтожных отрывках.

Государственного кадастра земель или переписи населения домонгольская Русь не знала. Монголы ввели на Руси перепись населения, как для целей податных, так и для определения контингента («числа») рекрут для их армий. Записей этих первых переписей не сохранилось.

Впоследствии московские князья ввели кадастровые («писцовые») книги, пользуясь вероятно отчасти византийскими, но главным образом монгольскими образцами. В широком масштабе «письмо» было применено к Новгородским владениям, доставшимся Москве в конце XV в. Часть этих писцовых книг сохранилась, но она относится уже собственно к более позднему периоду, чем нами сейчас рассматриваемый.

В Западной Руси кадастр (люстрация) был введен по польскому образцу (при чем однако некоторое влияние и здесь должны были иметь описи монгольские). Сколько-нибудь полно сохранившиеся описи Западной Руси относятся также к более позднему времени (XVI век).

Таким образом всякая попытка хотя бы в самых общих чертах наметить народный доход Руси древнего периода может быть только гадательной.

Для определения народного дохода страны, на основе мыслей еще Адама Смита, принимаются во внимание следующие понятия:

(1) «валовая продукция страны, охватывающая всю совокупность произведенных и воспроизведенных в течение года материальных ценностей»;

(2) «чистая продукция остающаяся от этой совокупности после вычета из нее той части продуктов, которая служит для воспроизводства материального капитала страны»;

(3) «доход населения, слагающийся из чистой продукции страны, которая распределяется между лицами, участвующими в материальном производстве, и доходов лиц, участвующих в не-материальных профессиях» [91].

В приложении к древней Руси ни один из этих трех признаков не может быть сколько-нибудь точно выяснен.

Говоря в самых общих чертах, соотношение между первой и второй группой понятий (т. е. валовой и чистой продукцией) в древней Руси должно было быть совершенно иным, чем в России новой и новейшей. Иными словами, «часть продуктов, служащих для воспроизводства материального капитала страны» была меньше, чем в новое время, благодаря отсутствию сложных машин. Таким образом чистая продукция ближе подходила к валовой.

Что касается до распределения дохода населения, то благодаря тому что большое число населения производило в первую очередь для собственного потребления, оно известным минимумом дохода (потребительной нормой) и было обеспечено (за исключением случаев

---

91) С. Н. Прокопович, Народный доход западно-европейских стран (Москва—Ленинград, 1930), стр. 11-12.

стихийных бедствий как неурожай, военное разорение, пожары и т. п.)

В смысле валовой продукции были в древней Руси особенно важны следующие отрасли народного хозяйства:

(1) Звероловство и рыболовство
(2) Земледелие
(3) Скотоводство
(4) Ремесла и промышленность.

(1) По первому из этих четырех пунктов добыча значительно превышала потребности не только лиц и семей, занятых в этой области, но также и потребности внутреннего рынка, так что значительная часть добычи вывозилась на заграничный рынок.

(2) Земледелие обеспечивало потребительские нужды производителя в Южной и Западной России, но не могло обеспечить их в Северной (Новгородской) Руси. Хотя часть продуктов вывозилась и на внешний рынок, но зато Новгород должен был иногда даже покупать хлеб из-за границы.

(3) Скотоводство как отрасль народного хозяйства доставляло некоторый избыток, шедший даже и на внешний рынок (кожи). Впрочем кони частью пригонялись на Русь из степи.

(4) Ремесла и промышленность мелкого кустарного типа обеспечивали по крайней мере потребительские нужды лиц, занятых в этой области. Более крупные мастерские (монастырские, княжеские) производили излишек, частью шедший на удовлетворение особо изысканного круга заказчиков на самой Руси (на обиход княжеский, позже царский), частью же и на внешний рынок.

Внешняя торговля обогащала главным образом высшие слои древнерусского общества. Военный грабеж и военная добыча обогащали как князей и дружинников, так отчасти и рядовых воинов, а позже казаков (добыча «дувалилась»).

Сводя воедино эти общие соображения получаем следующие — неизбежно также весьма общие и весьма приблизительные — выводы.

(1) Валовая продукция древней Руси по некоторым отраслям народного хозяйства была весьма значительна.

(2) Чистая продукция древней Руси в состоянии была обеспечить потребительские нужды главной массы населения, а также и притязания на известную роскошь меньшинства населения.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОБЩЕСТВО.

§ 1. Семейнородовое начало в древней Руси.

Историческим основанием древнерусского общественного уклада был родовой или семейнородовой быт. Родовая или вернее семейнородовая община — та основная ячейка, из которой вырос общественный союз древней Руси. Ячейка эта сложилась, конечно, еще до расселения восточных или русских славян по Западной Евразии.

Родовой быт не являлся характерным только для славянских народов. Через стадию родового быта прошли и другие арийские народы, например германцы, в том числе конечно и готы, завладевшие в III—V вв. южнорусскими степями [92]), а также иранцы, в том числе скифы, сарматы, аланы. Потомки последних, осетины, жили родовым бытом еще в конце XIX в.

Родовой быт являлся укладом и тех турецко-монгольских народов, которые кочевали в южнорусских степях в V и последующих веках.

---

92) См. Начертание, 27.

Расселяясь по русским равнинам, восточные славяне встречались таким образом повсюду у своих соседей с привычным им общественным укладом и всем соответствующим строем понятий [93]).

Родовые связи не порвались у восточных славян и во время их расселения по русским равнинам. Наоборот, можно думать, что расселение шло именно родовыми общинами, которые притом еще объединялись в племенные союзы, обеспечивавшие им бо́льшую безопасность от туземцев или соседей [94]).

О родовом быте восточных славян по расселении их говорит и *Повесть Временных Лет*: «Полянам же живущим особе и володеющим роды своими... и живяху кождо с своим родом».

К X—XI-му векам родовой строй русских славян подвергается уже некоторому разложению. В Ярославовой «Русской Правде» ограничивается родовой обычай кровной мести. Постановления о наследстве в «Правде» Ярославичей предусматривают уже (под влиянием права византийского) возможность раздела семейно-родового имущества между сыновьями [95]).

Эти постановления Русской Правды имели в виду преимущественно княжью дружину и городское общество. В обществе сельском семейно-родовая община еще преобладала. Да и в боярской среде еще долго держалось единство рода. Еще в XVI веке в русском вотчинном праве играл немаловажную роль институт родового выкупа.

В великорусском крестьянском быту пережитки семейно-родовой общины дожили чуть не до начала XX

---

93) Разумеется при этом оставалось противоречие экономического быта между оседлыми славянами и степными кочевниками.

94) О племенных союзах, имевших значение главным образом политическое, см. ниже в гл. IV. Вероятно впрочем, что в случае потери при расселении части своих членов от лишений или военных столкновений с соседями, семейнородовая община пополнялась и посторонними. Об этом ср. также ниже, § 2.

95) См. подробнее в гл. III о наследственном праве.

века («большая семья»). Точно так же, как произведения древнерусской эпики, сложившиеся в XI—XII веках в среде высших слоев тогдашнего русского общества, в XVIII—XIX вв. бытовали лишь в среде северного великорусского крестьянства («ста́рины», «былицы») [96] также и формы общественной жизни, ранее присущие различным слоям русского общества, в XVIII—XIX вв. сохранялись лишь в крестьянской среде.

Вот описание таких «больших семей», существовавших еще в крестьянском быту в конце XIX века в одной из волостей Орловской губернии: «Семью в крестьянском быту нашей волости составляет несколько родственников с их женами и детьми, числом от 15 до 20 и даже более, которые все живут в одном доме. Власть старшего в семье имеет большое значение. Он следит за сохранением в семье общего согласия, спокойствия и благочиния; все семейные ему повинуются. Он распределяет занятия и наблюдает за исправным выполнением их, заведывает всем хозяйством и жизненными продуктами, уплачивает казенные подати и повинности. По смерти родоначальника власть его по управлению семейством и хозяйством переходит к совершеннолетнему старшему сыну; если же у покойного нет совершеннолетнего старшего сына, а остались в семье его родные братья, то к одному из них... Бывают, хотя и очень редко, и такие случаи, что по смерти родоначальника из мужского пола к принятию управления никого не остается [97]; тогда его место занимает вдова его... Когда несколько братьев или дядей с племянниками, живя в одном доме, поддерживают между собою семейное согласие и порядок, то все у них общее, кроме женских принадлежностей, как-то: холстов, белья и прочего наряда. Все это в общее упо-

---

96) См. ниже гл. VII.

97) Слог тяжелый — автор сообщения волостной старшина (т. е. писец по всей вероятности волостной писарь).

требление не поступает; распорядителем же над всем остальным бывает или старший по летам или кого изберут по общему согласию; в таком случае жена избранного хозяина имеет преимущество в распоряжении хозяйством, относящимся до женщин, если она к тому способна и расчетельна, если же нет, то избирается по усмотрению одна из младших женщин. Работы в семье распределяются между мужчинами и женщинами по их силам и здоровью» [98]).

Я привел эту довольно длинную выдержку, потому что она рисует весьма обстоятельно крестьянскую «большую семью» XIX века, а эта «большая семья», как сказано выше, представляет собою пережиток одной из древнейших русско-славянских общественных форм [99]). Семейнородовая община древней Руси была, нужно думать, во многом похожа на тот тип крестьянской большой семьи Орловской губернии, который описан в приведенной цитате. Вероятно, как правило, древнерусская семейнородовая община была многочисленнее по своему составу. Можно сопоставить в этом отношении древнерусскую семейнородовую общину с югославянской «задругой».

Задружная община, составляя фундамент общественного развития сербов, хорватов и словинцев, дожила в Югославии до настоящего времени и представляет там еще живой институт народного права [100]).

---

98) М. М. Ковалевский, Родовой быт (Соб. 1905), I, 32-33.

99) Крестьянская «большая семья» стала быстро разлагаться после 1861 года.

100) Профессор Ф. Мозли (P. E. Mosely) собрал новые материалы о задруге и «соседском праве» во время недавней своей поездки на Балканы и в настоящее время, как он мне сообщил в декабре 1936 г., занят их разработкой. По мнению проф. Мозли термин «задруга» — искусственный, «Жить в задруге» первоначально означало у сербов «жить в согласии». Из работ о задруге недавнего времени см. В. Попович, Задруга (Сараево 1921) и его же Задруга: Теория и Литература (Гласник Земальского Музея у Босни и Херцеговини, XXXIII-XXXIV, 1921-1922) (я ознакомился с этими изданиями благодаря любезности проф. Мозли).

По определению гражданского законника княжества Сербского 1844 года «задруга — общность жизни и имущества возникшая и утвержденная благодаря союзу родства или естественному приросту» [101]. Число членов югославянской задруги среднего размера колеблется от 20 до 60. Встречаются однако и до настоящего времени задруги с бо́льшим числом членов (около 80). Задружных общин с числом членов более 100 в более новое время не известно. По всей вероятности и в прежние времена задружно-семейные общины редко заключали в себе более 80 членов, но при известных условиях несколько задруг могли объединяться в более широкие братства.

§ 2. Общинное начало в древней Руси.

Семейнородовая община, будучи основною ячейкою древнерусского общества, не была однако единственною формою общественного союза в древней Руси. С течением времени развились другие формы, частию выросшие из семейнородового союза. Таковою была прежде всего территориальная община.

Помимо девушек из чужого рода, взятых в жены членами рода, в родовую или семейнородовую общину могли входить и другие не родные по крови мужчины и женщины. У славян, как и у иранцев, существовал обычай побратимства или братотворчества.

Прием в родовую или семейнородовую общину не родных по крови во многих случаях являлся результатом житейской и хозяйственной необходимости. Семейнородовая община, потерявшая значительную часть своих членов в силу ли болезни или войны, могла быть вынуждена соединиться, сложиться с соседями, не надеясь иначе уцелеть в суровой борьбе за су-

101) § 507 Законника 1844 г. (цитирую по изданию Иречка).

ществование. Особенно часто могла быть в этом нуж-
да при расселении славян в новых непривычных усло-
виях жизни при необходимости не только обеспечить
себе пищу и одежду, но и оберечься от туземцев или
чужих племен.

Так возникала по типу семейнородовой новая общи-
на на договорных началах. Члены такой общины в
древней Руси назывались складниками или сябрами.

Могло быть, также, что несколько семейнородовых
общин, не сливаясь между собою, находили выгоднее
объединиться в более широкий союз — составить во-
стную общину.

Но наиболее существенным фактором, повлиявшим
на образование территориальных общин в древней Ру-
си, были требования, предъявлявшиеся к населению
со стороны государственной власти. Последняя стре-
милась к обеспечению некоторых элементарных своих
нужд — сбора дани, а также и расправы с преступни-
ками.

Первые славянские поселения возникли на террито-
рии Западной Евразии, вероятно еще во времена гос-
подства иранцев. К иранской эпохе и должно быть от-
носимо образование среди оседлого земледельческого
населения Западной Евразии податных общин. Общи-
ну составляли «люди» («мерды») [102]. В такого рода
податные общины организованы были славянские на-
сельники Западной Евразии и в Хазарском государ-
стве (VI—IX вв.). Варяжские князья, нужно думать,
воспользовались уже готовой организацией. О подат-
ной общине варяжской и поваряжской эпохи можно
получить довольно ясное понятие из «Русской Прав-
ды».

Как и в иранскую эпоху, синонимом общины был
термин «люди» (иранское мерды) [103].

---

102) Ср. выше в гл. I.

103) Иранское м е р д превратилось ко времени Русской Правды в «смерда». Вопрос о соотношении терминов «люди» и «смерды» в Русской Правде весьма сложен. В общем одна-

В некоторых списках Русской Правды (напр. Синодальном и Пушкинском) община называется вервью [104]). Члены верви связаны были между собою круговой порукой. В случае, напр., если на территории какой-либо верви найдено было тело убитого княжеского дружинника («княжа мужа») и убийца не мог быть обнаружен, то виру должна была платить вся вервь [105]). Следует впрочем иметь в виду, что вхождение в состав общины было в эту эпоху добровольным. Можно было и не «вкладываться» в общую виру (РП II А, 6), но в таком случае людин не мог рассчитывать на помощь соседей. Круговая порука членов общины за убийство, совершенное в пределах общины, сохранялась в русском праве долго после Русской Правды. Например, в Белозерской Уставной Грамоте 1488 года читаем: «а учинится душегубство в коем стану или в коей волости, а не доищутся душегубца, и они вины четыре рубли заплатят, в стану или в волости, в коей душегубство учинилось» [106]).

Мы видим, что в этой грамоте территориальная община называется волостью, что и было в XIV—XV веках обычным термином для общины. Термины «село» и «деревня» употреблялись в средневековой Руси в смысле отличном от нашего времени. Селом тогда называлось обычно отдельное хозяйство — двор с пашней и угодьями («село земли») [107]). Тот же смысл

но ясно, что в эпоху Русской Правды общественное положение смердов было несколько приниженным.

104) Русская Правда, II, А и Б, 3—4; ср. также по указателю. Как известно, Леонтович понимал «вервь» как семейно-родовую общину (ссылаясь на аналогию с югославянским правом). По всему контексту Русской Правды вервь представляется мне однако территориальной общиной (быть может в некоторых случаях и выросшею из общины семейно-родовой).

105) Это случай так называемой «дикой виры». О значении термина см. ниже в гл. III.

106) ААЭ, I, № 123.

107) Село — от селиться, сесть (на землю).

имело и слово «деревня» [108]). При разделении «большой семьи» в деревне, состоявшей первоначально из одного двора, могло образоваться два-три. Две-три семейных общины могли также сложиться совместно для расчистки леса под пашню — результат был тот же — образование «деревни» в два-три двора, что было обычным типом в XV в. на русском Севере.

Волость могла состоять из 50 и больше таких деревень, т. е. из ста, полутораста и больше дворов или семейных общин. В Новгородском крае волость обычно называлась погостом. По летописному преданию деление на погосты в Новгородской земле введено было еще княгинею Ольгой. Волостная община помимо общей уголовной ответственности ее членов, о чем было упомянуто [109]), часто обязана была круговой порукою за уплату податей (дани) [110]). Волость была самоуправляющейся единицею и во многих случаях имела своих выборных властей и судей [111]).

Волостная община не вела однако коммунистического хозяйства. Жившие отдельными дворами или деревнями семьи (или роды), входившие в общину, вели каждая свое хозяйство и имели свой хозяйственный инвентарь и свое движимое имущество. Земли могла впрочем считаться собственностью всей волости. Земли обычно было вдоволь, земельной тесноты не было, даже в более заселенных районах до XV—XVI веков.

В виду этого не было никакой необходимости в земельных переделах. Земельных переделов в древнерусской общине (волости) не было. Таким образом, если мы можем сопоставить крестьянскую «большую

---

108) Слово «деревня» происходит вероятно от глагола «драть» — очищать лес для пашни. Деревней первоначально называлась очищенная лесная новина, затем — пахотное поле, и только позже — двор с полем.

109) См. также ниже гл. IV, § 6.

110) Ср. ниже гл. III, § 8.

111) См. ниже гл. III, § 1 и 7 и гл. IV, § 6.

семью» XVIII—XIX вв. с древней семейнородовой общиной, то следует остеречься от сопоставления великорусской передельной земельной общины XVIII—XIX вв. с древне-русской волостью.

Волость могла иметь верховное право собственности на землю, но фактически отдельные участки земли в пределах волости состояли не только в пользовании, но и в распоряжении отдельных дворов (семейных общин). Кроме того, как выше было упомянуто, не все землевладельцы округи входили в волость.

§ 3. Дружинное начало в древней Руси. Артели и братства. Церковь в общественном строительстве.

Помимо общины семейнородовой и территориальной древняя Русь знала общественные союзы и объединения иных типов. Здесь прежде всего должны быть упомянуты союзы дружинного типа.

Объединения этого рода могли быть различных видов. Дружиною называлось в древней Руси всякое товарищество людей, сошедшихся для какой-нибудь определенной цели, например промышленной или производственной. Дружина в этом смысле была синонимом артели. Но в более узком смысле дружиною называлось содружество, образовавшееся вокруг какого-нибудь популярного военного или политического вождя, преимущественно князя.

Варяжские князья и вожди приходили на Русь каждый со своею дружиною и по мере того, как князья оседали по русским городам, с ними оседали и их дружины. Княжая дружина делалась таким образом влиятельным элементом общества в каждой из русских земель. Постепенно, политическое и социальное лицо княжой дружины менялось, и старшие дружинники

превращались в боярский класс. Дружинник становился вотчинником [112]).

Первоначальная дружина основывалась на чувстве верности её членов по отношению к вождю и чувстве товарищества по отношению друг к другу. Со своей стороны и князь себя считал не только вождем, но и старшим товарищем в дружине, ценил и любил дружину и относился внимательно к её нуждам [113]). Общий интерес к воинским подвигам и приключениям, грабежу и добыче тесно спáивал князя с дружиною. С течением времени дружина начинала расслаиваться. Стали различать старших и младших дружинников. Старшие дружинники продолжали еще смотреть на себя, как на товарищей князя, младшие дружинники определенно становились слугами князя. Дружина постепенно превращалась в двор князя.

Своеобразным типом вольных дружин, не связанных с князем, были в древней Руси всякого рода товарищества и ватаги, образовавшиеся как для промыслов, так и для военного грабежа. Таковы были ватаги новгородских «ушкуйников» на русском севере и ватаги «бродников» на степном юго-западе. Ватага представляла собою вольное товарищество с выборным ватаманом или атаманом во главе.

По типу «бродников» позднее возникли ватаги и общины казаков — на Дону, Яике, Тереке, Днепре. Казачья ватага могла образовываться и для мирных промыслов и для военного грабежа. Такого типа казачьи ватаги явились позже одною из главных сил русской колонизации на востоке и юговостоке. Сибирь освоена была именно ватагами и артелями казаков и «промышленных людей» (XVI—XVII вв.).

К числу производственных организаций древней Руси принадлежали артели плотников и каменьщиков [114]). Всякие крупные хозяйственные предприятия,

---

112) Ср. ниже, §§ 4 и 5.
113) Ср. ниже, гл. III, § 9.
114) См. гл. I, § 4.

напр. постройки церквей производились артелями или товариществами (дружинами). Во главе каждой такой дружины стоял выборный старейшина или старшина. По актам XIII и XIV веков известно существование охотничьих артелей на севере России, в частности для добывания кречетов (артели или «ватаги» помытчиков) [115]. Подобного же типа артели и ватаги образовывались и для рыбного промысла.

Свои артели и товарищества были и у купцов и городских ремесленников. Известна купеческая организация при церкви св. Иоанна Предтечи на Опоках (в Новгороде). Для того, чтобы быть постоянным членом этой организации («пошлым купцом») требовался взнос в 50 гривен серебра. Эта купеческая организация или братство должна была также заботиться о благолепии своей церкви и церковных служб и справлять торжественно («почесть створити») храмовой праздник. Подобного рода купеческие братства или артели были конечно и при других церквах в различных городах древней Руси.

В городах западной Руси в XIII—XV веках вместе с немецкими поселенцами и немецким (Магдебургским) правом распространяется и цеховая организация ремесла. Корпорации ремесленников западной Руси утверждались правительственными грамотами. Так, в 1386 г. издана была грамота, обеспечивающая права корпорации портных гор. Перемышля. При этом ограничивалось число заведений (bánci, лавки) портных в городе. Их не могло быть более шестнадцати. Много цеховых грамот дошло от XV века, как напр. для ткачей и скорняков гор. Львова, портных, кузнецов, шорников гор. Перемышля и др. [116].

Цех западной Руси XIV—XV вв. представлял собою, на подобие цехов германских, замкнутую самоуправляющуюся корпорацию с выборным старшиною

115) ААЭ. I, №№ 1 и 3.

116) Грушевский, VI, гл. III.

(senior) во главе. Члены цеха разделялись на мастеров, подмастерьев (товарищей) и учеников. Полноправными были собственно лишь мастера, с которыми старшина должен был советоваться в делах. Споры между членами разрешались цеховым судом. Цех ручался за честность и нравственность своих членов. Цех был не только юридической организацией, но и братством. Братство это искало церковного освящения. Каждый цех имел свою церковь или часовню. Цех участвовал всем составом в похоронах каждого из своих членов.

Собирались члены цеха и для братских пиров — пили вместе «братское пиво». Подобного рода «братчины» не были впрочем непременно связаны с цехами и обычай «братчин» широко был распространен не только в юго-западной, но и в северо-восточной Руси. Подобного рода «братчина» являлась иногда особой организацией «пивцов» во главе с «пировым старостою» или «государем пировым». Братчина имела даже право судить своих членов — очевидно главным образом за буйство во время пира [117].

Говоря о купеческих и ремесленных организациях древней Руси мы упомянули уже о связи их с церковью. Церковь играла вообще крупную роль в общественном строительстве древней Руси. Церковь освятила не только профессиональные организации, подобные купеческим и ремесленным братствам и цехам, но и другие виды общественных союзов, начиная с основной социальной ячейки — семейнородовой общины.

Культ предков, существовавший в славянской родовой общине до принятия христианства теперь принял форму почитания святых — покровителей целого рода или отдельных родичей.

Церковный храм сделался также средоточием равно и волостной и городской общины. В больших городах кроме соборов, имевших общегородское значение, каж-

---

117) ПСГ, ст. 34 и 113.

дый «конец» или улица имели свои приходские храмы, вокруг которых сосредоточивалась кончанская или уличная жизнь. Церковь образовала особые организации верующих — приходы, которые в средневековой Руси часто сливались с другими общинными организациями.

Далее церковь взяла на себя попечение о всех лицах, потерявших связь с общественным союзом или лишившихся своего общественного положения. Такие лица в широком смысле назывались «изгоями». В частности, изгоями были: попов сын, вышедший из своего сословия по неумению грамоте, холоп, выкупившийся из холопства; обанкротившийся купец. Кроме изгоев церковными или богадельными людьми считались нищие и убогие («слепец, хромец, вдовица»).

Принимая на себя попечение о людях, вышедших из рамок общественного союза, церковь вместе с тем создавала свой новый тип общественного союза: союза людей, объединенных (в идеале) церковно-религиозной идеей и связанных с церковью профессионально. Сюда входят духовенство и крылошане («поп, диакон и дети их, а кто в крылосе: попадья, чернец, черница, проскурница, паломник, свещегас»), также те, кто обслуживает больницы, гостиницы, странноприимные дома [118]).

Основным типом идеократического общественного союза, введенного на Русь церковью было конечно монашество. В идеале монашество прежде всего было братством, основанным на духовной связи и духовном делании. Фактически монастыри сделались быстро также и важным фактором материяльной, экономической жизни. Об этом отчасти упоминалось уже и раньше [119]), а отчасти будет итти речь еще дальше [120]).

---

118) Устав кн. Всеволода о церковных судах (по изданию Владимирского-Буданова, Христоматия I, 209). Устав этот относится ко времени между 1125—1136 г.

119) В главе I.

120) В главе V.

§ 4. Разложение родового и общинного быта и образование общественных классов.

Родовой и общинный быт могут сохраняться в неприкосновенности долгое время, пока условия жизни — и главным образом условия экономической жизни — более или менее однородны для всего населения страны, пока не создается резких противоречий между отдельными группами общин в стране — например городскими и сельскими — или между отдельными семьями, родами или лицами в пределах той же общины.

В нашем обзоре хозяйственной жизни древней Руси (глава I) мы видели, что такие противоречия действительно и образовались. В руках отдельных родов скоплялись значительные богатства — в виде земли, скота, различных угодий. Развитие внешней торговли приводило к накоплению значительных денежных капиталов в руках немногих. Массы населения в больших городах вроде Киева, Новгорода — оказались в положении полу-пролетариата.

В сельских местностях создавалось неравенство владения и власти — подымалось вотчинное начало — укреплялось крупное землевладение. Государь-вотчинник, князь или боярин владел не только землею, но и людьми — челядью. Кроме холопов (рабов), крупный вотчинник пользовался трудом людей полусвободных (закупов). Целые группы крестьянства (смерды) попадали в полузависимое (от князей) положение. Подготовлялось закрепощение крестьянства.

Монгольский погром XIII в. разорил, отчасти прямо уничтожил верхушку общества. Противоречия несколько сгладились — но не надолго, т. к. введенная монголами система откупов для сбора податей [121]) вновь привела к обеднению массы и обогащению «выдвиженцев» новой формации.

Спрашивается — как все это должно было отразить-

---

121) См. ниже гл. III, § 8.

ся на строении общества? По всей вероятности, большинство населения и сельского и городского продолжало держать старые семейнородовые и общинные связи, и вероятно именно крепость этих связей многим позволяла пережить все невзгоды.

Разрыв связей, пауперизация и пролетаризация коснулась в процентном отношении лишь меньшинства. Это меньшинство шло под покровительство сильных и богатых землевладельцев — или церкви, или князей и бояр.

Покровительства подчас искали себе не только отдельные лица или семьи, но также и целые роды или общины. Подобно тому, как дружинники и бояре искали князя посильнее и побогаче, которому было бы служить почетно и выгодно, подобно тому целые дворы и деревни крестьян, а иногда целые волости ставили себя под покровительство бояр — или тех же князей.

Так власть боярина-вотчинника начинала покрывать собою крестьянский мир — общинный или семейнородовой [123]).

Таким путем боярская вотчина наряду с крестьянской общиною сделалась одним из устоев русского уклада в монгольские и послемонгольские времена.

Это поглощение общины боярщиною в марксистской и близкой к марксизму литературе принято называть феодализмом. В отличие от феодальных отношений между сюзеренами и вассалами, отношения между сеньером и виланами называют феодализмом экономическим. Ни в политической, ни в экономической области однако нельзя провести совершенной аналогии между «феодализмом» русским и «феодализмом» романо-германских стран [123]).

Характерную сущность романогерманского феодализма составляет юридическое оформление смычки

123) Не надо забывать, что крестьянские общественные ячейки — «большая семья», а отчасти и самая община сохранялась при крепостном праве и дожили до 1861 года.

123) Феодализм в Англии носил опять особые черты.

между явлениями «экономического» и «политического» феодализма. Власть сеньера (политическая и экономическая) над населением сеньории была неразрывно связана с вассальным его подчинением своему сюзерену. Такой связи на Руси в домонгольский период не было.

Равным образом ее не было в восточной Руси XIV—XV вв. До известной степени о смычке двух рядов феодальных отношений можно говорить лишь по отношению к западной (Литовской) Руси этого периода. Только по отношению к Литовской Руси и можно поэтому вообще говорить о развитии феодализма в смысле феодализма романогерманских стран. Но полной аналогии не было даже и здесь [124].

В виду всего сказанного мне кажется предпочтительным говорить не об «экономическом феодализме» в средневековой Руси, а о развитии в ней «вотчинного строя». Вотчинный строй этот развивался помощью отчасти разложения, а отчасти подчинения себе общинного порядка, при чем здесь наибольшее значение имело право вотчинного суда [125].

Следует иметь в виду, что «выдвижение» княжеских, боярских, отчасти и купеческих родов в положение командующих классов само по себе вовсе еще не означало ослабления родовых связей в среде самих этих высших классов. Наоборот, родовой порядок — по отношению к своим — продолжал в среде этих высших классов вполне признаваться. И на этом именно основан был первенствующий политический принцип древней Руси — признание права на государственную власть за одним лишь княжеским родом [126]. Сильно было родовое начало и в сознании бояр и купцов.

---

124) Ср. ниже в главе III.

125) Об этом см. ниже в гл. IV.

126) Единственное кажется исключение — вокняжение Владислава в Галиче в 1215 г. Но он долго удержаться не мог. Это исключение лишь подтверждает правило. Существование местных князей до захвата Руси родом Святослава Игоре-

Впрочем, со времени еще Русской Правды наблюдаются и противоположные тенденции. Отдельное лицо чувствует потребность отделиться от рода, основать свою собственную семью вне тесной связи со старым родом. Это прежде всего сказывается на междукняжеских отношениях.

Князья отдельных линий стремятся закрепить за собою определенные области и города как свою вотчину вместо того, чтобы довольствоваться своими владениями на праве участия в родовой собственности. Столкновение двух типов понятия о княжеской власти — родового старейшинства и вотчинно-удельного начала — приводит к ожесточенным усобицам, продолжавшимся непрерывно вплоть до Монгольского нашествия, а отчасти и позже. То же желание создать свою семью, выделенную из старого рода, наблюдаем мы и в боярской среде.

Позже, с возникновением крупных государств — возвышения Московского единодержавия и объединения западной Руси великими князьями Литовскими — перед теряющими государственный облик княжатами и панами-боярами встают новые задачи: обеспечить совокупности своего класса первенствующее место в социальном и государственном быту. Задача эта решается в Западной Руси по польскому и европейскому образцу — ограждением себя сословными привиллегиями. В Руси восточной возникает местничество.

Но и в Московском и в Литовском государствах высшие классы помнят и берегут родовые связи. И в Московском и Литовском законодательстве еще и XVI-го века тщательно оговаривается право родового выкупа недвижимых имений.

вича также не опровергает правила, относящегося к последующему. Волховские князья, как мне кажется, происходили от князей Черниговских. Гедиминовичи были внешнею силою, которой оставшиеся в западной Руси Рюриковичи противиться уже не могли. И это уже близко к концу рассматриваемой эпохи (XIV в.).

§ 5. *Высшие классы древнерусского общества.*

В предыдущем параграфе мы говорили о разложении первоначального общественного союза в древней Руси.

Между отдельными группами общества не сразу однако образовались непроницаемые перегородки. В Киевской Руси не было сословий в позднейшем юридическом смысле этого слова, а были лишь общественные классы более или менее текучего состава [127].

В Русской Правде различаются следующие общественные группы: 1) княжеская дружина, княжьи мужи — в поздних редакциях, бояре; 2) люди; 3) купцы; 4) ремесленники; 5) смерды; 6) закупы (полусвободные); 7) холопы.

Позже состав общества упрощается. В Западной Руси (на Галичине и Волыни) привычным делается различение трех основных общественных классов (не считая холопов): бояр, горожан и крестьян. В Галицко-Волынской летописи при описании нападения кн. Даниила на город Белз читаем: «Боярки бояриа плениша, смерд-смерда, град-града» (Ип. 1221 г.).

В населении Московской Руси (не считая холопов) могут быть различаемы две основные группы: служилое и тяглое население, при чем вторая группа в свою очередь распределяется на две: посадских людей (горожан) и крестьян.

В Литовской Руси общественное развитие шло иными путями. Там, в конце XIV-го—XV-м веках устанавливается разделение на общественные группы сословного типа: 1) княжата и паны; 2) шляхта; 3) мещане (горожане). Внизу сословной лестницы стояли мужики (крестьяне), позже называемые «хлопами», и холопы (челядь).

---

127) В дальнейшем изложении не отводится особого места духовенству, т. к. о нем будет говориться в главе о церкви (выпуск 2 настоящего тома, гл. V).

Обратимся сперва к общественной верхушке — князьям и боярам.

Как было уже сказано выше [128]), княжеский род потомков Владимира Святославича («Рюриковичей») размножился так быстро, что уже в XII—XIII веках князей можно рассматривать, как особую общественную группу.

У Владимира считают до 24 детей (в том числе 12 сыновей). У Ярослава было 10 детей (в том числе 7 сыновей). Сыновья Ярослава оставили также многочисленное потомство, в особенности Изяслав, Святослав и Всеволод. В XII—XIII вв. некоторые княжеские линии (Смоленские Ростиславичи, Черниговские Ольговичи, Суздальские Всеволодичи) размножились в большие роды.

Князья притом не сидели изолированно каждый в своем углу, а широко общались между собою. Не только Киев, но каждый старший город каждого удельного княжества притягивал к себе окрестных младших князей, стремившихся иметь город, село или хотя бы дворец вблизи столицы.

Между общественным положением великих князей и вообще князей главных городов и областей с одной стороны, и положением мелких князей (вотчинников или служилых) с другой стороны, была конечно значительная разница. Тем не менее во всех князьях «Рюриковичах» жило сознание единства их рода и особого своего общего всему роду достоинства.

В XIV—XV вв. помимо князей-Рюриковичей возникают новые группы князей — Гедиминовичи в Западной Руси и татарские царевичи и князья в Руси Восточной. Некоторые их линии также весьма быстро размножились.

О политическом значении князей речь будет итти в

---

128) Глава I.

следующей главе, здесь же нужно сказать несколько слов о значении князей, как социальной группы [129].

Князья, как целая группа, и каждый князь в отдельности, должны были, по пониманию современников, быть ласковы к дружине, поддерживать в обществе «добрые нравы», творить добро, хранить заповеди Божии, раздавать милостыню, украшать храмы, [130].

Конечно это — идеальное понимание социальной функции князя, и идеал этот редко осуществлялся в действительности. Но важно и то, что лучшие представители княжеского рода к этому идеалу стремились.

Владимир Мономах ставит себе особенно в заслугу следующее: «и худого смерда и убогой вдовицы не дал есм сильным обидети; и церковного наряда и службы сам есм призирал».

Разумеется не всякий князь был покровителем церковного искусства и церковной письменности. Но некоторые были и играли крупную организаторскую роль в культурной жизни тогдашней Руси. Некоторых князей вроде Юрия Долгорукого и его потомства можно назвать градостроителями и храмостроителями по преимуществу.

Князь являлся также зачинателем общественных увеселений, охоты и спорта. В древней Руси, за исключением западной окраины, не было рыцарства как оформленного института на европейский лад. Тем не менее двор князя являлся своего рода школой высшего света для дружины, а отчасти и прочих кругов общества.

В Киеве устраивались конские ристалища, а иногда и подобия рыцарских турниров. Когда Изяслав II с угорской помощью выгнал из Киева своего дядю Юрия Долгорукого, победа отпразднована им была с необычайной пышностью. Летописец рассказывает об этом так:

---

129) О роли князей в экономической жизни страны см. выше, в 1 главе.

130) Ср. Поучение Владимира Мономаха (Лавр., под 1096 г.).

«Изяслав же в Киеве седе на столе деда и отца своего с честью великою... от Святой Софьи поеха и с братиею на Ярославль двор, и Угры позва с собою на обед и Кияны, и ту обедаа с ними на велицем дворе на Ярославли, и пребыша у велице весельи; тогда же Угре на фарех и на скоках праху на Ярославле дворе, многое множество. Кияне же дивяхутся Угром множеству и вметства их и комоном их». (Ип. 1150).

Охота занимала видное место в княжеской деятельности [131]).

Немаловажной функцией князя было устройство пиров и председательство на них. Знамениты были пиры Владимира Святого, «Красна Солнышка», воспетого в былинах. На этих пирах не только пили и ели: на них играла музыка, под гусли пелись героические были и веселые песни.

На этих пирах создавалось общественное мнение, обсуждались старые подвиги и намечались новые предприятия. Пиры утверждали популярность князя, закрепляли его связь если не с «народом», то хотя бы с дружинною средою.

Переходим теперь к боярам.

По расовому происхождению древне-русское боярство представляло собою весьма не однородную группу. Первоначальная дружина варяжских князей состояла, разумеется, главным образом из скандинавских выходцев [132]).

Весьма скоро, конечно, в дружину вошли и местные славяне. Каждый князь стремился привлекать влиятельных племенных старейшин или «нарочитых людей» для укрепления своих связей с местным населением. Да и пришлые варяги быстро ославянивались.

В дальнейшем к дружине присоединялись удальцы самого разнообразного происхождения. Помимо посто-

131) Об экономическом значении охоты сказано уже было выше в гл. I. Ср. там же о «ловах» Владимира Мономаха.

132) Ср. начало договора князя Ольга с греками: «Мы от рода русского: Карлы, Инегелд, Веремуд»... и т. д.

много притока славяно-русских «выдвиженцев», князь охотно принимал в дружину выходцев из других евразийских народов — финнов, торков, половцев, ясов (осетин), касогов (черкесов) и т. д. [133].

С другой стороны в княжескую дружину шли помимо варягов и другие выходцы с Запада, как то ляхи (поляки), угры (венгры), чехи, литовцы и т. д. Со временем некоторые из этих пришлых родов стали выводить свое происхождение вообще «из немец» (как напр., Романовы и Свечины).

После монгольского завоевания в восточно-русское боярство влилось много татарских князей. Процесс этот принял массовый характер в средине XV в. [134].

Принимая Православие, все эти выходцы быстро сливались с русской средой, совершенно ославяниваясь, принимали русский язык, обычаи и нравы.

Боярство скоро стало крупно-землевладельческой группой по преимуществу. Боярские вотчины быстро росли во всех русских землях. «Села боярския» упоминаются неоднократно в летописях и других памятниках XII века. Богатство становится неразлучно с боярством в сознании современников. Захватив Киев у Изяслава Давидовича, кн. Мстислав «зая товара много Изяславли дружины — золота и серебра и челяди и коней и скота» (Ип. 1159).

Большая боярская вотчина была своего рода удельным княжеством. Боярские хоромы играли роль княжого дворца в округе. У многих бояр были свои собственные дружины. Эти боярские дружины упоминаются уже в Русской Правде (III, 101). Некоторые бояре возрастали на княжой службе, другие приходили уже к князю со своей дружиной и челядью.

---

133) Особенно много ясов и касогов было в дружине тмутороканских князей. Тмуторокань, как известно, политически связана была с Черниговом и таким образом кавказские дружинники переходили и к другим русским князьям. Некоторые боярские роды происходили, вероятно, из ославяненных францев, осевших на юге России.

134) См. Начертание, 109.

Про Шимона Варяга (XI в.) известно, что он «остави латинскую буесть и истинне верова (т. е. принял Православие)... с всем домом, яко до 3000 душ». В 1332 г. к Московскому великому князю Ивану Калите поступил на службу «от Киевских благоплеменных вельмож Родион Нестерович и с ним же княжата и дети боярския и двора его до тысящи и до семи сот».

Роль боярства в общественной жизни сливалась с ролью князей. Окружая князя тесной толпой, бояре помогали князю руководить общественным мнением и сами на себя смотрели, как на лучших людей общества. В своей вотчине боярин жил князем. Так же задавал пиры, охотился, так же заботился о благолепии церквей и монастырей.

Подобно князьям, бояре жили в тесном общении с церковью и духовенством. Многие бояре или дети их шли в монастыри, играя подчас крупную роль как в умственной жизни монастырей, так и в церковном управлении вообще. Из бояр бывали и архиереи [135]).

Между князем и боярством бывали и конфликты и по временам борьба между двумя этими элементами доходила до большого напряжения. Но об этом в другом месте [136]).

Своеобразно было новгородское боярство, связанное тесно с местным купечеством и городской общиной и не зависевшее от пришлеца-князя. Но и новгородско боярство носит ту же социальную окраску, что боярство других русских земель. Влияние новгородского боярства в значительной степени покоилось также на землевладении.

В результате монгольского завоевания князья и боярство в южной Руси были в значительной степени раздавлены. Однако в восточной Руси и княжата и бояре удержали свои социальные позиции и с течением вре-

---

135) Как напр. Московский митрополит Алексей из боярского рода Плещеевых. Ср. ниже, гл. III.

136) Ср. ниже, гл. III.

мени московское боярство значительно окрепло. Вновь расшатано оно было уже в результате внутренней политической борьбы начиная с конца XV в. и было основательно разгромлено Иваном Грозным в эпоху опричины. Но по мере падения боярства в Московском государстве стал подниматься новый общественный класс — дворянство. Создание и подъем этого класса выходит уже однако за пределы хронологических рамок настоящего тома.

Значительный расцвет ожидал боярство (панов) в западной Руси после образования великого княжества Литовского. Западнорусские паны в течение XV и первой половины XVI века наряду с духовенством сыграли крупную роль в развитии социальной и культурной жизни края.

С течением времени однако западнорусские паны и шляхта обнаружили уклон к денационализации под влиянием латинства и полонизма. Процесс денационализации западнорусских панов и шляхты пошел особенно быстро со средины XVI века.

§ 6. Средние классы русского общества. Городское население.

Состав общественной средины в древней Руси трудно поддается точному определению. Много позже, в XVIII в. императрица Екатерина II хлопотала о том, чтобы создать в России «средний род людей».

В сословно-крепостном русском обществе XVIII в. то, что тогда рассматривалось, как средний род людей — городское состояние — представляло собою тонкую прослойку между высшим и низшим классами — дворянством и крестьянством. В древней Руси строение общества было иным.

Правда, как мы видели [137]), Галицко-Волынская

137) См. предыдущий §.

летопись XIII в. говорит о том же трехчленном составе общества, какой характерен был и для XVIII века.

Но для Руси XIII века в ее целом Галицко-Волынский порядок как раз характерен не был. Мы видели 138), что по Русской Правде состав общества представляется гораздо более сложным.

Для правильного подхода к истолкованию материала Русской Правды в этом вопросе нужно выяснить соотношение между терминами «люди» и «смерды». Весьма часто приходится встречаться с распространительным толкованием термина «смерд».

Сергеевич, напр., признавая, что слово «смерд» в тесном смысле означало пахаря, сельского работника, вместе с тем считал, что в широком смысле слово это употреблялось для обозначения всего населения за исключением одних князей 139).

Сергеевич при этом ссылался на статью 27 академического списка Русской Правды (I, 27), в которой определяется штраф за увод коня: «А за княжь конь... 3 гривны; а за смердей 2 гривны» (Ср. также II А 36; II Б, 35; II В, 38).

Из того факта, что о конях принадлежащих лицам других классов в этой статье не упоминается, Сергеевич делал вывод, что под смердами понимается здесь в противоположность князю всё население. С таким выводом согласиться нельзя. Сергеевич не принял здесь во внимание характера Русской Правды как памятника специально княжого права, часть постановлений которого имеет не общий характер, а относится лишь к особым случаям княжого хозяйства и управления группами населения, находившимися в специальной зависимости от князя. К таким как раз принадлежали и смерды, упоминаемые в статье 27 академического списка. Статья 27 только к этому особому случаю и относится, не имея характера нормы общенародного права.

---

138) См. опять-таки предыдущий §.
139) Сергеевич, Древности русского права, I, 203.

По мнению новейшего исследователя состава древнерусского общества, академика Б. Д. Грекова, следует различать два типа смердов в древней Руси: 1) свободных земледельцев, не попавших в специальную зависимость к «феодалам» (вотчинникам) и 2) освоенных уже феодалами, зависимых от них крестьян [140].

Надо сказать, что основные списки Русской Правды знают только этот второй вид смердов, т. е. зависимых крестьян, при том зависимых именно от князя. Особенно характерна в этом отношении статья 32 Академического списка: если кто «умучает» смерда «без княжа слова», то должен платить за обиду 3 гривны. Сравните также и статью 58 Синодального списка: если смерд умрет (не оставив сыновей), то наследство идет князю.

Таким образом, вряд ли можно возражать против того, что смердов Русской Правды нужно считать низшим, едва-ли не полузависимым разрядом сельского населения. Это не значит, что в древней Руси не было вполне свободных и более зажиточных землевладельцев. Они были, но не назывались смердами. Назывались они людьми.

Эти землевладельцы организуются в общины (верви). Существенной функцией такой общины была уплата судебных штрафов князю в случаях уголовных преступлений, совершенных на территории верви.

Нужно при этом вспомнить, что согласно Пространной Правде, участие в круговой поруке не было обязательно для всех землевладельцев данной верви. Можно было «вложиться» или не вложиться в круговую поруку (РП II, А, 6). Тому, кто не вложился, люди не помогают в случае если штраф пал на него [141].

---

140) Б. Д. Греков, Феодальные отношения в Киевском государстве (Москва-Ленинград, 1935), стр. 103. Князя Б. Д. Греков рассматривает как одного из «феодалов».

141) Ср. выше, § 2.

Под термином «люди» в Русской Правде однако не непременно понимаются землевладельцы. «Люди» Русской Правды это скорее вообще то, что в XVIII—XIX вв. называлось бы средним состоянием или классом.

Положение «людей» в общественной скале Русской Правды можно видеть из сопоставления цифр судебных штрафов (вир и продаж) для различных состояний. В то время, как за убийство княжа мужа (дружинника) полагалось платить 80 гривен, а за смерда 5 гривен, штраф за убийство «людина» составлял 40 гривен. Такой же штраф — 40 гривен — полагался за убийство купца.

В эпоху Русской Правды «людин» и «купец» расценивались таким образом одинаково в смысле их общественного положения. Можно думать, что первоначально «людин» было более общим термином, покрывавшим среднее состояние как в городах так и в волостях.

В Новгороде один из слоев городского населения назывался и позже «житьими людьми». Эти «житьи» (зажиточные) люди, конечно, в социальном смысле сродни «людям» Русской Правды.

По Новгородским порядкам мы можем отчасти судить и о том, чем были «люди» — землевладельцы в вервях или волостях. Такие землевладельцы — хуторяне — в Новгороде назывались «земцами» или «своеземцами» [142]). Размеры их земельных владений колеблются от двух до ста десятин пашни.

В числе этих своеземцев были и купцы. Таким образом во многих случаях землевладельцы среднего состояния не порывали связи с городом. Никаких служебных отношений к Новгороду или к новгородскому князю своеземцы не несли. Они платили только «обежную» дань.

---

142) Сергеевич, Древности Русского Права, III, стр. 7 сл.

В некоторых Новгородских владениях, как напр. в Двинской земле, землевладельцы продолжали складываться для уплаты виры, как это видно из Двинской Уставной Грамоты 1397 года [143].

Подобно Новгороду, и в других землях—княжениях древней Руси вероятно долго держался (местами до монгольского погрома, а местами и дольше) средний класс городских и волостных людей, соответствовавший «людям» Русской Правды.

Строй общества начал изменяться в Московскую и Литовскую эпоху. На Москве, с установлением различия между служилым и тяглым состоянием, прежние «люди» заняли нижние ступени служилой лестницы и верхние ступени тяглого состояния.

Дети боярские (как особая общественная группа), позднее также — служилые казаки — представляют собою некоторое подобие остатков среднего состояния уже подчиненного порядкам службы. В службу Московского великого князя верстали иногда и «лучших» крестьян и зажиточных людей. Позже особый вид среднего состояния уже в рамках служилого класса составляли слуги под дворским (дворяне).

В Литовско-Русском государстве XIV—XV вв. установился, как мы видели, сословный строй. Высшее сословие было неоднородно. Верхний слой его составляли княжата и паны. В состав второго слоя входили или к нему примыкали отдельные группы землевладельцев (земяне, панцырные бояре), в которых можно видеть социальных наследников группы «людей» Русской Правды.

Но в более тесном смысле лишь мещане в Литовской Руси, равно как купцы и посадские люди в Московской Руси могли рассматриваться теперь как представители среднего общественного слоя.

---

143) Ст. I. Грамота эта дана Двинской земле Московским великим князем Василием Дмитриевичем, но в некоторых по крайней мере частях, была очевидно подтверждением прежних обычаев и прав Двинского населения.

Основная масса «людей» по происхождению своему была вероятно чисто-славянской. Можно выразить это положение и иначе. Можно сказать, что основная толща расселившихся в VI—VIII вв. по западно-евразийским равнинам восточных славян продолжала жить главным образом в классе «людей». Высший общественный слой — дружинники и бояре — был, как мы видели, проникнут чужеродными элементами [144]). Славянское происхождение смердов может быть также заподазриваемо [145]). «Люди» же были вероятно чистые славяне.

Только относительно примыкающего к «людям» класса купцов можно думать о чужеродной расовой примеси. Несомненно, что в первоначальный состав купечества (IX—X вв.) должно было войти довольно много варягов. Известно также, что в последующее время в Киеве и вообще в Западной Руси жили купцы не славянского происхождения (евреи, армяне, позже также немцы). Хотя эти иноземные купцы жили обычно отдельными общинами, не сливаясь с туземным купечеством, могли быть и случаи обрусения иноземных «гостей».

Все же, в основной своей массе купечество древней Руси было славянским. В каждом из больших русских городов купцы составляли особые товарищества или корпорации, иногда называемые сотнями. Купеческие товарищества объединялись обычно вокруг какой-нибудь церкви. Выше уже упоминалось об «иванском купечестве» в Новгороде [146]). Другою новгородскою корпорациею было «заморское купечество», объединившееся вокруг церкви св. Пятницы.

Торговля, особенно заморская, в те времена была делом гораздо более рискованным и трудным, чем в эпоху буржуазного строя XIX—XX вв. Заморские

144) Ср. выше § 5.
145) Ср. ниже § 7.
146) См. § 3.

плавания и дальние «гостьбы» вообще требовали часто не только коммерческой сметки и коммерческого риска, но исключительной смелости, находчивости, предприимчивости, подчас подлинного удальства и героизма.

Понятно поэтому, что в купечестве новгородском особый тип «богатыря во купечестве», прославленный в былинах о Садке богатом госте.

Новгородское купечество тесно сливалось с новгородским боярством. Вместе новгородские купцы и бояре заправляли делами городской общины, руководя в особенности торговой политикой. Купечество новгородское, как и купечество других больших торговых городов Северо-Западной Руси (Смоленска, Полоцка, Пскова) обнаружило большие способности к руководству общественными делами и большую твердость в отстаивании своих прав перед иностранцами [147].

В социальном отношении купечество было таким же ведущим слоем в городе, как князь или боярин в своей земле или вотчине. Купеческие хоромы (большей частью деревянные) были в числе лучших зданий города. Купеческие пиры (братчины) играли не малую роль в развитии русской музыки и поэзии. Богатые купцы соперничали с князьями и боярами по строительству и украшению церквей.

Язвою древнерусского города была социальная рознь между верхами и низами городского населения. Богатые купцы считались «лучшими» людьми города. Но большинство населения естественно состояло из менее зажиточных — «молодших» или «черных» людей. В составе их были обедневшие купцы, мелкие торгощы, ремесленники различных специальностей и просто чернорабочие.

Некоторые из них были «смердами», но большинство представляло собою тех же «людей», что и купцы, только обедневших и деклассированных. Сознание сво-

147) Ср. ниже замечания о Смоленском договоре с немцами, гл. III, § 10 и гл. IV, § 10.

ей бывшей принадлежности к настоящим «людям» часто их ожесточало против «лучших людей». Политически, большинство «молодших людей» в Новгороде было равноправно с людьми лучшими и могло участвовать в вече. Отсюда частые конфликты, многие из которых улаживались лишь посредничеством церкви.

§ 7. Сельское население низших разрядов.

К концу XIX века русское крестьянство представлялось довольно однородным по своему составу. Заметно было экономическое расслоение, появление с одной стороны группы зажиточных крестьян («кулаков» по советской терминологии), с другой — группы бедняков и безлошадных. Но в юридическом отношении крестьянское сословие было едино, и общественная организация его (мир) также была для всей почти России единообразна.

Единое крестьянское сословие новой России образовалось в результате долгого исторического процесса из слияния многих более мелких разрядов и общественных групп. До крестьянской реформы 19 февраля 1861 года основными разрядами великорусского крестьянского населения были крестьяне казенные и крестьяне помещичьи (крепостные). Разряд крестьян помещичьих исторически возник и свою очередь из слияния, в начале XVIII века, двух разного рода общественных состояний — крепостных крестьян и холопов.

Крепостное крестьянство Московской Руси XVII в. опять-таки было разнородным по своему составу и происхождению. В XVI веке лишь небольшие группы крестьянства можно считать закрепощенными.

В Западной (Литовской и Польской) Руси процесс образования крестьянского сословия во многом отличался от московского и проходил под влиянием поль-

ских подрядов. Крепостное право в Западной Руси возникло ранее, чем в Руси Восточной.

В домонгольский период положение сельского населения было опять-таки иное. В Киевской Руси не было единого крестьянского сословия или состояния, которое бы обнимало собою всё сельское население. На земле в Киевскую эпоху сидели и совершенно свободные землевладельцы и хуторяне («люди», «своеземцы») и полузависимые от крупных вотчинников смерды и «сироты» и полусвободные «закупы». В крупных вотчинах для сельско-хозяйственных работ употреблялась и «челядь» (холопы, рабы).

В дальнейшем историческом процессе верхний слой сельского населения («люди» и «своеземцы») постепенно распадался. Часть его примкнула к служилому классу, часть слилась с «черным» крестьянством. Об этом отчасти было уже сказано [148]).

Что касается холопов, их положение мы рассмотрим ниже особо [149]).

Таким образом сейчас нам нужно обратиться к «смердам» и «закупам». Начнем со «смердов». В своем месте было уже сказано о том, что в «смердах» можно видеть потомков сельского населения еще эпохи иранского владычества [150]). На части территории южной Руси, занятой иранцами, издревле жили вероятно отдельные группы и славян. Смерды могли таким образом быть славянского происхождения, лишь попавшими в низший разряд населения в эпоху заселения страны новой волною славянских пришельцев — полноправными «людьми».

Можно думать однако, что часть смердов была потомками не славянских, а иноплеменных поселенцев иранской эпохи, и следовательно инородцами с точки зрения позднее пришедших славян. Это обстоятельство

---

148) См. выше § 6.
149) См. § 8.
150) Ср. выше гл. I.

также могло быть причиною подчиненного положения смердов в Киевскую эпоху.

В Киевскую эпоху смерды являются перед нами людьми хотя лично и свободными и имеющими имущественные права (хотя несколько и ограниченные), но всё же полузависимыми от князя и несомненно стоящими на низших ступенях общественной лестницы. Вспомним, что по Русской Правде за убийство смерда и холопа полагался одинаковый штраф (пять гривен).

Смерды по преимуществу земледельцы. Когда на Долобском съезде (1103 г.) князья стали обсуждать вопрос о походе на половцев, между Святополком II и Владимиром Мономахом возникло разногласие по поводу времени похода. Святополк говорил «яко негодно ныне весною ити, хочем погубити смерды и ролью (пашню) их». На это Владимир Мономах возражал так: «дивно ми дружино, оже лошадий жалуете, еюже кто ореть (пашет), а сего чему не примыслите, оже то начнет орати смерд, и приехав половчин ударит и стрелою, а лошадь его поиметь, а в село его ехав иметь жену его и дети его и все его именье» (Лавр.).

Из этого обмена мнений между князьями ясно видно, что на смерда смотрели прежде всего, как на земледельца. Но при этом любопытно отметить еще и то, что при военном походе князь имел право мобилизовать смердьих коней для нужд армии. В связь с этим надо поставить и заботу Русской Правды о смердьем коне. За увод смердьего коня полагается штраф в две гривны (за княжого коня три гривны) (II В, 38).

Так как смерды находились в зависимости от князя (и зато в некоторых случаях под покровительством князя), то вероятно и земля, на которой работали смерды, не принадлежала им на праве частной собственности, а была княжою. Отсюда понятно, что и вымороченное имущество смерда шло князю.

Более тесною, чем зависимость смерда от князя, была зависимость ролейного (пашенного) закупа от боярина. Закупами назывались сельско-хозяйственные

рабочие, взявшие у крупного землевладельца денег или скот взаймы [151]).

У закупа оставалось ограниченное право иска на боярина. Бояри не мог также бить закупа «не смысля, пьяи, без вины». В таком случае закуп имел право на вознаграждение. Но с другой стороны наказывать закупа за вину бояри имел право. В случае побега, закуп считался холопом боярина, от которого бежал, и если боярину удавалось поймать беглеца, он возвращался уже холопом.

С течением времени к положению смердов и закупов приблизились и другие низшие разряды сельского населения (в том числе обедневшие и потерявшие земли «люди»).

Крестьяне этих разрядов известны современным памятникам под именем «изорников», «сирот», «половников», «серебренников» и др. В западной Руси, а позже и в восточной к этим полузависимым от землевладельца крестьянам применяется термин «мужики» (в западной Руси позже также хлопы). В восточной Руси общим названием земледельческого населения становится «христиане» (крестьяне).

В социально-экономическом отношении двумя обычными признаками всех этих низших разрядов сельского населения были 1) аренда ими земли у крупного землевладельца, и 2) ссуда денежная или иная, получаемая ими от того же самого землевладельца.

Условия крестьянской аренды изорников [152]) подробно разработаны в Псковской Судной Грамоте. Аренда уплачивалась натурою (четверть урожая). Для всех арендных договоров установлен был во Пскове один общий срок — Филиппово заговение (14 ноября). При отказе от продолжения аренды изорник

---

151) В некоторых случаях закуп одновременно мог быть и арендатором участка земли. О закупничестве с юридической точки зрения см. ниже гл. IV, § 7.

152) Пашенных людей. Изорати — вспахать.

должен был заплатить двойной оброк (половину урожая). Этим возможность отказа от аренды весьма затруднялась. С арендою обычно и во Пскове связано было получение ссуды («покруты»). В случае прекращения аренды землевладелец получал право требовать сразу всю ссуду назад. Это разумеется еще более связывало изорника.

При всей той денежной зависимости от крупных землевладельцев, в которую часть крестьянства попадала непрерывно в течение ряда веков (XI—XV), государственная власть не делала попыток закрепить эту фактическую зависимость законом.

Ограничения права перехода сельского населения начинаются лишь с XV века, при том ранее в Литовской Руси, чем в Московской. Земским привилеем 1457 года великий князь Казимир запретил перезывать крестьян с панских вотчин на казенные земли. На Москве первые ограничения свободы крестьянского перехода общим законом относятся к 1581 г., но лишь Уложение царя Алексея Михайловича (1649 г.) окончательно подтвердило крестьянское закрепощение.

§ 8. Холопы.

Рабство являлось повсеместным институтом древнего и ранне-средневекового мира. В частности, рабство исстари утвердилось и в западной Евразии. Рабы были у скифов и у хазар. По всей видимости, рабство существовало у славянских народов, еще до расселения их по западно-евразийским равнинам.

Следует различать однако различные виды рабства. Одно дело рабство, как традиционный институт семейного права. Другое дело рабство, как институт права международного и торгового.

Связь исстаринного рабства у славян с семейным правом видна из самой терминологии. Власть господи-

на над рабами терминологически приравнивалась к власти отца над детьми. В древней Руси вместо слова «раб» (или «роб») обычно употреблялось слово «холоп», и лишь в женском роде говорилось «раба» («роба»). «Холоп» значит собственно мальчик («хлопец» по украински); такого же смысла чешское otrok (раб). «Роб» и «роба» то же, что ребенок (робенок). Также и термин «челядь» сближается с «чадь», «чадо».

Глагол «работать» (трудиться) — производный от «раба». «Работать» первоначально значило быть в рабстве, трудиться в качестве раба.

Семейное право славян отличается более мягким характером, чем у некоторых других народов. Отеческая власть в славянском праве менее сурова, чем напр. в праве римском. Можно поэтому думать, что и рабство древних славян отличалось более мягким характером. Рабы, челядь были в некотором смысле младшими членами в семейнородовом хозяйстве.

Но когда славяне восточные расселились по просторам западной Евразии, они втянуты были в международный коммерческий оборот. Торговля рабами была одним из существенных его элементов. Культура народов древнего мира — греков и римлян — построена была на рабовладении и рабском труде и так как своих рабов не хватало, то рабов стали покупать у соседей (или захватывать на войне).

Римские походы на север и северо-восток, за Дунай, являлись отчасти экспедициями для добычи невольников. В годы мира римские купцы и агенты скупали невольников по северным границам разросшейся римской империи, в том числе и в северном Причерноморье. С римской эпохи в северном Причерноморье, т. е. в Западной Евразии установились традиции работоторговли. Эти традиции были подхвачены варяжскими князьями, когда они утвердились на Руси.

Рабы (челядь) составляли в XI—X веках значительный предмет русского экспорта в Константинополь и на Левант. Святослав Игоревич пытаясь утвердить

свою столицу в Переяславе на Дунае и перечисляя товары, которые туда стекались из разных стран, отмечал: «из Руси же скора и мед, воск и челядь».

В Константинополе был специальный торг русскими невольниками, у церкви св. Мамы. Греки раскупали невольников преимущественно в гребцы галерного флота.

«Челядь» эта главным образом состояла вероятно из пленных, захваченных князем при покорении («примучивании») окрестных земель. Позже, при междукняжеских усобицах, пленники также часто обращались в рабов.

Коммерческий характер, который приняло рабовладение и работорговля, совершенно конечно должны были изменить характер рабства. Холоп стал рассматриваться, как объект вещного права [153].

Холопы держались на Руси преимущественно в больших хозяйствах. При дворе каждого князя и боярина жила челядь. В некоторых случаях хозяин заставлял холопов работать на земле. В большинстве же случаев холопы жили на барском дворе, в качестве прислуги или в качестве ремесленников.

Холопов, заслуживших доверие своих хозяев, последние часто назначали у себя приказчиками (тиунами). Первоначальная княжеская дворцовая администрация почти вся состояла из холопов. С течением времени некоторые из этих холопов или их потомки выбивались на важные должности дворцовой службы. Самые эти должности постепенно изменяли характер, служба принимала характер государственной и должности стали замещаться свободными людьми [154].

После введения в России христианства Церковь повела длительную и упорную, хотя и не увенчавшуюся решительными успехами борьбу с институтом рабства. Если для древнерусского права холоп был объектом,

153) Ср. ниже гл. IV, § 6.
154) См. ниже гл. III, § 7.

а не субъектом, то разумеется Церковь не могла не видеть в холопе такой же человеческой души, как в юридически свободном человеке.

Церковь прежде всего стремилась внушить владельцам, что убийство холопа есть такой же грех, как убийство всякого человека. «Аще кто челядина убиет, яко разбойник епитимью приемлет» гласило правило Митрополита Георгия (XII век). Далее Церковь выступала против продажи рабов, в особенности против продажи рабов «поганым» (иноверцам), за что положены были церковные наказания. Наконец, Церковь всячески поощряла отпуск рабов на волю, в особенности рекомендуя отпуск рабов по завещанию перед смертью «на упокой души». Число таких отпущенников («задушных людей») должно было быть в древней Руси весьма значительным.

В монгольский период, под очевидным влиянием уйгурского права [155]), создается институт условного холопства, известного под именем кабального. Кабала слово арабское, значит обязательство, долговая расписка. Должник, получивший деньги по кабале, должен был работать на господина за проценты по долгу. Вернуть самый долг ему очевидно в громадном большинстве случаев не было никакой возможности. Поэтому «кабальная зависимость» стала синонимом зависимости безысходной.

Первое упоминание о введении на Руси кабального холопства (хотя и без упоминания самого термина) находим в летописях под 1262 г. По смерти Батыя «князи рустии, согласившеся между собою и изгнаша татар из градов своих [156]): бе бо от них насилие, откупаху бо богатые у татар дани и корыстовахуся сами, и многи люди убозии в ростех работаху» [157]). Рабо-

---

155) См. мою заметку в Revue Historique de Droit, 1935, 360—367.

156) Речь идет о временном успехе мятежа.

157) П.С.Р.Л., X, стр. 143. Об откупной системе сбора татарской дани см. ниже гл. III, § 8.

та «в ростех» (т. е. за проценты) и есть существенный признак кабального холопства. Подлинные кабалы дошли до нас лишь начиная со второй половины XV века.

Кабальное холопство было личным, оно погашалось смертью закабалившегося человека или его господина. Дети закабалившегося (рожденные до его закабаления) кабале не подлежали. Иногда однако закон обходили таким образом, что при получении займа человек писал кабалы не только на себя, но также на жену и детей. Иногда человек обязывался кабалой не только заимодавцу, но также и его сыну (или сыновьям). Но такие случаи были исключением, а не общим правилом.

Кабальный человек мог употребляться хозяином для работы и в поле и в усадьбе. В последнем случае положение кабальных людей мало чем отличалось от положения дворовых холопов.

§ 9. Быт.

В предыдущих параграфах мы познакомились с общественным строем древней Руси и общественными классами. Теперь нам нужно перейти к характеристике — поневоле весьма краткой — быта древнерусского общества.

Быт этот нельзя конечно рассматривать как нечто единое. Домашняя жизнь, жилище, одежда, общественные праздники и развлечения — всё это менялось с течением времени. Быт горожан отличался от быта сельского населения. Особым миром были монастыри. Быт высших классов общества не во всем подобен был быту низших слоев общества. Надо впрочем сказать, что такой резкой разницы в быте высших и низших слоев как в XVIII—XIX вв. древняя Русь не знала.

В XVIII—XIX вв. разница между европеизован-

ным бытом высших сословий и бытом народным прорыла глубокую пропасть между «господами» и «простонародьем». Это были почти что две различные цивилизации. В древней Руси различия между бытом высших и низших слоев общества были скорее количественные, чем качественные.

Начнем наш обзор с характера поселений древней Руси. Как и в более позднее время вплоть до начала XX века значительная разница в условиях жизни была между горожанами и сельскими обывателями. Городские поселения древней Руси рано развились благодаря подъему торговли. Важнейшие города древней Руси — Киев, Чернигов, Новгород, вероятно также Суздаль и Ростов, возникли на месте поселений еще иранской эпохи.

В киевский период многие из этих городов, в особенности сам Киев, достигли значительной степени процветания. Начали создаваться и новые городские центры на северо-востоке, как то Владимир, Боголюбов, Ярославль, Тверь, Москва, Тула.

Рост городов связан был конечно прежде всего с ростом промыслов и торговли и потому в значительной степени был делом купечества и мещан. Однако во многих случаях многое зависело и от княжеской инициативы. Известно, как много сделал для украшения Киева Ярослав I или для украшения Владимира и Боголюбова Андрей Боголюбский.

Киев поражал приезжих иностранцев красотой, размерами и кипучей жизнью. Адам Бременский называл Киев соперником Константинополя. Упадок Киева, как города, начинается с половецкого погрома 1203 года. Одновременно почти происшедший разгром Константинополя крестоносцами IV крестового похода подорвал значение Византийской торговли, до того времени являвшейся одним из главных источников благосостояния Киева.

Вторым по значению городским центром Киевской эпохи был Новгород. Значение его особенно поднима-

ется в XIV—XV вв., когда Новгород служит посредником не только между немецкой Ганзою и Русью, но также между Ганзою и монгольским Востоком. Упадок Новгорода начинается с подчинения его Москве (1471).

У нас нет точных данных о численности населения в древне-русских городах. В Киеве XI—XII вв. можно предполагать более 100 тысяч жителей и такое же число вероятно для Новгорода XIV—XV вв. Прочие города были менее значительными, все же в Смоленске, Чернигове, Ростове, Рязани, Владимире-Волынском, Галиче, Львове, позже также в Твери и Москве нужно предполагать несколько десятков тысяч жителей.

Почти всякий город древней Руси был одновременно центром административным, церковным, торговым, ремесленным. Город обычно окружен был стенами — первоначально, в большинстве случаев деревянными, — и являлся крепостью, под защиту которой спасалось окрестное население в случае вражеского нашествия.

В соответствии с различными заданиями древнерусского города в нем обычно имелся дворец князя или его наместника, несколько — иногда очень много — церквей и монастырей, торговая площадь — в больших городах не одна, окруженная лавками купцов и ремесленников, и наконец дома — жилища обывателей.

Каменных зданий кроме церквей было мало или почти не было. Благодаря этому, монументальность церквей и крепостных башен архитектурно особенно должна была выделяться на фоне низких деревянных хором и домов.

Что касается вне-городских поселений они были в древней Руси различного типа. Боярские дворы со своими службами и хозяйственными постройками, окруженные частоколами, иногда с церковью возле, представляли собою как бы города в миниатюре. То же можно сказать и о больших монастырях, огражденных каменными стенами, к которым жался посад.

Больших сел и деревень позднейшего типа в древней Руси повидимому не было или было не так много. Лишь в Западной Руси в XV—XVI вв. стали возникать местечки полуторгового типа.

«Люди», «своеземцы» жили хуторами, «смерды» иногда мелкими поселками, иногда отдельными дворами. Население такого двора или хутора иногда было впрочем не менее населения маленькой деревни позднейшего типа, благодаря обычаю жить большими семьями.

Жилые постройки были довольно разнообразны по типу. Каменные жилые палаты были, как сказано, исключением. Общим правилом были деревянные хоромы и избы.

О внутреннем убранстве и обстановке домов отчасти уже говорилось выше [158]). В больших хоромах бывало помногу покоев или комнат — горенки (чистые комнаты), ложницы (спальни) и т. д. После введения христианства в чистых комнатах вешалась иконы. В большой комнате устраивался иногда целый иконостас, подобие домашней часовни.

Мебелью служили скамьи, столы, кресла, кровати, поставцы, шкапы. Все это покрывалось убрусами, коврами, всякими тканями. Кровати были с особым изголовьем. В богатых хоромах кровати были постелены дорогими одеялами (иногда собольими) и покрывалами (паполомами). Подушки были иногда шелковые. В бедных домах все разумеется было проще. Одеяла употреблялись там полотняные.

Исконной одеждою древнерусского мужчины была сорочка (рубаха) и шаровары, которые идут вероятно еще от скифской эпохи, как можно судить по изображениям скифов на памятниках эллино-скифского искусства. Женский сарафан также вероятно наследие скифских времен.

---

158) Гл. I, § 4.

Низшие слои древнерусского населения при этой одежде и остались, присоединяя к этому в более холодное время свиты волосяные и надевая на зиму теплый кожух или тулуп. Люди высших классов стали в XI в. одеваться по византийским образцам. В ходу были и восточные одежды. Впрочем, в самом византийском костюме сильны восточные влияния.

Князья в парадных случаях стали носить корзна (род облекавшего весь стан круглого плаща, накидывавшегося сверху). Корзно застегивалось на правом плече запонью с петлицами. Употреблялись также откидные (япончицы). Даниил Галицкий носил скарамангий (тонкой работы кожух) тоже по византийскому образцу. Женский костюм установился также по византийским и отчасти иконным образцам.

Со времени монгольского завоевания русский костюм подвергся новому влиянию восточных образцов. Стали употребляться узкие кафтаны, однямы, армяки, зипуны и т. д. Бояре стали надевать ферязи и опашни (опашни были мужские и женские).

В качестве обуви носили сапоги и черевья (черевики), а беднейшее население в лесных местностях — лапти. Щеголи, как былинный Чурило Пленкович, носили сапоги с особыми загнутыми носками, чем приводили в восхищение древнерусских красавиц.

На голове носили шапки разного вида. Распространенным типом был клобук — высокая остроконечная шапка, часто с меховым околышем или опушкою. Носились также треухи, мурмолки. Позже ввелись в употребление среди высших сословий шапки горлатные (обшивавшиеся лисьим, куньим или собольим мехом). На руках носили перчатки (рукавицы перстатые).

Строй жизни был приблизительно одинаков в богатых и бедных домах. Вставали рано. «Да не застанет вас солнце на постели» поучал своих детей Владимир Мономах. Помолившись отправлялись на работу. Князь начинал день «думою» с дружинниками, творил суд, вникал в дела управления. Бояре делали то

же. Купец и ремесленник шли каждый в свою лавку. Земледелец выезжал в поле.

Работали до обеда, а после обеда ложились отдыхать: «спанье есть от Бога присуждено полудние» советовал тот же Мономах: «от чина бо почивает и зверь и птица и человеки». После спанья опять работали или шли в церковь к вечерне.

Дома жена богатого человека наблюдала за хозяйством — приготовлением пищи, рукодельем и шитьем мастериц, за детьми надзирали мамы и няньки. Жена бедняка сама варила себе и семейству и сама рукодельничала.

О приготовлении пищи в древнерусском обиходе говорилось уже выше [159]). В «Слове о богатом и убогом» (XII в.) обед богатого человека описывался так: «на обеде же служба бе многа, сосуди златом скованы и серебром, брашно много и различно: тетеря, гуси, жеравия, ряби, голуби, кури, заяци, елени, вепреве, дичина, чамъри, търтове, печени, кръпания, шемьлизи, пирове, потъкы, множество сакачий [поваров] работающе и делающе с потомь и мнози текуще и на перстех блюда носяще, ини же мехающе с боязнью». Обед среднего обывателя был конечно много скромнее, но и там обычно потреблялось мясо. Мясо ели и воины на походе.

Мылись в банях, имевшихся на севере, при каждом доме, а летом в реке или прудах. По субботам и перед праздниками мылись особенно тщательно.

Иногда болели и звали «лечца» (доктора) или знахарку. От простых болезней и ран тот или другая иногда вылечивали. С эпидемиями, как «черная смерть» (средина XIV в.) бороться не умели и умирали множествами.

И помимо эпидемий для беднейшей части населения были трудные года — неурожая и голода. От голода особенно часто страдал Новгород, где своего хлеба не

159) Гл. I, § 4.

хватало и зависели от привоза. Войны — не только нападения внешних врагов, половцев или татар, но и междукняжеские усобицы были часто не менее губительны для мирного населения, чем эпидемии.

Но если бывало много горя, бывало много и веселия и радости. В городах, а также и во многих селах, в воскресные или праздничные дни ехали в церковь. Церковь давала не только исход религиозному чувству, но также удовлетворяла эстетическим запросам, заменяя отчасти то, что в наши времена дают музеи и театры. После службы на площади перед церковью шла оживленная беседа между соседями и знакомыми, а затем можно было отправиться на званый обед и смотреть скоморохов и слушать игру на гуслях или иную «гудьбу» (музыку).

Княжеские пиры часто открыты были для всех желающих. «Изяслав с сыном Ярославом послата подвойски и биричи по улицам кликати, зовучи к князю на обед от мала и до велика» (Ип. 1148).

Будничный круг жизни прерывался не только подобными пирами, но целым рядом обрядовых торжеств. Наряду с церковными праздниками долгое время почитались языческие, против чего Церковь боролась, но не всегда могла старые обычаи одолеть. Некоторые языческие праздники, исчезнув как таковые, были приспособлены к христианским, напр.: «русалии» к Троицыну дню, зимний солнцеворот — к Рождеству, а летний — ко дню св. Ивана Купалы.

Своего рода общественными событиями были также и некоторые семейные события, в особенности в жизни знатных семей и родов. В случае смерти князя или боярина, умершему устраивались торжественные похороны с вопленицами и причитаньями. На заупокойную тризну (пир) звали всю округу.

Свадьбы праздновались пышно и торжественно почти во всех слоях населения, с подробно разработанным ритуалом, веселым пиром, пением величальных песен, причитаний, а в знатных домах также «гудьбою».

Уклад жизни древней Руси был несложен, но в достаточной мере отвечал потребностям и запросам своего времени. Человек, за редкими исключениями, не чувствовал себя одиноким и потерянным, и мог итти в ногу с окружающим обществом. Различные общественные слои жили приблизительно тем же темпом и в общем — однородными интересами. Классовая рознь была на лицо, но во многих случаях смягчалась возможностью общения между лицами разных классов. Противоречия общественной жизни в значительной степени смягчала и Церковь, беря под свое покровительство увечных и изгоев. Если кто бывал неудовлетворен жизненным обиходом, а вместе с тем не склонен был искать выхода своей душевной энергии в богатырских подвигах — такой человек также мог себя отдать служению Церкви — шел в монастырь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ.

§ 1. Источники и виды власти.

Древнее славяне повидимому не знали централизованной государственной организации, представляя собою плохо сложенные союзы родов и семейно-родовых общин, управлявшихся каждый своими старейшинами. Несколько родов могли составлять племенную организацию, впрочем слабо налаженную.

Подобной же можно себе представлять организацию и в частности восточных славян перед и во время их расселения по русским равнинам, а также и в первое время после их расселения. Родовые старейшины направляли суд и расправу, решали дела, касающиеся всего рода, совещались со старейшинами соседних родов. Бывали впрочем попытки и более широких племенных объединений. В IV веке восточные славяне (анты) вступили в борьбу с готами. Антский военный союз представлял повидимому довольно значительную силу в причерноморских степях VI—VII вв. [160]).

160) См. Одинец, 59 слд. Ср. также ниже.

Зачатки государственной организации славян покрывали собою первоначальные формы их общественных союзов. Государственная организация постепенно вырастала на основе общественной ткани.

Власть племенная была вероятно естественным развитием власти семейнородовой. Собрание родовых старейшин решало дела племени. При наличии условий, требовавших более прочной организации (напр., в случаях войны с соседями), во главу племени выдвигался князь, вероятно из состава родовых же старейшин.

Таково, можно думать, было происхождение местных племенных князей, которые держали власть в некоторых областях Руси перед захватом власти варяжскими князьями. Из летописных сказаний о Киевском князе Игоре мы знаем, что у древлян, например, еще в X в. был свой местный князь (по имени Мал).

Существенным фактором в развитии древнерусской государственности было то обстоятельство, что захватив Приднепровье и Приазовье восточные славяне проникли в область древней иранской культуры, с налаженными традициями международного торгового оборота, а также и традициями государственного порядка.

Эти традиции помогли в свое время готам наладить подобие большого государства на юге России (III—IV века). Нашествие гуннов (конец IV — первая половина V века) многое опрокинуло и разорило, но не надо забывать, что гунны несли с собою взамен свою собственную военно-государственную организацию, построенную на началах турецко-монгольского быта.

Уроками гуннов восточные славяне съумели до известной степени воспользоваться и в VI веке возродился антский военный союз, который еще до гуннского нашествия пытался вести борьбу с готами. Бури конца VI—VII веков (нашествия аваров, болгар, хазаров) постепенно разбили державу антов. Главною силою в южнорусских степях сделались теперь хазары.

Хазары, подчинившие себе значительную часть восточно-славянских племен (VI—IX века), соединяли традиции и иранской и турецко-монгольской государственности, а позже явились проводниками и библейских (иудейских) понятий о власти [161]).

Хазары обеспечили безопасность торговых путей в Приднепровье и Приазовье, а также наладили известный административный порядок в славянских областях. По всей вероятности в Киеве и некоторых других городах сидели хазарские наместники (тудуны), а окрестное население организовано было в самоуправляющиеся территориальные общины, население которых круговою порукою отвечало за уплату дани и расправу с преступниками [162]).

Город был административным центром для окрестных сельских областей. В некоторых случаях устанавливалась иерархия городов. Большой город политически господствовал над меньшими (пригородами). Собрание граждан (вече) главного города руководило политической жизнью всей области.

Варяжские князья воспользовались административным аппаратом, который налажен был хазарами. Весьма характерно, что после разрушения Святославом Игоровичем хазарского царства, киевские князья приняли хазарский титул кагана [163]).

То новое, что было принесено варяжскими князьями в управление русской землей, это — раздача своим дружинникам вотчин с правом суда и управления над населением в пределах вотчины.

По мере поглощения общины боярщиной [164]), власть государя вотчины (пана, боярина) над населением вотчины все возрастала.

---

161) Хазары приняли иудаизм в VIII веке. См. Начертание, 33.

162) Ср. о древнерусской территориальной общине выше гл. II, § 2 и ниже гл. IV, § 8 и 9.

163) Ср. Начертание, 42; Опыт, 62—63.

164) См. выше гл. II, § 4.

Рост вотчинного режима связан был с укреплением княжеской династии Святослава Игоревича [165]). Охотно делясь с дружинниками властью на местах, Святославичи ревниво оберегали однако от бояр княжеские столы, как привиллегию своего рода [166]).

Наконец, весьма важным моментом в поднятии престижа княжеской власти, как и вообще в развитии русской государственности, было крещение Руси. Церковь освятила собою княжескую власть. В понятие власти вошел в сильной степени момент идеократический [167]).

Крещение Руси имело и другие важные последствия для политической жизни Руси. В церковном отношении древняя Русь подчинялась Константинопольскому патриарху. Но по византийским понятиям Церковь и государство были между собою неразрывно связаны. Царь и патриарх рассматривались как священная двоица, поставленная свыше для управления всем миром («икумени», вселенная) [168]). Власть царя и патриарха дополняла друг друга. Одна без другой была немыслима. Приняв крещение, Русь делалась не только митрополичьим округом Константинопольского патриархата, но и в более широком смысле провинциею подчиненною царско-патриаршему икуменическому управлению. Так, с крещением Руси открывалась дверь для притязаний Византийского императора на верховный сюзеренитет над Русью и русскими князьями. Факти-

---

165) Древнерусская княжеская династия известна под именем Рюриковичей. Но в сущности точно не установлено, был ли князь Игорь (отец Святослава) потомком или даже родственником Рюрика. Потомство княжеское фактически пошло от Святослава.

166) Единственный известный нам случай вокняжения боярина произошел в Галиче в 1213 году, но боярин Владислав на княжеском столе недолго удержался.

167) Подробнее об этом см. в главе X во втором выпуске I тома.

168) См. Г. В. Вернадский, Византийские понятия о власти царя и патриарха, Сборник памяти Н. П. Кондакова (Прага, 1926), 149 слл.

чески, византийскому императору лишь в весьма ограниченной мере удавалось добиваться признания на Руси своих притязаний [169]).

Иное дело власть Монгольского хана, которому Русь подчинилась после монгольского нашествия 1237-1240 годов. Власть эта была вполне реальна, легла на Русь тяжелым бременем, многое разбила из прежде наладившихся организаций, но зато создала почву для позднейшего объединения разнородных элементов областной и вотчинной власти под рукою великого князя, позже царя, Московского и всея Руси.

Монгольское владычество было более длительным на востоке Руси, чем на западе. Западная Русь попала в орбиту Литвы и Польши. Политическая история западной Руси привела ее к угрозе денационализации. Это, однако, обнаружилось лишь в более новые времена. В XIV-м же и XV-м веках области Западной Руси пользовались значительной долей автономии. Политический строй Западной Руси Литовского периода основан был на преобладании вотчинной, панской (того, что в восточной Руси называлось боярской) власти.

§ 2. Политическая география древней Руси. — Вопрос о феодализме.

Древняя Русь была своего рода федерацией отдельных княжений, городов и земель. Объединяющими началами были: 1) единство княжеского рода; 2) единство церковного общения; 3) сознание общих связей племенных и родовых и 4) вытекающее из всего этого сознание единства народа и страны. В более ранний (собственно Киевский) период действенной объединяющей силою был торговый интерес — эксплуатация Днепровско-Черноморского торгового пути.

---

169) Ср. отчасти ниже § 2.

Единство княжеского рода было идеалом, которого не уничтожали в общем сознании постоянные ссоры и распри между отдельными князьями или группами князей.

Единовластие было осуществлено на Руси лишь во времена каганов Владимира Святого (978—1015) и сына его Ярослава (который сделался единовластцем после смерти брата своего Мстислава Тмутороканского, 1036).

После Ярослава Русский каганат распался на отдельные княжения, число которых все увеличивалось по мере возростания княжеского рода и раздробления владений.

С другой стороны однако наряду с центробежными силами проявлялись и центростремительные. Более сильные князья стремились объединить вокруг себя менее сильных. Создавались отдельные союзы князей. Междукняжеские связи даже в случаях фактического подчинения более слабых князей более сильными определялись однако терминами не феодальных, а родовых отношений. Андрей Боголюбский попробовал ввести понятие «подручника», близкое к западному васалитету. Это встретило однако сильный отпор.

В виду принятия христианства от греков и зависимости средневековой русской церкви от Константинопольского патриарха, при византийских понятиях о слитности церкви и государства, естественно было ожидать притязаний со стороны Византийских императоров на признание их верховными властителями и на Руси [170]. Фактически византийской политике удавалось иногда добиться влияния на отдельных русских князей. Так какой-то русский князь (быть может Святополк) помогал императору Василию II в его экспедиции против таврических хазар (1016). Владимирко Галицкий признал себя даже вассалом (ипоспондос) императора Мануила Комнина. Суздальский

---

170) Ср. выше § 1.

князь Юрий Долгорукий пошел войною на Киевского князя Изяслава по наущениям византийцев (1149). Однако, как правило, русские князья себя подданными Византийских императоров не считали.

Монгольское завоевание 1237—1241 гг. положило конец независимости русских земель. Русские князья должны были признать себя подручниками монгольских ханов. Для получания стола русским князьям пришлось теперь ездить в Орду получать ярлык на княжение. Ханов Золотой Орды русские летописи величают царями.

Выдавая ярлыки на княжение Монгольские ханы желали лишь признания зависимости со стороны русских князей, но вместе с тем, за редкими исключениями, в русские междукняжеские отношения не вмешивались и уважали принцип родового старейшинства. Родовое начало власти было понятно монгольским ханам, так как и их собственная власть на этом была построена. Ханами могли быть лишь потомки Чингиса.

Тем не менее подчинение монгольской власти внесло существенные изменения в русские междукняжеские отношения. В эти отношения был введен теперь принцип иерархичности, подчинения младших старшим.

Из общей семьи князей в восточной Руси выделяется несколько «великих князей», претендующих на первенство среди других князей того же удела (старшинство это строилось по образцу старшинства ханов в каждом улусе). Великие князья появляются почти в каждой земле-княжении (Москва—Владимир, Тверь, Ярославль, Рязань и пр.). Среди них постепенно растет власть Великого Князя Московско-Владимирского.

Политический строй западнорусских земель, которые в XIII веке завоеваны были монголами так же, как и восточнорусские, складывается в дальнейшем по-иному. Первое время после монгольского завоевания монголы держатся по отношению к западнорусским князьям той же политики, что и к восточным: требуют подчинения и дают ярлыки. Только Киевская область

поступает в непосредственное управление татарских баскаков.

В XIV веке однако большинство западнорусских земель попадает в состав великого княжества Литовского. Галичина признает над собою власть Польского короля [171]). Большинство западнорусских княжеских столов переходит к Гедеминовичам (литовским князьям). На некоторых столах держатся однако и Рюриковичи (Святославичи) — так напр. в Северщине.

Политические отношения, устанавливающиеся как в Восточной, так в особенности в Западной Руси в XIV—XV вв. наводят мысль на аналогию с феодальными порядками средневековой Европы.

С одной стороны, княжеские уделы, в виду быстрого возрастания потомства как Рюриковичей (Святославичей), так и Гедиминовичей, быстро дробятся. Многие «княжества» не отличаются теперь величиной от боярских вотчин. С другой стороны устанавливается известный иерархический порядок среди князей, напоминающий отношения сюзерена к вассалам типа романогерманского феодализма.

Надо сказать, что в Западную Русь действительно — через Венгрию, Силезию, владения немецкого ордена — доходили непосредственные влияния романогерманских образцов. Да и славянские страны Средней и Восточной Европы — Чехия и Польша, — приняв латинскую (католическую) культуру и войдя в тесное общение со странами романогерманской Европы, были проводниками тех же идей и порядков [172]).

Политический строй Великого княжества Литовского может быть сопоставляем с ленным строем немецких или чешских земель и французским феодализмом.

---

171) Долгие годы из-за Галичины идет спор между Венгрией и Польшей.

172) В самой Польше, впрочем, так называемого «политического феодализма» тоже не было, так как установились своеобразные порядки, которые можно назвать «шляхетской демократией».

Политические же отношения в восточной Руси складывались во всяком случае скорее под восточными, чем под западными влияниями. Как было уже упомянуто, иерархический строй междукняжеских отношений продолжал держаться на родовом принципе.

Иная боярщина могла быть больше иного княжества, но боярин князем стать попрежнему не мог. Связи между землей и вассальной службой, «смычки» между феодализмами экономическим и политическим так и не установилось до самых времен полного изменения политического строя восточной Руси [173]). Это изменение явилось результатом роста Московского единодержавия и принятия на себя Московским великим князем титула царя — в наследие от павшей Византии (взятой османами в 1453 г.) и падающей Орды. В Московском государстве установился не феодализм, а поместная система.

§ 3. Князь как орган власти. Верховное управление.

Политический строй древней Руси, как ясно из предшествующего, представлял собою весьма пеструю картину, сочетание разнообразных элементов. Стараясь уловить элементы единства в этом разнообразии мы можем различить четыре основных типа среди органов власти и верховных учреждений древней Руси: 1) князь; 2) городское вече; 3) общеземский сейм; 4) верховный совет (господа, паны — рада, боярская дума).

Князь считался необходимым элементом политической власти в древней Руси, даже если фактически, как напр. в Новгороде, значение его было весьма ограничено. Новгородцы считали себя свободным в выборе князя между представителями различных ветвей кня-

173) Ср. выше гл. II, § 4.

жеского рода. Так, напр., в 1140 г. новгородцы заявили кн. Всеволоду Ольговичу: «не хочем сына твоего, ни брата твего, ни племени вашего, но хочем племени Володимера» (т. е. одного из Мономашичей).

При всем том новгородцы не считали возможным обойтись вовсе без князя. Князь, даже фактически зависимый от веча, как это было обыкновенно в Новгороде, являлся залогом политического и социального равновесия. Власть князя возвышается над прочими элементами власти, объединяя и направляя их, спаивая воедино политический и социальный организм земли-княжения.

Князь признавался необходимым для поддержания политического и социального порядка. Когда Владимир Мономах отказывался прийти княжить в Киев, киевляне заявили: «аще ли не поидеши, то веси, яко много зло уздвигнется, то ти не Путятин двор, ни соцьких, но и жиды грабити, и паки ти поидуть на ятровь твою и на бояры и на манастыре, и будеши ответ иметь, княже, оже ти монастыре разграбят». (Ип. 1113).

Таким образом князь — охранитель внутреннего мира и порядка. Обязанности князя «володети и судить» или «судить и рядить». Вместе с тем на князе лежит поддержание внешнего мира — защита земли от внешнего врага.

Князя, не сумевшего оградить страну от внешнего врага, население считало не исполнившим своей обязанности. Киевская революция 1068 г. вызвана была народным негодованием по случаю поражения княжеской рати половцами. Московский мятеж 1382 г. во время осады города Тохтамышем также вспыхнул вследствие отсутствия великого князя — отъезда его на север для сбора новой рати. Москвичи считали, что князь их бросил.

Наоборот, воинская активность князя создавала ему обычно большой престиж. Популярность Владимира Мономаха основана была в значительной степени на его победах над половцами. Александр Невский своею

обороною русской земли от шведов и немцев создал к себе такое доверие, которого не могла поколебать даже его дружба с татарами, политическую мудрость которой не сразу могли оценить более нетерпеливые и горячие головы.

Князь мог относиться к своим обязанностям по-разному. Иные князья были ленивы и нерадивы, другие добросовестны и деятельны. Идеал княжеской деятельности обрисован в Поучении Владимира Мономаха. Согласно этому Поучению князь должен по возможности сам вникать и в суд и в управление и в предводительство войском. Он должен твердо вести управление и государственное и дворцовое.

В летописи действительно видим много примеров личного участия князя в суде, войске, сборе дани. Однако и лучший и наиболее добросовестный князь за всем сам усмотреть не мог. Военные походы часто отвлекали князя от внутренних дел. Какой-нибудь Мстислав Удалой, метавшийся со своей дружиной по всему лицу Русской земли, сбивая одного противника за другим, не мог отдавать много времени суду и внутреннему управлению.

В обсуждении и решении многих дел князю помогали бояре. В некоторых землях — княжениях и особенно в Литовской Руси боярский совет развился в особое высшее учреждение с конституционными правами. Этот верховный совет, как орган власти, будет нами рассмотрен особо [174]).

Здесь уместно коснуться лишь непосредственных помощников князя касательно управления и суда. Такими помощниками могли быть и высшие дружинники и бояре — порознь, а не в совете. Иные из них помогали князю в его стольном городе. Других он назначал посадниками и волостелями в важнейших пригородах своего княжения.

Во многих случаях, однако, назначение бояр на ад-

---

174) См. ниже § 5.

министративные должности для князя могло быть неудобно. С возрастанием политического самосознания и корпоративного чувства среди боярства боярин стал на себя смотреть не как на исполнителя воли князя, а как на представителя независимой от князя политической корпорации. Начинаются конфликты между князем и боярством, весьма частые особенно в Западной Руси.

Князь стремится обезопасить себя от роста политического влияния боярства, унизить боярство как класс. «Не раздавивши пчел, меду не есть», говорил Роман Галицкий [175]). При таких условиях князь стремился к тому, чтобы вести управление землею через людей от него всецело зависимых. Такими были чиновники дворцового управления князя — дворские, тиуны, ключники, из которых многие были первоначально княжими холопами. Позже в Московском государстве получили значение государственные секретари (дьяки).

Такие члены княжеской администрации лишь в редких случаях составляли особый административный совет. В большинстве случав каждый из таких чиновников порознь получал от князя поручения и каждый лично перед князем бывал ответствен.

Несколько более определенные формы принял административный совет в Западной Руси. Административный совет великого княжества Литовского — как бы секретариат при великом князе и панах-раде — носил смешанный характер. В него входили как некоторые из высших панов, подчас державших свои должности наследственно, так и специалисты — администраторы (урядники).

В числе этих урядников были: маршалок земский (министр великокняжеского двора), охмистр (гофмейстер, заведующий двором великой княгини), канцлер

---

175) Образ этот понятен в условиях пчеловодческого хозяйства того времени (бортничества), когда обычным было уничтожение рои в колоде для добычи меда. См. выше, гл. I, § 2.

(начальник государственной канцелярии), подскарбий земский (секретарь по финансовой части), гетман наивысший (секретарь по военным делам).

§ 4. Вече.

Вече, как орган власти, являлось исконным учреждением древней Руси. Оно действовало повсеместно — во всех главных городах — областных центрах.

Известная запись в Лаврентьевской летописи под 1176 г. гласит:

«Новгородци бо изначала и смолняне и кыяне и полочане и вся власти (волости) яко же на думу на вечя сходятся; на что же старейшие сдумают, на том же пригороди станут».

В различных летописных списках можно собрать много указаний на деятельность веча в XI—XII вв. в разных русских городах [176]).

Вечем называлось общее собрание или сходка всех полноправных граждан («людей») главного города. Жители пригородов принимали участие в столичном вече лишь изредка и в исключительных случаях [177]). Так как вече столичного города могло созываться внезапно для решения какого либо очередного вопроса, то пригороды часто не могли даже заранее быть оповещены.

Полноправными членами веча считались домовладыки — отцы семейства. Живущие при них сыновья, хотя бы и взрослые, голоса не имели. В 1147 г. князь Изяслав II убеждал киевлян подняться с ним против Ольговичей: «доспевайте от мала до велика, кто имеет конь, кто ли не имеет коня, а в лодьи. Кияне же реко-

176) Ср. сводку у Сергеевича, Древности русского права, II, стр. 3 сл.

177) Ср. ниже § 6.

ша: ради... идем по тобе и с детьми, акоже хощеши» (Ип.).

Даже и с такими ограничениями вече большого города бывало обычно очень многолюдно. Местом собрания веча была поэтому одна из самых больших площадей в городе — перед главной церковью или собором, иногда «торг» (рыночная площадь), иногда площадь перед княжим двором.

В Киеве веча собирались у св. Софии, у Туровой божницы, на Подоле, на Ярославле дворе. В Новгороде — у св. Софии, у св. Николы, на княжом дворе. На месте собраний иногда расставлялись скамьи, в других случаях дела обсуждались стоя. Иногда участники веча приезжали даже на конях.

Инициатива созыва веча даже в Новгороде весьма часто принадлежала князю. «Седящю же Мьстиславу в Новегороде Велицем, и вложи Бог в сердце мысль благу пойти на чюдь, и союза мужи новгородские» (Ип. 1178). В других случаях вече созывалось по инициативе группы граждан. В 1146 г., после вечевого собрания на Ярославле дворе, созванного по инициативе князя, киевляне «паки совокупишася вси у Туровы божницы» и потребовали князя на это новое вече для дополнительного обсуждения некоторых вопросов.

Различные группы граждан, не сговорившись между собою, могли пытаться каждая созвать вече по своей инициативе: «И Оницифор с Матвеем созвони вече у св. Софеи, а Федор и Ондрешко другое созвониша на Ярославли дворе» (ПСРЛ, III, 82, 1342 г.).

Из только что приведенной цитаты видно, что вече созывалось колокольным звоном. В каждом большом городе был особый вечевой (также «вечный» или «вечий») колокол, специально для созыва веча только и употреблявшийся. Вечевой колокол был символом городской свободы. При подчинении Новгорода Москве в 1478 году Иван III определил: «вечю колоколу во отчине нашей в Новгороде не быти, посаднику не быти, а государство все нам держати».

Вечю иногда предшествовали совещания отдельных групп граждан, на которых участники заранее условливались, на каком решении стоять. Если такие совещания имели целью какие-либо решительные действия против существующих властей, то они бывали тайные. «Начаша новгородци вече деяти, втайне, по двором, на князя своего» (Ип. 1169).

В Новгороде XIV—XV вв. установился порядок предварительного обсуждения подлежащих обсуждению на вече вопросов на совете именитых граждан и городских властей, известном под именем «госпóда».

Для решения любого вопроса на вече требовалось непременно единогласие. Вечевое постановление выносилось «однодушно», «едиными усты». Если незначительное меньшинство было против, ему приходилось молчать. Если однако ясного большинства не было, или активное меньшинство не желало подчиняться решению, то вече кончалось битвой двух сторон. В случае если ни одна не могла осилить, никакого решения принято быть не могло.

Вече созывалось обыкновенно для решения более крупных вопросов городской жизни. Вече — не только в Новгороде, но также в Киеве и многих других городах — приглашало нового князя на стол в случае смерти или неспособности предыдущего. В Новгороде такой порядок стал постепенно нормальным условием княжеского преемства. В других городах вече далеко не всегда имело возможность или считало нужным подать свой голос при смене князя.

Призывая князя на стол, вече ставило ему определенные условия, составляло с ним «ряд». «Ряд» этот принял наиболее определенные формы опять-таки в Новгороде. По условиям новгородского «ряда» князь обязывался: 1) не судить суда безъ участия посадника; 2) не раздавать волостей и грамот без согласия посадника; 3) не приобретать в пределах Новгородской земли недвижимых имуществ в собственность и

себе, ни княгиню; бояре и дворяне князя также подпадали под это условие [178]).

Призывая князя на стол, вече могло и удалить князя, если он делался городу неугоден. В Новгороде князь подвергался формальному суду веча за неисполнение условий договора. Но случаи изгнания князя вечем бывали и в других городах, напр. в Смоленске и в Киеве.

Вече принимало часто участие в решении вопросов об объявлении войны, а также и о заключении мира. Вече играло большую роль и в законодательстве. Псковская Судная Грамота была рассмотрена и утверждена Псковским вечем.

Весьма важною функцией веча было избрание высших должностных лиц в городе, в особенности (в Новгороде и Пскове) — посадника и тысяцкого.

§ 5. *Верховный Совет.*

Наряду с вечем, как общим собранием полноправных граждан, в древней Руси известен был верховный совет, действовавший в тесном взаимоотношении как с вечем или земским сеймом, так и с князем, иногда как посредник между ними, иногда как орган или дополнявший или ограничивавший власть веча, сейма, или князя.

Этот верховный совет можно признать аристократическим элементом власти в древней Руси. Совет был выражением групповых интересов, но также и политической мудрости знати, а в вечевых городах — также и капитала.

В Новгороде, как уже было сказано [179]), создался особый совет (госпо́да) для предварительного обсуждения вопросов, подлежавших решению веча. Факти-

---

178) Ср. Дьяконов, 131.

179) См. выше § 4.

чески этот совет пытался вообще руководить политической жизнью Новгорода. В состав совета входили старые и степенные посадники [180]), тысяцкие и соцкие. Число членов новгородского совета в XV веке доходило до 50. Фактически, влияние совета могло быть бо́льшим или меньшим в зависимости от соотношения сил отдельных партий и групп граждан и степени поддержки, на которую совет мог рассчитывать среди своих сторонников на вече.

В большинстве древнерусских земель-княжений верховный совет кристализовался однако не вокруг веча, а вокруг князя. Дружина, на которую князь опирался в отношении военном, создавала ему в большинстве случаев и политическую поддержку.

Совещание («дума») князя со старшими дружинниками и была зачатком того учреждения, которое позже в Литовско-русском государстве стало известно под именем панов — рады, а в Московском под именем Думы [181]).

Княжеская дума была одним из основных учреждений древнерусской политической жизни. «Думанье» считалось постоянной и непременною функцией старших дружинников — бояр. «Где бояре думающи, где мужи храборствующи, где ряд полчный» восклицнул ки. Игорь после поражения своего половцами (Ип. 1185).

Без совещания с членами Думы («не сгадав с мужи своими») древнерусский князь не предпринимал ничего важного. Еще о Владимире Святом говорится.

---

180) «Степенным» посадником назывался в Новгороде посадник во время нахождения своего в действительной должности (степени).

181) С легкой руки Ключевского Дума Московского государства именуется обычно «Боярской Думой». В современных памятниках этого термина не встречаем. Государь «думал» со своими боярами, но по инициативе своей «дума» была скорее государева, царская, чем боярская. Формулою решений было «государь указал и бояре приговорили». Об этом будет говориться во II томе «Звеньев».

что он «бе любя дружину и с ними думая о строи земленем и о ратех и о уставе земленем».

Совещания (дума) князя с боярами обычно происходили по утрам. Владимир Мономах в своем Поучении детям советует им вставать до восхода солнца и, помолясь Богу, «седше думати с дружиною». Феодосий Печерский, возвращаясь однажды рано утром из загородного дворца князя, встретил бояр, спешивших на думу к князю.

В мнении современников Дума была ответственна за политику князя. «Князь не сам впадает во многие вещи злыа, но думцы вводят», говорится в известном «Слове» Даниила Заточника. «С добрым бо думцею князь высока стола додумается, а с лихим думцею думает, и малого стола лишен будет».

При всем политическом значении древнерусской Думы киевского периода, она не сложилась в законченное учреждение с определенным составом, правами и компетенцией. Обычай требовал, чтоб князь совещался со старшими дружинниками (боярами), но князь формально в выборе советников ограничен не был.

Вследствие этого, когда боярство начало складываться в определенную корпорацию, когда между князем и боярством началась борьба за власть и князь стал пытаться высвободиться из под боярской опеки, руки у него не были связаны.

Князь начал обходить обычай думанья с боярами. В иных случаях он совещался не со всеми боярами, претендовавшими на роль думцев, а лишь с отдельными лицами из высшей дружины, от которых он не ждал оппозиции. В других случаях он стал совещаться не со старшей дружиной, а с младшей [182])

Подобная политика князей должна была конечно встречать резкое осуждение со стороны приверженцев старшего боярства. Отголоски этого осуждения про-

---

182) Такие случаи — прообразы будущей политики Ивана Грозного искать себе опоры не в родовитом боярстве, а в служилом дворянстве.

никли и в летопись, где часто промахи княжеской политики приписываются нежеланию князя считаться с голосом боярского совета.

Про Всеволода Ярославича, напр., летописец замечает, что под старость он «нача любити смысл уных (юных) и совет творяще с ними; си ики начаша и заводити и негодовати дружины своея первые» (Ип. 1093). Летописец осуждает Святополка Изяславича, что он в нарушение международного права арестовал половецких послов, явившихся к нему с мирными предложениями. Летописец объясняет, что Святополк так поступил «не здумав с болшею дружиною отнею и стрыя своего, совет сотвори с пришедшим с ним» (Лавр. 1093). Святослав Всеволодич Черниговский принял решение напасть на Давида Ростиславича «здумав с княгинею своею и с Кочкарем милостником своим, и не повéде сего мужем своим лепшим думы своея». (Ип. 1180).

«Люте бо граду тому, в немь же князь ун, любяй вино пити с гуслями и с младыми советникы» поучает летописец (Лавр. 1015).

Борьба князя с боярством, принявшая столь резкие формы во многих русских землях (особенно же в Западной Руси) в конце XII и в первой половине XIII века, в значительной степени была прекращена монгольским завоеванием.

В виду создавшейся угрозы раздробления монголами сложившейся политической организации и создания нового порядка — организации низов населения в тяглые общины под непосредственным управлением ханских баскаков [183]), — и князья и бояре поняли, что им приходится думать не о взаимной борьбе, а о взаимной поддержке для спасения традиционного политического уклада. Дальнейший политический процесс пошел разными путями в Восточной и в Западной Руси.

---

183) В таком виде действительно было организовано управление Киевщины и Подолья после Батыева похода 1240 г. Ср. ниже, § 7.

В Восточной Руси боярство, во многом забывая прежние свои притязания, сплачивается вокруг князя и поддерживает князя. Именно дружная поддержка боярства во главе с митрополитом из бояр [184]) обеспечило укрепление великокняжеской власти на Москве в тревожное время малолетства кн. Дмитрия Донского.

Наоборот, в Западной Руси, боярство сорганизовалось в самостоятельную политическую силу и западнорусский князь должен был признать боярский совет, как постоянное учреждение. Учреждение это приняло законченный вид под влиянием польского государственного права.

В состав этого высшего совета великого княжества Литовского входили князья и бояре как русских, так и литовских областей великого княжества. Паны — рада были учреждением чисто аристократическим. Помимо областных князей в совет этот входили высшие сановники великого княжества, как маршалки земский и дворный и важнейшие воеводы, наместники и державцы. Все они были крупными землевладельцами. По мере усиления польско-латинского влияния, в состав рады были введены и латинские архиереи (бискупы).

§ 6. Сейм.

Общеземский сейм, как постоянное учреждение в Киевский период еще не сформировался. В это время можно обнаружить лишь зачатки его. В Московской Руси общеземский съезд представителей с мест известен был под именем земского собора. Но первый Московский собор общеземского масштаба созван был лишь в 1550 г. Деятельность московских земских соборов относится таким образом к более поздней эпохе.

Для нашего периода лишь в Западной (Литовской) Руси мы встречаем сейм, как сложившееся учреждение

184) Митрополит Алексей из боярского рода Плещеевых.

(XV в.), но и там, как увидим, он не играл особенно деятельной роли.

Обратимся прежде всего к тому, что можно считать зачатками сейма в Киевский период (XI—XII вв.). Здесь следует во-первых обратить внимание на междукняжеские съезды («снемы» или сеймы). Такие съезды созывались старшими князьями по мере надобности. Съезды эти иногда имели почти общерусское значение. Таковы съезды Любечский (1097 г.) и Вятичевский (1100 г.). В них принимали участие наиболее влиятельные князья тогдашней Руси — Святополк Изяславич, Владимир Мономах, Давыд Игоревич и Олег Святославич.

В 1168 г. Мстислав II Киевский (ветви Смоленских Ростиславичей) созвал союзных с ним князей для обсуждения вопроса об охране южно-русских торговых путей от половцев. В 1187 г. совещались одновременно две группы князей: Ростиславичи на правом берегу Днепра и Ольговичи — на левом. Предмет совещания был то же, что и двадцать лет назад.

В других случаях съезжались князья только определенной группы для сговора о борьбе с другою группой князей. Так в 1146 г. съехались Давыдовичи (Черниговские) с Изяславом II Киевским и уговорились совместно выступить против Святослава Ольговича (Черниговской ветви).

Все эти совещания формально были только думою князей между собою. Но фактически некоторые из этих съездов имели более широкое, почти общенародное значение. В каждом случае князья приезжали вместе со своими дружинниками и войском. Решение формально принималось в шатре первенствующего князя. Фактически решение было иногда результатом обсуждения вопроса и в княжеской дружине и во всем войске. В некоторых случаях можно думать, что и голос духовенства и горожан принимался во внимание.

В 1151 г. Киевские и Смоленские князья Вячеслав, Изяслав и Ростислав созвали совещание о борьбе про-

тив Суздальского князя Юрия Долгорукого. Из рассказа летописи видно, что в совещании участвовали не только дружины князей, но также представители города Киева и Черных Клобуков. После обмена мнениями, князья «послушавше дружины своей и Киян и Черных Клобуков» (Ип.).

Весьма любопытна роль в этом Черных Клобуков — отряда степных кочевников, поселенного на степном рубеже в южной Киевщине и, в описываемое время, ревностных приверженцев князя Изяслава [185]).

Своего рода зародышем земского собора может считаться и городское вече в том случае, когда в нем принимают участие — подчас весьма деятельное — и представители пригородов. Так, когда в 1146 г. Киевское вече просило на стол князя Игоря Ольговича, Белгород и Василев прислали своих представителей для подтверждения просьбы Киевлян. В 1132 г. когда князь Всеволод Мстиславич вернулся в Новгород после изгнания из Переяславля дядей Юрием, в Новгороде «бысть встань велика в людех. И придоша пльсковици (псковичи) и ладожане и выгониша князя Всеволода» (ПСРЛ, III, 6).

Более определенными чертами рисуются зачатки общеземского сейма в северовосточной Руси. Суздальские князья XII—XIII веков искали поддержки городов и волостей как во внешней своей политике, так и во внутренних своих распрях. Великий князь Всеволод Юрьевич, желая закрепить порядок престолонаследия и обеспечить спокойствие в стране после своей смерти, созвал в 1211 г. общеземское совещание, которое может считаться прообразом московских земских соборов. «Князь великий Всеволод созва всех бояр своих с городов и с волостей, и епископа Иоана, и игумены, и попы, и купцы, и дворяны, и вси люди, и да сыну

185) О Черных Клобуках см. Д. А. Расовский. О роли Черных Клобуков в истории древней Руси. КС, I, 93—110. Ср. ниже, § 9.

Юрию Володимерь по себе и води всех ко кресту и целоваша вси люди на Юрья [186]).

В Западной Руси, отчасти под польским влиянием, к XV в. создалось правильно организованное представительное собрание, известное под именем сейма. Сейм в великом княжестве Литовском развился позднее панов — рады. Паны составили высшую палату сейма (сенат).

Нижняя палата (изба) сейма состояла из представителей (послов) от шляхетского (рыцарского) сословия, избранных на окружных съездах (сеймиках). Образованный отчасти по польскому образцу, сейм имел в великом княжестве Литовском гораздо менее действительного значения, чем в землях короны Польской. Паны — рада подавляли сейм своим влиянием и в большинстве случаев сейм XV века послушно следовал указаниям панов.

§ 7. Строй управления.

Строй древнерусского управления носит двойственный характер. С одной стороны мы видим управление (или самоуправление) общественных союзов: семейно-родового, сельско-сябренного, городского. С другой стороны, подымается и со временем всё более крепнет управление вотчинное — княжое и боярское. Княжой двор постепенно приобретает роль важнейшего административного центра почти во всех русских землях-княжениях.

На первоначальные формы русского административного устройства в XIII веке наложило свою тяжелую печать управление монгольского хана, представлявшее собою смешение обычаев права турецкомонгольских племен с навыками старых восточных административных культур — китайской, иранской, арабской.

---

186) ПСРЛ, VII, 117.

Строй управления (или самоуправления) древнерусских общественных союзов был тесно связан с примитивной военной организацией этих союзов. Народное ополчение и народное управление между собою сливались — так же, это позже было в казачьих общинах — на Дону и в Запорожье. Народное ополчение — «тысяча», делилось на сотни и десятки. Отсюда должности тысяцкого, сотских, десятских [187].

Начальник племенного ополчения или городской рати («тысячи»), тысяцкий, был вместе с тем и глава племенной (или городской) администрации. С установлением княжеской власти должность тысяцкого некоторое время сохраняла свой общественный характер, но тысяцкий сделался помощником князя, посредником между князем и племенной (или городской) общиной. Этим объясняется, что в летописи встречаем иногда имя тысяцкого наряду с именем князя при датировке событий. «В лето 6597 священа бысть церкви Печерьская. . . при благородьнем князи Всеволоде, державному Русскыя земля. . . воеводство держащю Киевьскыя тысяща Яневи» (Лавр. 1089).

Впоследствии тысяцкий в большинстве русских земель стал назначаться князем, обычно из местных бояр. Впрочем, в Новгороде должность тысяцкого осталась выборною до самого падения новгородской независимости. Однако и в других русских землях тысяцкий имел близкие связи с народным вечем, являясь выразителем или попечителем интересов всего народа.

---

187) Происхождение этой системы управления не вполне ясно. Несомненна его древность: оно древнее системы княжой администрации. Однако возможно, что деление это представляет собою в свою очередь остатки более древней государственной системы управления, еще иранской (скифосарматской) или монголотурецкой (гуннской и хозарской). В таком случае, древнерусскую «общественную» систему администрации пришлось бы отчасти рассматривать, как отпечаток более ранней «государственности», только государственности не скандинавской, а евразийской. Любопытно, что в греко-иранском Боспорском царстве первых веков н. э. во главе военного управления стоял «тысяцкий» (хилиарх).

В этом смысле должность тысяцкого могла быть неудобна и князю и боярам. В XIV веке в Московском княжестве видим попытки тысяцкого усилить свое значение, что́ привело к столкновениям и в конце концов к отмене должности.

В 1357 году Московский тысяцкий Алексей Петрович был найден убитым. Народ заволновался, обвиняя бояр в этом убийстве. Поднялся мятеж, и «большии бояре» должны были со своими семействами спасаться в Рязань. Лишь с большим трудом московскому правительству удалось замять конфликт. В 1374 г. после смерти тысяцкого В. В. Вельяминова великий князь решил упразднить самую должность тысяцкого. Сын Вельяминова пытался поднять восстание, но был схвачен и казнен.

Что касается должности сотских и десятских, то эти должности рано утратили свой военный характер, сделавшись агентами, главным образом, полицейского и финансового управления.

Сеть общественной администрации, как было уже упоминаемо, сохранилась в более чистом виде лишь в некоторых городских державах древней Руси, в особенности в Новгороде и Пскове. Наряду с должностью тысяцкого получила особое значение должность посадника. В Новгороде посадник был высшим должностным лицом, и власть его была значительно полнее власти княжеской.

Обращаемся теперь к княжому управлению, в значительной степени носившему, как уже было сказано выше, вотчинный характер. В широком смысле слова, вся Русская земля считалась вотчиною княжеского рода, а отдельная земля — княжение — вотчиною каждой отдельной ветви княжеского рода или даже вотчиною правящего князя. Но князь был вотчинником и в более узком смысле — крупным землевладельцем в пределах своего княжения (кроме Новгорода) или и вне этих пределов.

Самая природа княжой власти, как мы уже виде-

ля [188]), значительно шире круга вотчинных понятий. В особенности освящение княжеской власти Церковью подводило под понятие княжеской власти широкой идеологический фундамент [189]).

Практически, строй княжого управления был однако гораздо глубже проникнут вотчинными понятиями. Княжескими чиновниками в древней Руси были преимущественно служащие дворцового управления князя. Эти служащие первоначально были холопами князя.

Служащие эти в Киевский период носили общее название тиунов (приказчиков). Тиуны являлись княжими агентами и управления и суда. Постепенно тиуны стали различаться по специальности своей службы. Видное значение получил тиун огнищный или дворский [190]), — заведующий дворцовым распорядком князя. Важным сановником был также тиун конюший, заведывавший княжими конюшнями и табунами. В виду значения конного строя при борьбе с кочевниками, должность конюшего тиуна имела большую важность в военном хозяйстве князя.

Более мелкими чиновниками были ключники, мечники (пристава), даньщики, мытники (последние две должности относились к финансовому управлению).

Представителем князя в пригородах или вновь присоединенных городах и землях был посадник [191]). Каждый посадник правил с помощью таких же тиунов и ключников, как и князь.

Управление боярской вотчины складывалось по то-

---

188) См. выше § 1.

189) Ср. М. В. Шахматов, Учения русских летописей домонгольского периода о государственной власти (Прага, 1927, литографированное издание). См. также ниже гл. X (выпуск 2 тома I «Звеньев»).

190) Огнище (очаг) означало тоже, что двор. Огнище было более древним термином.

191) Должность посадника, как княжеского уполномоченного, не следует смешивать с должностью выборного посадника.

му же типу, что́ управление княжое. Управление крупной боярской вотчиною распространялось в некоторых случаях и на окрестное население, в особенности на людей полузависимых от боярина в социальном или экономическом отношении.

В отношении территориальном, управление древней Руси носило довольно пестрый характер. Вотчины княжие и боярские перемежались со свободными общинами городскими или сельскими. Единой схемы административного деления территории не было. Земли делились на волости, погосты, губы. И городское и сельское население делилось на сотни, но деление это не было повсеместным.

Монгольское завоевание внесло глубокие изменения в строй русского управления. Как выше уже упоминалось, часть южной Руси (Киевщина, Северщина, Переяславщина, Подолье) была взята монголами в непосредственное управление. Система княжой администрации в этих землях была сломлена и заменена управлением татарских баскаков.

Баскаки следили преимущественно за правильным поступлением податей [192]) и сбором «числа» (рекрутов в монгольскую армию).

Для обеспечния этих целей страна была организована в общины, связанные круговою порукой. Выборные люди каждой общины служили прежде всего целям монгольской администрации. Общины объединялись в округа. Такие округа назывались «тьмы» [193]).

---

192) Податная система была разумеется реорганизована по монгольским образцам, ср. ниже § 8.

193) Это определенно известно относительно Подолья, но вероятно и по отношению к другим русским землям, подпавшим под непосредственное монгольское управление. «Тьма» или «туман» значит 10.000. Так назывались и корпуса монгольской армии и административноподатные округа. Любопытно сопоставить термин «тьма» (10.000) с древнерусским термином «тысяча», о котором говорилось выше: деление на тысячи возникло также быть может под влиянием восточных образцов (ср. выше в начале этого параграфа).

Во главе округов стояли выборные «атаманы», передававшие баскакам собранную с общин дань.

В большинстве русских земель монголы не разрушали, однако, княжеской администрации, но лишь подвергли ее бдительному надсмотру своих агентов — «даруг» (или «дорог») и тех же «баскаков». Князья сделались подручниками хана — исполнителями его воли.

Однако, благодаря изменению монголами податной системы [194]), а также благодаря влиянию примера непосредственного монгольского управления в тех землях, где оно было введено, администрация всех вообще русских земель в монгольский период претерпела значительные изменения.

Наиболее глубоки были эти изменения в Московском великом княжестве. Сказывались они однако лишь постепенно. Под влиянием монгольских образцов перестраивалось как центральное, так и местное управление.

Великий князь стремится слить различные типы своих советников и приказчиков в единый служилый класс. Центральное управление разделяется на «пути» — конюший, ловчий, сокольничий, стольничий, чашничий. Возрастает значение дьяков в суде и управлении, складываются постоянные канцелярии отдельных «путей», позже развившиеся в так называемые «приказы».

Особенно разительны были перемены в местном управлении и суде, хотя и тут они сказались не сразу. С конца XIV века Московский великий князь начинает поручать управление и суд общинам на местах. В полном виде земское самоуправление развилось в XVI в. при Грозном. Это земское самоуправление основано было на тех же принципах, что и монгольское правление в южной Руси XIII—XIV вв.

---

194) О чем см. ниже § 8.

§ 8. *Финансы.*

Из отдельных отраслей управления рассмотрим особо следующие три: финансовое управление, войско и организацию дипломатического ведомства и службы. Эти отрасли управления относились к ведомству княжого управления по преимуществу. Каждая из этих отраслей лишь постепенно однако выделилась из общего круга княжого управления.

Варяжские князья, прийдя на Русь, застали уже там налаженную систему податного управления, организованную хазарами (а хазары в свою очередь вероятно лишь упорядочили расшатанную временем скифосарматскую податную систему).

Основною чертою этой системы была «дань», платимая правителям племенными или территориальными общинами. Дань налагалась немедленно по подчинении племени или общины управлению господствующего центра. «Рекоша Козаре (полянам): платите нам дань» (Лавр. л. 6).

Дань платилась общиною по расчету от дыма (двора) или от рала (плуга). «Сдумавше Поляне и вдаша (Козарам) от дыма меч». Дань платилась деньгами или товарами, большей частью мехами. Когда Святослав спросил вятичей: кому даете, они отвечали: «Козаром по шелягу [195]) от рала даем» (Лавр. 964). В другом случае в начальной летописи записано: «Козаре имахуть на Полянех и на Северех и на Вятичах по беле и веверице от дыма». (Лавр. 859).

Помимо денежного (или товарного) обложения уже в доваряжскую эпоху известны были конечно и натуральные повинности, в особенности подводная или лодочная (повоз).

Варяжским князьям оставалось только перевести все эти подати и повинности на себя и сбирать их в свою пользу. К наложению этих сборов и сводилась

195) Шеляг — серебряная монета.

главным образом деятельность первых варяжских князей по устроению завоеванной ими страны. «Поча Олег воевати Древляне и примучи и и имаше на них дань» (Лавр. 883).

Первые князья лично объезжали покоренные земли для сбора с людей (это называлось «полюдье»). Дань исчислялась большею частью с дыма. Подымная подать удержалась под этим названием и позже в Западной Руси.

Важным источником княжеских доходов были уголовные штрафы и судебные пошлины (вира и продажа) [196].

Торговые пошлины имели в этот период меньше значения. Принципом товарообмена был свободный от пошлины провоз товаров. Полагалось, впрочем, чтобы иностранные гости и купцы делали небольшие подарки княгине и тиуну [197]. Затем гости и купцы должны были платить специальные сборы на устройство мостов или организацию перевозки и волока товаров (мыт, перевоз).

При взвешивании и измерении товаров [198] взымался особый сбор, известный под именем веса (или весчего) и меры.

Из натуральных повинностей важнейшею был повоз. «Радимичи... платят дань Руси и повоз везут и до сего дне» (Лавр. 984 г.). От населения требовались также мастера и рабочие для постройки и починки мостов (РП, I, 42; III, 106 и 130) и для постройки или починки укреплений (РП, III, 105), в особенности на степном рубеже.

В большинстве случаев трудно отделить дворцовое хозяйство князя от хозяйства государственного. Государственная казна отчасти была и дворцовой казной

196) См. ниже в гл. IV, § 8.

197) См. Смоленский договор с немцами 1229 г., ст. 35.

198) Во избежание обмана и продавец и покупщик в древнерусских городах должны были пользоваться общественными весами на торгу.

и наоборот. Впрочем каждый почти князь, кроме дворцов и земель государственного характера, имел также дворцы и земли в личной своей собственности.

Дворцовым хозяйством князя заведывал тиун огнищный или дворский. Сбором податей и пошлин занимались даньщики и мытники. Сбор дани, особенно в первый век после варяжского завоевания, требовал часто целой военной экспедиции, и как было уже упомянуто, князь лично с дружиной ходил в поход за данью.

Монгольское завоевание внесло коренные изменения в податную систему. Вся страна была обложена новой податью, известной под именем выхода [199]). В Южной Руси, как мы видели [200]), монгольские баскаки непосредственно заведывали сбором податей с общин. В Северной Руси монголами первоначально была применена откупная система. Сбор подати сдавался на откуп главным образом хорезмийским финансистам. Злоупотребления откупной системы вызвали большое раздражение среди населения, и в конце XIII в. хан отменил откупа и стал поручать сбор «выхода» русским князьям под их ответственность.

В Западной Руси «выход» известен был под именем «татарщины» и удержался и после падения монгольской власти. По всей вероятности, по образцу монгольского «выхода» установилась позже в Западной Руси подать известная под именем «ордынщины».

Для определения общей суммы подати монголы произвели приблизительный подсчет населения [201]).

Основы монгольской податной системы, при учете также и византийского опыта, были использованы Московскими великими князьями для создания собственной системы так называемого посошного обложе-

---

199) Выход — точный смысловой перевод арабского термина харадж.

200) См. выше § 7.

201) Первоначальной целью такого подсчета было определение «числа» — контингента рекрутов, взятых с русского населения в монгольскую армию.

ния [202]). Система эта, основанная на переписи (кадастре) владений, могла быть окончательно установлена лишь по высвобождении из-под монгольской власти.

Монгольское «иго» пало в великокняжение Василия Васильевича в половине XV в. [203]). Инициативе этого государя и принадлежит установление кадастровой системы обложения. В своей духовной великий князь Василий Васильевич наставляет своих наследников послать писцов на места и «обложить данью по сохам и по людям».

«Выход» продолжал собираться и во второй половине XV в., но шел теперь в казну великого князя. Последнему, впрочем еще долгое время приходилось из собранных денег платить упоминки татарам. Эти платежи продолжали носить название «выхода». Платеж выхода татарам упоминается, как в духовной Василия Васильевича, так и его сына Ивана III. В духовной Ивана III (1504) выход назначается на три орды (Крымскую, Астраханскую и Казанскую), и сюда же присоединен еще и Царевичев Городок (Касимов). Любопытно, что таким образом даже Царевич Касимовский — ставленник и подручник московского великого князя — получал еще выход.

Монголами была преобразована также и система торговых пошлин. Государственная власть теперь стала стремиться к извлечению из торговых пошлин возможно бóльшего дохода для казны. Основною пошлиною, взымаемою при провозе товаров, явилась «тамга» [204]). При купле-продаже коней стало взыматься «пятно», а при продаже рогатого и мелкого скота — роговая и привязная пошлины.

Следует, впрочем, иметь в виду, что устанавливая внутренние таможни «на низу» (в Волжско-Окском крае), хан оговаривал свободу Балтийской торговли

---

202) Об этом будет говориться во II томе «Звеньев».

203) См. Начертание, 108—111.

204) Отсюда термины таможня, таможенный.

Новгорода». «Менгу Тимурово слово к Ярославу князю: Дай путь немецкому гости на свою волость» (1270). Результатом этого было заявление Ярослава: «От князя Ярослава ко Рижаном и к болшим и к молодым и кто гостит, и ко всем: путь ваш чист есть по моей волости». Новгородские купцы выговаривали себе также право беспошлинно «гостить» в Суздальской земле 205).

Прежние сборы, как мыт, вес и мера повсеместно остались в силе и к ним прибавлен еще в монгольский период ряд других сборов, как напр. сборы за ввоз товаров в гостинный двор («поворотное»), хранение товаров («гостинное» и «анбарное») и др.

§ 9. Войско.

Месторазвитие древней Руси — Западная или Малая Евразия — представляло не мало трудностей для военной обороны страны. Причерноморские степи открыты были для кочевнических нашествий с востока. Моря Черное и Балтийское, поскольку берега их не были защищены и укреплены, служили путями не только для проникновения иноземных купцов, но и для набегов и нападений иноземных боевых дружин. Политическое раздробление Руси в Киевский период лишало устойчивости и внутренние границы между землями-княжениями.

Все это делает понятным значение военного дела и военного управления в развитии древнерусского политического быта. Справиться с трудностями задачи древнерусские князья смогли и съумели лишь отчасти.

Трудности были особенно велики в степной полосе. Степь можно сравнивать с морем. До известной сте-

---

205) Напьерский, Русско-Ливонские акты, стр. 14 и 455; СГГД. I. № 3.

пени тактика и стратегия быстро передвигающихся, не нуждающихся в прочной базе конных отрядов может быть уподобляема тактике и стратегии морского боя, где каждая боевая единица — корабль — значительно свободнее в своих движениях, чем отряд тяжеловооруженной регулярной пехоты в местности пересеченной [206]).

С другой стороны если кто съумел достигнуть преобладания на море — при помощи ли превосходящего силы противника флота больших кораблей или при помощи достаточного количества мелких лодий — у того в руках находится инициатива, он по желанию может продолжать войну или ограничиться обороною.

Подобны этому и условия степной войны. Преобладания в степи может достигнуть большая орда, способная задавить противника лавой своих конников. Но возможно владеть степью или по крайней мере участком степи без крупных воинских образований, а лишь покрывая угрожаемый участок степи цепью мелких отрядов, тревожащих противника и завлекающих его в ловушку.

На этом последнем принципе основана была тактика скифских лучников, примененная ими с таким успехом против вторжения в степь персидского царя Дария (VI в. до н. э.). Поход Дария, как известно, кончился для него катастрофой. Сарматы, сменившие скифов в причерноморских степях, выработали другую тактику. Облеченные в кольчуги сарматские конники с длинными пиками шли на противника сплошной лавой, всё раздробляя на своем пути. Большими массами действовали и гунны. После гуннов долгое время владетели причерноморских степей (сменявшие одни других) держались тактики малых отрядов или и вовсе неспособны были выставить в бой большие силы.

---

206) Ср. интересные наблюдения полковника Лоренса над тактикой арабских конных отрядов в пустыне во время Мировой Войны. T. E. Lawrence, Seven Pillars of Wisdom (New York; 1937), 337.

Хазарам удалось надолго водворить мирный порядок в степях юга России. В IX веке, однако, им пришлось бороться с новым натиском кочевников, в особенности с печенегами. В это время появляются варяги. Разрушив (в X веке) хазарское царство, варяго-русские князья принуждены были сами взять на себя тяжесть борьбы с кочевниками-печенегами, позже половцами. Для этого им пришлось перестраивать свои привычные воинские приемы.

Первоначальной базой варяжских боевых дружин были ладьи. В них они переплывали море, подымались и спускались по русским рекам. Достигнув какого-нибудь пункта, которым они желали овладеть, они высаживали отряд своих воинов, тяжело вооруженных, закованных в броню, главным оружием которых был длинный прямой обоюдоострый меч. Такие отряды были пригодны для захвата городов и борьбы в пересеченной местности, но оказались совершенно беспомощны в степной войне. Варяжскому воину пришлось садиться на коня. Святослав Игоревич в особенности понял все значение конницы в степи и попытался приспособить всю свою тактику к условиям степного боя. Святослав и во внешнем своем облике старался походить на степного вождя.

Как трудно однако было варягоруссам приспособиться к новым условиям видно из того, что Святослав сам пал от руки кочевников [207]). Преемники Святослава потратили много усилий на то, чтобы овладеть искусством конного боя и тактикой степной войны. Княжая дружина сделалась конным отрядом по преимуществу и понемногу начала чувствовать себя дома в степи.

Вспомним Слово о Полку Игореве: «И рече ему [Игорю] буй-тур Всеволод: Один брат, один свет светлый ты, Игорю. Оба есве Святославичя. Седлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, оседланы у Курьска напереди. А мои ти Куряне сведоми кмети:

---

207) Ср. Начертание, 42.

под трубами повиты, под шеломы взлелеяны, конець копия въскормлены, пути им ведоми, яруги им знаеми, луци у них напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють, акы серыи влъци в поле, ищущи себе чти, а князю славы».

Поход Игоря кончился катастрофой, но в других случаях русские достигали больших успехов в борьбе с теми же половцами: достаточно вспомнить удачные походы в степь Владимира Мономаха. И все же вполне сравняться с кочевниками в искусстве степного боя русские дружины в общем не могли. Этим объясняется то, что русские князья стремились перетянуть на свою сторону часть кочевников и использовать их в борьбе с главной кочевнической массой. Так по степному рубежу возникли поселения торков, Черных Клобуков и других «своих поганых», помогавших русским князьям в их борьбе с половцами. Особенно ценными союзниками были Черные Клобуки, игравшие потому не малую роль и во внутренней политике русских князей [208]).

Княжая дружина, усиленная отрядами «своих поганых» могла быть достаточна для налетов в степь. В случаях крайней опасности, для обороны от большого нашествия со стороны степи, князь собирал и городское ополчение, сажая горожан на коней, мобилизованных для этого у смердов. Для усиления обороны князья пытались оградиться от степи укрепленными линиями-рубежами. Эти степные рубежи представляли собою одну или несколько линий земляных валов, проведенных обычно вдоль речек и балок, усиленных по местам городами, т. е. крепостцами или фортами. Такие рубежи построены были по южной границе Киевской земли вдоль рек и речек правого берега Днепра и по южной границе Переяславской земли на левом берегу Днепра.

---

208) Ср. выше, § 6.

Монгольское нашествие положило предел мелкой степной войне. Руководимая такими первоклассными стратегами, как Субутай, скованная железной дисциплиной, монгольская армия овладела степью «в серьёз и надолго».

Условия лесной войны в северной и северо-западной России значительно отличались от условий войны степной. На севере широко применялся пеший строй и потому иная тактика. Впрочем, известную роль конница играла и на севере. В широких масштабах стали пользоваться конным строем немецкие рыцари. Впрочем и они сражались иногда пешим строем, как например в известной битве на льду Чудского озера (Ледовое побоище, 1242 г.). В этой битве искусным тактиком пешего строя показал себя разбивший немцев Александр Невский. Немцы построились клином («свиньей»). Александр Невский повидимому применил монгольский прием охвата флангов противника. Результатом было полное поражение противника.

Переходим теперь собственно к военному управлению.

Верховным вождем всего войска был князь. Главным помощником его был тысяцкий (глава городского ополчения). Как мы видели [209]) должность тысяцкого первоначально была выборною, а затем тысяцкий в большинстве русских земель (кроме Новгорода) стал назначаться князем.

Если князь сам не шел на войну, он назначал особого воеводу из высших своих дружинников для командования армией. Если князь шел сам, а войско было велико, то князь ставил одного или нескольких воевод во главе отдельных корпусов или отрядов войска. Число воевод зависело от усмотрения князя. Обычно воевода назначался только на определенный поход.

Если несколько князей соединялось для похода, каждый из них командовал своим войском. Единого коман-

---

209) См. выше § 7.

дования всей союзной ратью обычно не устанавливалось. Князья-союзники обсуждали в общих чертах план похода, но не всегда его придерживались. Каждый считал себя автономным. Результатом бывали иногда военные катастрофы вроде битвы на Калке (1223), проигранной русскими преимущественно вследствие несогласованных действий князей-союзников.

Строгой дисциплины в армии не было. Сражались обычно отдельными группами. Часто отдельные богатыри-дружинники выезжали вперед из строя и битва превращалась в совокупность единоборческих подвигов или мелких схваток. Более строга вероятно была дисциплина специальных отрядов, как Черные Клобуки. Особенно была слаба дисциплина городских ополчений. Этим объясняется военная слабость Новгорода, где городское ополчение было главною силою армии.

Князья видели в дружине свою главную силу, а городское или народное ополчение ценили мало.

После своей победы над Ярославом при Листвене, князь Мстислав Тмутороканский, обозревая усеянное трупами поле битвы, сказал: «Кто сему не рад? се лежит Северянин, а се Варяг, а дружина своя цела» (Ип. 1024).

Дружина получала содержание от князя. В мирное время князь держал в своем дворце открытый стол для дружинников. Во время одного из пиров князя Владимира дружинники стали роптать, что им приходится есть деревянными ложками вместо серебряных. «И се слышав Владимир, повеле исковати лжицы сребряны ясти дружине. Рек сице, яко сребром и златом не имам налести дружины, а дружиною налезу сребро и злато, яко дед мой и отець доискася дружиною злата и сребра. Бе бо любяше Владимир дружину» (Ип. 997).

Городское или народное ополчение содержания от князя не получало. Во время переходов армии в пределах своей земли по направлению к границам обязан-

ность продовольствовать ее лежала на местном населении (кормовая повинность).

Войдя в неприятельскую землю армия жила конфискацией неприятельского имущества и грабежом окрестного населения. Обычным явлением было поведение воинов Андрея Боголюбского в Новгородской земле при походе Андрея на Новгород: «и пришедше только в землю их, много зла сотвориша: села взяша и пожгоша, и люди посекоша, а жены и дети и имения взяша и скоты поимаша» (Ип. 1173).

После удачной битвы, обоз противника захватывался победителями. С умерших на поле брани противников снимались «порты» (одежда) и вооружение. Захваченная добыча делилась между победителями, причем князь и воеводы получали львиную долю. Правила дележа добычи устанавливались обычаем, а отчасти и законом 210).

Монгольское завоевание и в отношении военного управления и организации армии внесло большие изменения. Весьма скоро после завоевания русские князья стали преобразовывать и перевооружать свои войска по монгольскому образцу. Так поступил уже Даниил Галицкий 211).

Монгольский военный строй лег в основу организации московской армии. По монгольскому образцу, московское войско в большом походе стало делиться на четыре главных полка: большой, правой руки, левой руки и передовой. Высылались также особого назначения отряды (сторожевой полк, ертаул, западной полк). Воеводы, стоявшие во главе отдельных полков, были все подчинены воеводе большого полка.

Для военного управления образована была особая канцелярия при дворе великого князя, позже (в XVI

---

210) В Византийской Эклоге есть глава о дележе добычи.

211) Ср. Г. В. Вернадский, Два подвига Александра Невского, КВ, IV, 232.

веке) превратившаяся в большое учреждение (т. н. разряд).

Войско Московского великого князя состояло из двух главных частей: служилой (дворянской) конницы и народного ополчения (пехоты). Упорядочение службы дворянской конницы связано было с возникновением и ростом поместной системы [212]). Поставка ратников в народное ополчение была организована по образцу монгольского «числа». Позже (во второй половине XV века) при введении «сошного письма» число ратников требовалось по расчету сох.

Войско созывалось по мере надобности и число ратников зависело от серьезности предстоящего похода. Для борьбы с Мамаем (1380 г.) великий князь Дмитрий Донской собрал чуть ли не поголовное ополчение. Средства на содержание ополчения собирались с населения вместе с ратниками. Впрочем, оставалась в силе и кормовая повинность при проходе войска, а захваченная добыча «дуванилась» между ратниками.

Вооружены воины московской рати были по монгольским образцам.

В Литовско-русском государстве созыв и содержание армии были делом гораздо более сложным, чем в государстве Московском. Военное управление не было в Литовско-русском государстве подведомственно единолично великому князю. Стоявший во главе организации армии гетман, хотя и был членом правительственного совета великого князя, но считался более с панами — радою и сеймом, чем с князем.

Каждый сбор ратников и денег на военное дело требовал уфалы (одобрения) панов-рады, а позже также и сейма. При такой уфале определялось каждый раз и подлежащее сбору число ратников и величина подати. Позже (в начале XVI в.) установлены были постоянные нормы.

---

212) О поместной системе будет подробно говориться во II т. «Звенья».

Для избежания зависимости от сейма великий князь старался организовать по польскому образцу хотя бы небольшой отряд постоянных солдат регулярного строя (жолнеров). Но такому отряду надо было платить большое жалование, а отпуск средств опять-таки зависел от сейма.

§ 10. Международные сношения и дипломатия.

Древняя Русь поддерживала оживленные дипломатические сношения как со своими непосредственными соседями в кругу евразийских земель, так и с более отдаленными странами. В домонгольский период первенствующее значение в мире восточного Средиземноморья имела Византийская Империя, сношения с которой Руси начались в IX веке, а к X веку относятся ряд первостепенной важности византийско-русских договоров.

Весьма оживлены были сношения древней Руси с евразийскими (турецкомонгольскими) государствами и народами, как-то с хазарами, волжскими болгарами, позже половцами и др. На Западе Русь общалась с Балканскими славянами, мадьярами, Польшей, Литвой, немцами и скандинавами (варягами). Важное значение приобретали подчас также связи с Римом и Римско-германской Империей.

Во времена Киевского каганата (X—XI век) Русь могла выступать в международных сношениях, как единое целое. После распада каганата отдельные князья или группы князей были достаточно сильны и энергичны, чтобы продолжать в своих областных интересах начавшиеся ранее сношения и пользоваться поддержкой иностранной дипломатии в борьбе со своими собратьями.

Не только западнорусские (галицкие), но и среднерусские (киевские и смоленские), и даже восточнорусские (суздальские) князья втягиваются в игру визан-

тийской дипломатии. Западно-русские князья ведут оживленные сношения, то дружественные, то враждебные, с Венгрией, Чехией, Польшей, Литвою, скандинавскими странами, Тевтонским орденом и т. д. Киевские князья конца XI—XII вв. устанавливают связи с Римско-германской империей, с австрийскими герцогами и т. д.

При оживленности дипломатических сношений с другими странами, должна была рано выработаться на Руси развитая техника дипломатического общения, а также установиться известные принципы международного права.

Искусство составления международных договоров и других дипломатических документов развилось на Руси под сильным влиянием Византии. Договоры с Византией X века, формулированные вероятно в значительной степени византийскими дипломатами, были образцами для последующей русской практики. Через посредство хазар и волжских болгар Русь знакомилась с приемами дипломатии восточной, в частности арабской. Вследствие этого и в домонгольский период можно подмечать в русской дипломатии влияние Востока.

Западные влияния неизбежно должны были чувствоваться в практике Западной Руси, и в особенности в отношениях прибалтийских (в широком смысле) русских земель с скандинавскими и немецкими торговыми городами. Стоя на высоте западной дипломатической мысли, древняя Русь умела въ договорах с Западом твердо отстаивать свои собственные интересы, как это в особенности видно на примере Смоленского договора с немцами 1229 г., представляющего собою высокий образец дипломатического искусства [213]).

После монгольского завоевания Московская Русь заимствовала от монголов форму и технику дипломатических документов, а равно и самые методы диплома-

---

213) Об этом договоре см. отчасти ниже в этом же §, а также в гл. IV, § 10.

тии. Многие из московских дипломатических документов кажутся переводом с татарского.

Западная Русь, войдя в состав великого княжества Литовского пошла тем самым в западную школу. Официальным языком дипломатических сношений великого княжества Литовского был латинский. Русский язык сохранялся однако для сношений с русскими землями, хотя бы и не вошедшими в состав великого княжества.

Организация дипломатической службы в домонгольский период была несложна. Иностранными сношениями древнерусского княжества заведывал в большинстве случаев непосредственно князь. Объединение Руси в X—XI вв. — создание Киевского каганата — сопровождалось вероятно образованием особой канцелярии при княжом дворе для внешних сношений. Но на это в источниках сохранились лишь намеки.

Последовавший период политического раздробления Руси, распад ее на ряд сравнительно мелких княжеств делал невозможным существование единого общерусского ведомства иностранных дел, каждое же из удельных княжеств было само по себе недостаточно крупной политической единицей для дифференцирования в его составе ведомства иностранных дел, как особой отрасли управления.

Во времена монгольского владычества общее заведывание международными сношениями перешло разумеется к хану. Лишь поскольку хан уполномачивал русских князей вступать в сношения местного характера с соседями могли они такие сношения вести [214]).

В великом княжестве Литовском иностранные сношения велись от имени великого князя. Заведывал перепиской канцлер.

Постоянного дипломатического корпуса древняя Русь не знала. Для переговоров с другими странами

214) Ср. выше, § 8, о сношениях князя Ярослава Новгородского с немцами по приказу и указанию хана.

посылались в качестве агентов большей частью приближенные князя, лица, которым князь верил. Так как для дипломатической службы требовалось знание иностранных языков, то лица, отвечающие этому условию, вероятно имели преимущество перед другими.

Можно думать, что уже в домонгольской Руси при князьях были люди, знающие восточные языки 215). Были люди, знающие греческий и латинский язык. По латыни знал например смольнянин Михалевич, один из редакторов Смоленского договора с немцами 1229 г. 216).

Людей, знающих греческий или латинский язык, чаще всего, конечно, можно было встретить среди духовенства. Этим отчасти объясняется, что духовные лица неоднократно играли роль дипломатических агентов. Так, в числе двух смоленских послов, отправленных в 1229 г. в Ригу и на Готланд для обсуждения торгового договора, один был священник (поп Еремей).

Любопытно, что монгольский хан также пользовался русскими духовными лицами в качестве своих дипломатических агентов, преимущественно в сношениях с Византией. Так, Сарайский епископ Феогност в 70-ых годах XIII в. трижды ездил в Константинополь по поручению не только русского митрополита, но и хана («царя») Менгу-Тимура 217).

Переходя к общим основаниям международных сношений древней Руси отметим, что при всем разнообразии отдельных приемов в дипломатии, древнерусская дипломатия в целом руководилась некоторыми определенными принципами международного права. От

---

215) Владимир Мономах говорит в своем Поучении, что отец его Всеволод знал пять языков. В числе этих языков был вероятно и один восточный (может быть половецкий или турецкий).

216) Ср. ниже, гл. IV, § 10.

217) См. Г. В. Вернадский, Золотая Орда, Египет и Византия в их взаимоотношениях (ЗОО, I, 1927), стр. 80.

этих принципов отдельные князья и дипломаты могли иногда отступать, но значимость их они никогда не отвергали.

Первый из этих принципов заключается в том, что войне всегда должно предшествовать открытое ее объявление. Этот принцип был введен Святославом Игоревичем. Перед тем, как итти на кого-нибудь войною, он всегда посылал сказать «хочю на вы ити».

Следующий принцип — точное соблюдение условий мирного договора. Этот принцип также признавался Святославом, но не всегда его противниками. Как известно, на обратном пути из Болгарии, после заключений мирного договора с Византией, Святослав был убит печенегами, как можно думать, по наущению византийской дипломатии. Разумеется, на практике, условия мирных договоров русскими князьями часто не соблюдались. Но нарушение крестного целования всегда обличалось, как грех.

Другим важным принципом международного права, признанным в древней Руси, была неприкосновенность неприятельских уполномоченных, высланных противником для переговоров. В действительной жизни бывали случаи нарушения и этого принципа, из которых самый значительный — убийство русскими князьями монгольских послов перед битвой на Калке. Однако, русское общественное мнение всегда осуждало подобные случаи, а в частности поражение при Калке летописец рассматривает именно как Божье наказание за несоблюдение права. Неприкосновенность послов была также одним из принципов монгольского права, на котором упорно настаивал Чингис хан. Таким образом этот принцип международного права должен был еще укрепиться в русском понимании под монгольским влиянием.

Следующим принципом международного права, на котором настаивала древняя Русь, было признание равноправности сторон в международном соглашении. С полной последовательностью и логичностью прове-

ден этот принцип в Смоленском договоре с немцами 1229 г. [118]).

Наконец, через всю историю древнерусской дипломатии красной нитью проходит отстаивание свободы международных путей, в особенности морей и рек. Этому вопросу посвящено много внимания в том же Смоленском договоре, а также в других договорах западнорусских городов с немцами. В особенности оговаривается право свободного плавания по реке Западной Двине, которой низовья находились во власти немцев, а верховья — в русской власти.

Что касается свободы морского пути, то даже в XIV и XV вв., когда новгородские купцы редко пускались в заморские плаванья, в договоры Новгорода с немцами включается право новгородцев пользоваться морским путем и таким образом отстаивается хотя бы только принцип свободы морей.

---

[118]) О Смоленском договоре см. выше в начале этого §, а также ниже гл. IV, § 10.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПРАВО И СУД.

§ 1. Основы правосознания древнерусского общества.

Правосознание древнерусского общества значительно отличалось от правосознания более нового времени, в особенности от правосознания верхов русского общества и юридической науки XIX — начала XX в.

Самое понятие о праве было иным, гораздо более широким, чем в последующее время. Древнерусское право не являлось только системою социальной техники долженствующей обеспечить социальную справедливость. Право древней Руси не дифференцировалось еще от религии и нравственности. Не случайно слово «правда» означало в древней Руси и правду-истину и правду-справедливость, и право и закон.

Древнерусское право являло также собою некоторые черты социальной магии, стремясь связать мир социальный с миром физическим с одной стороны, миром духов — с другой. Отсюда близость некоторых древнерусских юридических формул к заклинаниям и заговорам.

Таким заклинанием была в сущности древнерусская присяга (рота́). Рота́ применялась как при заключении некоторых договоров, так и на суде, — при отсутствии «послухов» или для подтверждения свидетельства последних. Верили, что нарушивший свою клятву погибнет от тех сил, которые он оскорбил нарушением клятвы.

После принятия христианства рота́ облеклась в форму церковной присяги. Одна из формул первоначальной языческой роты сохранилась в договоре князя Игоря с греками 945 г. Часть Игоревой дружины состояла уже в это время из христиан, часть из язычников. Христиане подтверждают договор церковной присягой, «а [некрещеная] Русь полагают щиты своя и мечи свои наги, обручи своя и прочая оружья, да кленутся о всем, яже суть написана на харатьи сей, хранити... Аще ли же кто от князь или от людий Русских ли хрестеян или не хрестеян преступит се, еже есть писано на харатьи сей, будет достоин своим оружием умрети и да будет клят от Бога и от Перуна, яко преступи свою клятву».

Характер магической клятвы имели и свидетельствования послухов на древнерусском суде. В эпоху Русской Правды каждая сторона могла выставлять своих послухов. Послух должен был подтвердить все, что высказывал тот, кто его привел. Подтвердить надо было *буквально* («слово в слово»). При малейшей ошибке одного из послухов, сторона теряла иск. Если послухи обеих сторон выходили чисты, суд требовал, чтоб они шли на рото́.

Другим приемом древнерусского судебного процесса были испытания силами природы (ордалии). В древней Руси применялись испытания огнем и водою. Первое считалось более тяжелым. Состояло оно в том, что испытуемый должен был взять в руку кусок раскаленного железа. По виду ран и скорости их заживления судили о виновности или невиновности испытуемого.

Испытание водою состояло в том, что испытуемого

приводили к реке или к озеру, особым заклинанием освящали воду и затем бросали испытуемого в воду в связанном виде. Если он держался на поверхности воды, значит вода его не принимала к себе и его признавали нечистым, т. е. виновным. Если же он погружался в воду, значит он был чист. В таком случае его вытаскивали и приводили в чувство. Вероятно у нас, так же как это бывало в немецких землях, перед тем, как бросать испытуемого в воду, привязывали его на длинную веревку или цепь, за которую потом и тянули его из воды.

Из приведенных примеров достаточно ясны мне кажется магические черты древнерусского права. С принятием христианства право постепенно утрачивает свой прежний характер. Церковь упорно боролась с языческими элементами в правосознании. Сохранилось, напр., поучение Серапиона, епископа Владимирского (XIII в.) против испытания водою. Иногда, впрочем, церковь просто облекала в христианские формы языческую сущность. Мы видели на примере договора Игоря с греками, как языческая рота превращалась в христианскую присягу.

В магическую силу присяги на Руси верили твердо. Интересен в этом смысле рассказ Киевской летописи о смерти Галицкого князя Владимирка. Владимирко целовал крест, обещая вернуть Изяславу Киевскому некоторые захваченные у последнего города. Клятву свою Владимирко нарушил и когда посланный Изяслава напомнил ему, что он целовал крест, Владимирко с усмешкой спросил: «сий ли крестец малый?» В ту же ночь он внезапно умер.

Сопоставляя право древней и новой эпохи, мы видим значительную разницу не только в основах правосознания, но также и в путях распространения правовых понятий.

Право новой эпохи насквозь рационалистично. Оно построено все на логике рассудка. Законодатель верит

в рационалистическую логику и старается воздействовать на человеческий интеллект.

Наоборот, древнерусское право построено было не столько на рассудке сколько на вере (все равно христианской или языческой). Поэтому оно и старалось воздействовать не столько на рассудок, сколько на чувство.

Именно потому в древнерусском праве такую большую роль играли символы и эмблемы. Впоследствии, с течением времени, прежнее значение символа часто забывалось и символ оставался лишь для внешнего обрядового закрепления юридической сделки. Но в древнее время символ был выражением живой сущности юридического акта.

Символизм в древнерусском праве принимал весьма разнообразные формы. Выше было уже упомянуто о роли оружия в языческой роте: воины Игоря клялись на оружии в соблюдении договора.

Другою формою символического закрепления договора было совместное осушение чаши с вином. Изображение этого обряда можно видеть в памятниках еще скифского времени [219]). Обряд этот (литки, запивки, могарыч) сохранился в обычном праве и народной жизни до самого последнего времени, но символическая сущность его выветрилась — остался лишь обычай «вспрыскивать» сделку.

«Наряду с «вспрыскиванием» сделки в народном праве распространено «рукобитье». Это также пережиток древнего обычая, который в прежнее время был однако утвержден и законом. Так, Новгородская судная грамота 1471 г. требовала в определенном случае судебного разбирательства, чтобы ответчик и истец

219) См. напр., золотую пряжку из Куль-Обского кургана. М. Rostowtzeff. Iranians and Greeks in South Russia (Oxford, 1922), таблица XXIII, рисунок 3 (ср. текст, стр. 166). В чашу с вином скифы при клятве примешивали свою кровь. В эту же чашу погружали оружие — любопытно сопоставить это с клятвою Игоревых воинов.

если они соглашались на отсрочку разбирательства тяжбы, ударили по рукам [220]).

Другой вид символического значения руки — передача вещи из рук в руки при продаже. В этом случае рука заменяется иногда одеждою — полою кафтана («передать из полы в полу»).

Символическим выражением передачи права собственности на недвижимость был обряд передачи куска дерна старым владельцем новому при продаже земли. Отсюда формула древнерусских купчих: «купить одерень». Вследствие этого, если возникали споры о владении, для доказательства прав употреблялась особая клятва дерном. Современник и почитатель Петра Великого, известный Посошков в своей «Книге о скудости и богатстве» говорит о способе разрешения земельных тяжб: «иные, забыв страх Божий, взяв в руки святую икону и на голову свою положа дернину, отводят землю». Посошков верил в страшную силу этой клятвы: «много и того случается, еже отводя землю и неправдою межу полагая и умирали на меже». Обход межи с дерном на голове наблюдался в 1870-х годах в Каргопольском уезде Олонецкой губернии. При этом один из спорящих о границах говорил: «пусть рассудит нас мать сыра земля». Затем вырывал кусок дерна с землею, клал его на голову и шел по меже [221]).

Такого рода клятва дерном представляла собою исконный русский юридический обычай. Церковь пыталась против него возражать, но безуспешно, и кончила тем, что освятила его. Как сказано было, во времена Посошкова при обходе межи брали и дерн и икону.

Символом нарушения договора, отказа от обязательства было в древней Руси ломанье соломы. Следы

---

220) НСГ, стр. 24.

221) Сборник народных юридических обычаев под редакцией П. Матвеева, т. I, стр. 18 (Записки Русск. Геогр. Общ., по отдел. этнографии, VIII, 1878). Ср. Павлов-Сильванский, 427—428.

этого обряда сохранились в поговорке «сила соломку ломит», но смысл был утрачен.

Из других символов упомянем еще обувь. При браке молодая должна была в знак покорности разувать своего мужа. В Начальной Летописи рассказывается о том, как Полоцкая княжна Рогнеда отказалась выйти замуж за Владимира Святославича на том основании, что он был сын рабыни: «не хочю розути робичича» 222) (Лавр. 980). Опять, как и в других случаях, этот древний обычай сохранился до новых времен в крестьянской среде.

Символическая обрядность была одним из путей наглядного утверждения правовых норм в древней Руси. Другим путем было литературное творчество. В формулировке правовых понятий и росте правосознания древней Руси элемент литературного творчества играл не малую роль.

Мы упоминали выше летописный рассказ о смерти Галицкого князя Владимирка. Рассказ этот является характерным для литературных приемов, которыми пользовались древнерусские книжники, желавшие внушить читателю определенные юридические понятия — в данном случае убеждение в святости клятвы. В летописи можно встретить не мало подобных примеров.

Своеобразным путем литературного воздействия на правосознание общества была формулировка юридических норм в виде четких, иногда ритмических, легко врезывающихся в память положений. Таково, например, формулировка некоторых из норм Русской Правды:

«А судным кунам росту нет» (III, 17).
«А в холопе и в робе виры нету» (III, 99).
«А материя часть детем не надобе» (III, 112).

---

222) По преданию, матерью Владимира была Малуша, ключница Владимировой бабушки княгини Ольги.

«Но оже не будет сынов, а дщери возьмут» (о боярском и людском наследстве) (III, 101).

«А двор без дела отени всякой меньшему сыну» (III, 110).

«Будет ли послух холоп, то на правду холопу не выдавати» (III, 96).

«А послушество на холопа не воскладают» (III, 76).

Подобного типа формулировки находим и в некоторых других памятниках древнерусского права.

«А при которых докладчиках суд роскажет, ино тем докладчиком тот суд кончать» (НСГ, ст. 20).

«А послуху на послуха не быть» (там-же, ст. 22).

«А холоп на холопа послух» (там-же).

Некоторые из подобных формулировок сделались впоследствии ходячими пословицами. Приводим несколько примеров из Сборника Даля:

Холоп на боярина не послух
Холоп на холопа послух.
Брат брату головой в уплату.
Меньшой сын на корню сидит.
Сестры при братьях не вотчинницы [223]).

Нередко также в древнерусских юридических памятниках применялся прием драматического диалога.

Вот пример из Русской Правды (II А 26):

«Аже кто познает свое, что будет погубил или украдено у него что или конь или порт или скотина, то не рьци «се мое», но «поиди на сход, где еси взял». Сведится, кто будет виноват, на того татьба сидет».

Приведем также пример из Псковской Судной Грамоты (ст. 41):

«А который наймет плотник, а почнет сочити [ис-

---

223) В. И. Даль, Пословицы русского народа, том I (изд. 2-е, Спб.—Москва 1878), стр. 187.

шть] найма своего на государи, а дела его не отделает, пойдет прочь, а ркучи так государю: «У тебе есмь отдал дело свое все»; и государь молвит: «Не отде- ал еси всего дела своего», — ино государю у креста зложити чего сочить».

Другой пример из Псковской Судной Грамоты (ст. 7):

«А кто возмет пристава оу князя, или оу посадника, обыскивати татбы, ино князю и посаднику приставы опросити люди добрые, неизменны; а тым приставом, де будет татба, обыскивати; а толко те приставе рекут о слово: «приехали есмы на двор татбы обыскивати, а тот человек нам не дал обыскивати и в хоромы нас не пустил, и з двора согнали»; и тот человек, кого ыли обыскивати, а молвит то слово: «оу мене, господи, те приставы не бывали»; или тойж человек возолвит то слово: «были той-есть оу мене те приставы, а из есми им хоромы отворял и они мене не обыскивали, да сами со двора сбежали, а тым мене згонением бавляют»; ино князю и посаднику опросити пристава: «есть ли оу вас исправа какова на том, пред ким ас тот человек з двора согнал?» ино приставом на се оставить люди человека 2 или 3, а ты люди, став на уде, рекут как право пред Богом: «пред нами тот человек тех приставов со двора согнал, а обыскивати им не дал»; ино тым приставом правда дати, а тот человек в татбе; или паки тыи приставе, ино тии приставе, а пристави, а тот татбы своей не доискался, чии таковии приставы».

Форма драматического диалога обычна была и для изложения судебных решений и приговоров. Вот образец правовой грамоты XV в. [224]):

«Се суд судил Князь Михайло Ондреевичь. Тягался Лев Ивановичь и за свою невестку Гаврилову жену Ивановича Овдотью, и за своего брата Дмитрея Ивановича с Игнатьем старцем Кирилова монастыря.

224) Хрестоматия, II, 338.

Тако рек Лев: «жалоба нам, господине, на игумена на Трифона Кирилова манастыря и на его братью; отнимают, господине, оу нас от суда, да от дани в нашеи ощине в Кистеме деревню Михалевскую Гаркавого; а та, Господине, деревня из старины тянет судом к нам; еще, господине, отец наш Иван судил ту деревню и дань на ней имал, а после, господине, отца нашего судили мы ту деревню с своею братьею, и дань на ней имали есмя». И Князь Михайло Ондреевичь въспросил Игнатья, старца Кирилова монастыря: «отвечаешь ли ты за Игумена за Трифона и за всю свою братью»? И Игнатей старец тако рек: «я, господине, отвечаю за игумена за Трифона и за всю братью». И став Игнатей старец тако рек: «ту, господине, деревню дал нам к манастырю Арсеней черниц Микитин сын в долг Пречистыя Богородицы, . . .» и т. д.

Число подобных примеров можно бы умножить по желанию, но мне кажется, что и приведенных уже достаточно для подтверждения моей мысли.

§ 2. *Источники права.*

Первоисточником права следует считать творческую личность человека в ее взаимоотношении к обществу и природе. Древнее право, как мы видели, тесно связано с религией и нравственным чувством. Формы права тесно связаны также и с формами хозяйства. Лишь позже право дифференцируется, как особая отрасль деятельности человека.

Принято различать обычное право и закон. Под последним понимается право, устанавливаемое или санкционируемое государственной властью. Но что понимать под обычным правом? Обычным правом называют право «народное», «неписанное» (*хотя обычай позже и может быть записан*), утвержденное на «пошлине», старине.

Составитель «Повести Временных Лет» (начало XII в.) различает Закон Божий и закон людской: Вятичи, Кривичи и «прочии поганни не ведуще Закона Божия, но творяще сами себе закон» (Лавр., л. 5 об.). Далее, ссылаясь на мнение византийского историка Георгия Амартола, наш летописец говорит: «ибо комуждо языку [народу] овем исписаи закон есть, другим же обычай».

Было бы однако неправильно для древней Руси противополагать «обычное право», как некое единое целое, закону.

Подобно тому, как государственная власть древней Руси есть явление сложное, возникшее из разных источников [225]), также и право древней Руси сложилось из взаимодействия различных общественных сил.

Та же основная социальная ячейка древней Руси, о которой мы говорили в предыдущих главах — семейно-родовая община — была одним из главных факторов в создании древне-русского «обычного» права — в особенности права семейного и наследственного [226]).

Это право сливается тесно с обычаем и ритмом хозяйственного оборота семейно-родовой общины. Объединение семейно-родовых общин в племя сопровождается возникновением нового типа правовых норм, стремящихся ответить на новые условия общения. Возникновение городской общины приводит к созданию городского права. Право племенное и городское лишь с большими оговорками однако может быть названо «обычным». Во многих случаях оно основано на решении племенного совета или городского веча, т. е. хотя бы в некоторых частях своих есть скорее «закон», чем «обычное» право.

С ростом крупных земельных вотчин растет значение вотчинного права и вотчинного суда. Наконец

---

225) См. выше, гл. III, § 1.
226) См. ниже, §§ 4 и 5.

власть княжая и авторитет христианской церкви приносят с собою опять-таки новые юридические понятия и нормы, и «обычное» право принимает уже несомненное формы «закона». Но законодатель еще долго должен считаться с «пошлиною» и обычаем.

Разнообразие местных прав и обычаев лишь отчасти было сведено к некоему единству Ярославом и Ярославичами в «Русской Правде». Но и после того, особенно после распада Киевского каганата, развитие права отдельных областей и княжеств, местных общин и боярщин идет своими путями. Городское право северо-западной Руси было наиболее разработано (Псковская и Новгородская Судная Грамота XIV—XV веков).

Первая попытка централизации права в пределах восточной Руси предпринята была в конце XV века московским великим князем Иваном III, издавшим в 1497 году свой Судебник. В пределах западной Руси объединение и систематизацию права можно считать достигнутыми с изданием Первого Литовского Статута (1529).

В течение всего этого ряда веков русское право развивалось и перерабатывалось не только на основе обычаев и запросов русской жизни, но подвергалось также и влияниям права других народов. Для систематизации русского права наибольшее значение имело знакомство древне-русских юристов — главным образом при посредстве христианской церкви — с правом римско-византийским.

Двери для византийского влияния открыты были с принятием христианства от Византии. Следует иметь в виду, что хотя византийским идеалом было тесное взаимодействие между церковными и государственными планами жизни, византийское гражданское право было от церковного обособлено. Первое развивалось на основе права римского (ранне-византийское право есть в сущности право римское). Каноническое право византийской церкви, хотя и включило в свою систе-

ют некоторые нормы императорских постановлений, создано на своей собственной основе — деяний вселенских и поместных соборов и творений отцов церкви.

Свод византийского канонического права — так называемый *Номоканон* был на Руси рецепирован еще при Владимире Святом. Не позже XI века был на Руси сделан и перевод одной из редакций Номоканона. Так возникла русская «Кормчая Книга».

К основной редакции Номоканона постепенно были присоединяемы другие памятники византийского права, а также памятники права славянского, на византийской основе возросшего. Сюда можно отнести, напр., т. наз. «Закон Судный Людем», болгарскую компиляцию постановлений византийской «Эклоги». Сама «Эклога» (VIII в.) и «Прохирон» (IX в.) были позже также включены в русскую Кормчую, при чем «Эклога» повидимому позже, чем «Прохирон». Напечатана была русская Кормчая лишь в половине XVII в. [227]).

Помимо влияния византийского права древне-русское право подвергалось влиянию как романо-германских, так и иранских и турецко-монгольских народов.

К изучению инородных влияний в праве древней Руси (да конечно и в праве любого народа) нужно подходить весьма осмотрительно. Одно дело прямые «влияния», другое дело — параллелизм в развитии юридических норм, объясняемый общей пра-исторической основой. Многие параллели в праве народов славянских и иранских или народов славянских и германских объясняются логикою развития общих праарийских норм.

Сходные условия общественного и хозяйственного быта, логика месторазвития, наконец, служат предпосылкой общности юридических норм народов разного этнического корня, арийских и не-арийских, напр. славянских и турецких племен.

---

227) Об этом будет сказано во втором томе «Звеньев».

Для того, чтобы стоять на более твердой почве в сравнительном изучении права различных народов, следует прежде разработать историческую картографию права [228]).

Несомненно, что сходность многих норм в праве народов славянских и германских или славянских и турецких, объясняется не заимствованиями, а параллелизмом развития. Однако же в иных случаях можно проследить и прямое влияние.

Сравнивая древнее право народов славянских и германских, мы видим, что в судебном процессе у тех и у других большую роль играли ордалии. Заимствованы ли были ордалии славянами у немцев? На это доказательств нет. Но в других случаях заимствования несомненны.

Так, судебный поединок, неизвестный «Русской Правде», упоминается первый раз в договоре Смоленска с немцами 1229 года, а в XIV веке судебный поединок уже включен в Псковскую Судную Грамоту. Пытка, «дыба», древнерусскому праву была неизвестна. Но в том же Смоленском договоре 1229 года упоминается «дыба», однако как институт лишь немецкого права: специально оговаривается, что русские купцы, находящиеся по делам в немецких городах и там совершившие преступление, «дыбе» подлежать не могут [229]).

Переходя к взаимоотношениям права народов славянских и турецких, можем сказать, что институт кабального холопства развился в России (после XIII в.) под очевидным влиянием права турецкого (в частно-

---

228) См. ценную статью В. И. Базанова «Le problème de la cartographie juridique» (B.I.D.R. «Vittorio Scialoja», N.S.; vol. 2. Roma 1935).

229) «Дыба», упоминаемая в Смоленском договоре была, впрочем, понимаемому не орудием пытки, а видом наказания. Ср. ниже, §§ 8 и 9.

сти, уйгурского 230). Киевская Русь знала закупничество, но оно не было с кабальным холопством тождественно.

§ 3. *Смешение права публичного и частного. Лицо в древне-русском праве.*

Выше уже говорилось о влиянии римско-византийского права на право древней Руси. Рецепция права римского (в Западной Руси) и византийского (в Восточной Руси) происходила однако лишь медленно. Слишком велика была разница в правосознании общества древней Руси и общества Римской Империи.

Мы видели, что право древней Руси еще слабо дифференцировалось от религии и морали. Но кроме того в древнерусском праве не установилось и вполне определенного разграничения между правом частным и правом публичным. Смешение права частного и публичного характерно не для одной только древней Руси. Оно было характерно и для других стран — Востока и Запада — всей этой эпохи, так называемого Средневековья.

Начала публичного и частного права переплетались между собою например в институте княжеской власти. Князь был государем и вотчинником вместе. Дружина — частный союз сподвижников князя — разделяла с князем и политическую власть; княжие холопы были во многих случаях и государственными чиновниками. С другой стороны, всякий крупный вотчинник, боярин, был не только собственником своих имений, но отчасти и государем в пределах своей земли, ему принадлежала управа и суд.

Результатом была относительность и множественность прав на одну и ту же территорию, на одно и то

230) Ср. выше, гл. II, § 8.

же земельное имущество. Частное лицо могло распоряжаться каким-либо участком земли, но его права могли быть ограничены правами семьи, рода, общины, князя — на ту же землю.

Самое понятие лица, как субъекта частного права, — в значительной степени поглощалось в древней Руси общественными союзами — семьей, родом, общиною, властью вотчинника и князя. Значительная часть населения древней Руси не имела вовсе правоспособности или имела весьма ограниченную. Холоп не был лицом, а вещью, не субъектом, а объектом права. В других случаях утрата правоспособности была не полною (полусвободные — закупы, кабальные люди). Ограничена была правоспособность части крестьянского населения (смерды, сироты, серебренники, старожильцы и т. п.).

Но если многие из физических лиц древней Руси не имели лица в праве, то зато наоборот, лицами в праве могли признаваться силы небесные и преисподние — существа потустороннего мира, который для древнерусского сознания был вполне реален. Таковы (уже после принятия христианства) святые и бесы.

Во многих грамотах и юридических актах древней Руси встречаем обращение к Богородице и святым, как участникам юридической сделки.

«Се аз Мстислав Володимеров сынь держа Руську землю в свое княжение, повелел есмь сыну своему Всеволоду отдати [именне] Буицы святому Георгиеви... А се яз Всеволод дал есмь блюдо серебряно в 30 гривен серебра святому же Георгиеви...» [231]).

«Се труд мой, госпоже моя пресвятая Богородица, имъже трудихся на месте сем. Купил есми землю Пречистыя в дом у Смехна и у Прохна у Ивановых детей у посадничих, а дал есми сто рублев» [232]).

---

231) Из грамоты вел. князя Мстислава и сына его Всеволода Юрьеву монастырю 1130 г. (по изд. Владимирского-Буданова).

232) Купчая Антония Римлянина (до 1148 г.) по изданию Владимирского-Буданова.

«Се аз раб Божий Климент даю святому Георгию и игумену Варлааму и всей братье... два села с обиходом и лошадьми и с бортью и с малыми селищи и пень и колода одерень святому Георгию» 233).

«И даю святому великому Ивану от своего великоименья на строение церкви и в иеки, вес вощаной 234).

Во всех вышеприведенных примерах святые являются лишь пассивными участниками юридической сделки. Им жертвуют землю и имущество. Однако, в представлении древнерусского человека святой мог играть также и активную роль в утверждении права. Чрезвычайно характерно в этом отношении «Сказание о пленном Половчине», напечатанное Костомаровым по рукописи Публичной Библиотеки 235). Сказание это относится к XII в. Содержание его следующее.

У одного из киевлян был пленный половчин. Киевлянин готов был отпустить пленника за выкуп, но тому негде было в Киеве достать денег. Киевлянин сказал, что готов отпустить на поруки. Но у половчина не было в Киеве никого, кто бы за него мог поручиться. Тогда владелец решил отпустить пленника под поручительство св. Николая Чудотворца. Пришли в церковь, стали перед иконою святого и просили его быть поручителем.

После этого киевлянин отпустил пленника, снабдив его всем необходимым на дорогу. Половчин поехал в степь и дорóгою решил обмануть своего бывшего господина. Рассуждение его было такое: «Несть смысла воистину в Русине сем, еще мя предаеть образу на по-

233) Духовная новгородца Климента XIII в. «Одерень» значит в полную собственность. Ср. выше § 1.

234) То есть сборы — пошлину — с навешиваньи воска. Из Уставной грамоты новгородского кн. Всеволода церкви св. Иоанна Предтечи на Опоках, ок. 1135 г. (по изд. Владимирского-Буданова).

235) Памятники старинной Русской литературы изд. гр. Г. Кушелевым-Безбородко. I (Спб. 1870), стр. 71-73.

руку, на доске написану, Николе нарицаему. Что ми может створити? Ныне бо не вижю его, ни он мене. Како бо может доска ходити или ездити?» Но вышло по иному. Св. Николай стал являться половчину во сне, напоминая ему его обещание. Тот однако все медлил послать выкуп. Наконец святой подверг его припадку вроде падучей во время съезда половецких вельмож, в числе которых были его родные. Услышав в чем дело, родичи его испугались, как бы и им не пострадать, и отправили его назад в Киев, чтоб он отвел табуны коней как выкуп и еще придачу.

Половчин, приехав в Киев прежде всего отправился в церковь, пал ниц перед иконою святого и сказал: «Не мучи мене, Господи мой поручниче, святче Божий Николо, се искуп весь пригнах христианину твоему и тебе нечто мало от поручения, да не гневаешься на мя; понеже хотел солгать и не добро ми бысть». И си изрек и кони отдав иерею тоя церкви, поеха ко господину своему и пригнав на двор его большое стадо коней, поклонився рече ему: се искуп мой, господи, а у поручника бых уже.»

Неоднократно встречается в древне-русской литературе также и мотив юридической сделки с бесом. Известна напр., легенда о пьянице, продавшем свою душу бесу, чтобы угостить себя и других в корчемнице [236]).

§ 4. Семейное право.

Семья представляет собою соединение отношений кровных (союз родителей и детей) с отношениями договорными (союз супругов; усыновление). Семья не совпадает с родом, который построен исключительно на кровном начале. Семья, выделившаяся из родовой

236) Там же, I. 141.

общины, может дать начало новому роду. Древне-русская (и вообще древнеславянская) «большая» семья, т. е. союз не только родителей и детей, но также и внуков, а подчас и правнуков, есть форма переходная от рода к семье в узком смысле слова.

Так как такая большая семья или род включали в свой круг и всех домочадцев, то фактически она представляла собою часто целую общину. Эта семейная или родовая община («задруга» южных славян) была как мы видели основною ячейкою древне-русского общества [237]).

Как обычное правило поэтому в древней Руси и в особенности в дохристианское время брак социологически не являлся основанием новой семьи, как особой ячейки, но имел результатом лишь привод новой работницы в налаженную семейную общину, основанную отцом или дедом брачущегося. Поэтому древнейшие формы брака у восточных (как и у южных) славян — похищение (умыкание) невесты и покупка невесты (татарский *калым*).

С течением времени и умыкание невесты часто сводится к покупке, т. к. хотя похищение разыгрывалось по старому обычаю, в действительности все между сторонами было заранее условлено. Воспоминания об умыкании остались надолго в русском крестьянском свадебном обряде.

У древне-русского племени Полян устанавливается новая форма брака: *приведение* невесты в дом к жениху, при чем она приносит с собою приданое.

С принятием христианства на Русь приносится из Византии понятие о «христианском браке» (выражение Эклоги VIII в.) — представление о семье в узком, юридическом смысле взамен широкого, социологического. Фактически, еще долгое время спустя принятия христианства происходит такой же симбиоз между

237) См. гл. II, § 1.

обычным правом и христианским писанным правом, как в области верований между остатками языческих обрядов и христианскими церковными обрядами. Церковь не скоро могла добиться даже основного условия христианского брака — единоженства.

Согласно с византийским правом в древней Руси (после крещения Руси) установлено было *обручение*, как отдельный религиозно-юридический акт, нерасторжимый после своего свершения. Следует иметь в виду, что обычное древнерусское право знало также обручение (*сговор*), но лишь как имущественный договор, неисполнение коего влекло к уплате неустойки (*ряд*).

Что касается возраста брачущихся, то согласно византийской Эклоге назначен как минимум для мужчин возраст в 15 лет, для девушек — 13. Прохирон (византийский юридический сборник IX века) уменьшил возраст на 14 лет для мужчин и 12 для девушек. Даже и этот низкий минимум в древней Руси не всегда соблюдался. Браки совершались иногда даже между десятилетними. В связи с низким возрастом, достаточным для совершения брака, византийские законы требовали согласия родителей (или опекунов) как непременного условия брака: Эклога — безусловно. Прохирон — до совершеннолетия.

Признавая брак таинством, церковь требовала церковного венчания, как единственной формы христианского брака. Даже в Византии однако церковное венчание прививалось туго 238).

В древней Руси, особенно в первые века христианства, при редкости церквей и малом числе священников, «бояре только и князья венчались» (см. Правило митроп. Иоанна XII в.). Митрополит Максим (1283-1305) говорил так в своем поучении: «да держатся

238) Об обязательности его не упоминается ни в Эклоге, ни в Прохироне. Обязательность эта введена указом Льва Мудрого (IX в.).

жены от св. соборныя и апостольския церкви, зане жена спасения ради человеческого бысть. Аще же их держите в блуде — без благословения церковного — то что ти в помощь есть?»

По христианскому учению развод теоретически недопустим. Однако он допущен был в известных случаях византийским законодательством, представлявшим собою в этом отношении компромисс между учением церкви и римским правом. Византийским правом в данном случае руководилась и Русь.

Что касается отношений между супругами, то по мнению некоторых исследователей (напр., даже Владимирского-Буданова) в древнейший период муж имел полную власть над женой. В подтверждение этого обыкновенно приводят летописный рассказ о поединке князя Мстислава Тмутороканского с касожским (черкесским) князем Редедею:

«И ре Редедя к Мстиславу: что ради губиве дружину межи собою, но снидевеся бороться, да аще одолеешь ты и возьмеши имение мое и жену мою и землю мою, аще ли аз одолею, то возьму твое все». (Ип. 1022).

Следует, однако, иметь в виду, что инициатива этого предложения исходила от Редеди, а Мстислав лишь сгоряча его принял. Следовательно тут в первую очередь выражено правосознание касожского князя, а не русского. Ссылаться на этот рассказ для толкования русского правосознания, по моему мнению, никак нельзя.

Русские источники говорят другое. «Повесть Временных Лет» оставила нам яркий образ свободной и независимой русской женщины — княгини Ольги (матери Святослава). У Ольги был свой город (Выгород), свои села (в т. ч. Ольжичи), свои звериные и птичьи ловы. Подобно тому и в Русской Правде находим признание за женою известных имущественных прав.

Источники XIV—XV вв. позволяют судить о существовании общего права супругов на имущества, приобретенные обоими супругами во время брака. С другой стороны, под влиянием византийского законодательства (заметного уже и в постановлениях Русской Правды), как за женою, так и за мужем признавались особые права на внесенные каждым супругом в семью при заключении брака имущества: приданое и вено.

§ 5. Наследственное право.

Право наследства в древнюю эпоху тесно слито с бытом родовым и семейным. В обычном праве древней Руси не могло итти речи о наследовании в том смысле, как этот институт понимался в праве римском и византийском. Имущество семейнородовой общины состояло в общем владении всех членов общины. Отдельные члены этой общины пользовались отдельными угодьями или частями семейнородового имущества. В случае смерти одного из членов «большой семьи», даже самого главы семьи, происходил лишь передел или перераспределение имущества между оставшимися.

По мере выделения семьи в тесном смысле из родовой общины, а равно и по мере юридического оформления семьи под влиянием норм византийского права создается почва для перенесения на Русь и византийских понятий о наследовании. На примере Русской Правды мы можем наблюдать проникновение византийских норм в русское право наследования и известное приспособление византийских понятий к русской действительности.

Византийское право проводило различие между наследованием по завещанию и наследованием по закону. Согласно этому и в Русской Правде упоминается

«ряд» (завещание), и от наследования по завещанию отличается наследование по закону.

Но по существу, как подметил правильно Владимирский-Буданов, между двумя этими формами наследования в Русской Правде нет коренной разницы. «Ряд» Русской Правды есть лишь распределение имущества между естественными наследниками. С другой стороны, в случае, если наследодатель умрет без «ряду», имущество должно, согласно Русской Правде, быть распределено в том же духе, каков мог предполагаться «ряд».

«Аще кто умираа разделит дом детем своим, на том же стояти; паки ли без ряду умрет, то всем детем, а на самого часть дати по души» (III, 102). Следует иметь в виду, что под детьми здесь явным образом подразумеваются лишь сыновья.

Если нет сыновей, то наследуют дочери (III, 101). О наследовании боковых в Русской Правде прямо не говорится. В ученой литературе существуют по этому вопросу противоречивые мнения 239).

Вдова после мужа не наследует всего имущества, а лишь получает назад приданое (III, 103). Если после смерти остаются дети, мать распоряжается имуществом на правах главы семьи; в случае распадения семьи (отделение взрослых сыновей), мать получает особый удел (III, 103 и 111). О правах бездетной вдовы в Русской Правде не говорится. Выше отмеченные нормы применялись к свободным и вполне правоспособным слоям общества — боярам и людям. Право наследования смердов было ограничено. Если смерд умирал без сыновей, имущество шло князю. Замужние дочери не получали ничего; незамужние могли притязать лишь на свою «часть» (III, 100).

---

239) В. Н. Никольский в своей книге «О началах наследования по русскому праву» (1859) толковал соответственные статьи Русской Правды в том смысле, что наследование боковых древнерусскому праву было известно.

Переходя к более позднему периоду — XIV—XV вв. — видим более разработанное наследственное право. Разница между наследованием по закону и наследованием по завещанию становится уже гораздо более явственна.

Согласно Псковской Судной Грамоте завещание, для полной силы, должно быть письменным (оно и называется «рукописанием») и кроме того должно быть укреплено — положено в «ларь» (архив) Св. Троицы. (ПСГ, 14). При наличии укрепленного в городском архиве завещания отвергаются все притязания к наследникам от кредиторов покойного наследодателя, если они не могут быть подтверждены ничем иным как неформальными актами («досками»).

С другой стороны однако, естественные наследники умершего (отец, мать, сестра «или кто ближнего племени») могут и без формальной записи требовать движимое имущество покойного, если им владеет посторонний (ПСГ, 15).

Как видим, Псковская Судная Грамота определенно признает наследование боковых («ближнего племени» в ст. 15 или «иного племени» в ст. 90).

Вдова по Псковской Грамоте получает после смерти мужа назад свое приданое, а также имеет право пользования имуществом покойного мужа если не выйдет вновь замуж (ст. 91 и 89). Мужнино платье вдова должна отдать его отцу или братьям, если таковые имеются, но ей предоставляется отдать по совести: принуждать ее к присяге (что она всё отдала) родственники мужа не могут. То же правило применяется и по отношению к мужу, если жена умрет раньше. Муж должен отдать женины платья матери или сестрам покойной жены, но также по совести — без принуждения к присяге (ст. 90).

По сохранившимся завещаниям московских князей и бояр XIV—XV вв. видно, что на Москве в эту эпоху завещателю предоставлялась значительная свобода в распоряжении имуществом. Нередки случаи завеща-

ния мужем жене земельных имуществ, иногда лишь «примыслов» покойного (как в завещании Дмитрия Донского 1389 г.), а иногда — в особенности при отсутствии детей — и наследственных вотчин. Последнее было согласно с византийским «Прохирооном» (IX в.), вошедшим в Русскую Кормчую под именем «Закона Градского» (Гражданского Уложения).

§ 6. *Вещное право.*

Своеобразие древнерусского юридического быта и правового сознания в полной мере сказываются и в отношении вещного права. В римском праве, а также в праве буржуазного государства XIX—XX вв., право лица на вещь, т. е. право лица владеть, пользоваться и распоряжаться «вещью» [240]), приняло отчетливый логический характер. Законченным выражением вещного права является право частной собственности.

В настоящее время система частной собственности переживает тяжелый кризис не только в Советском Союзе, но почти в целом мире. Исход кризиса предсказать трудно, но во всяком случае ясно, что на месте римских понятий вещного права постепенно воздвигается новая система ограниченных личных прав на многие категории «вещей» (функциональная собственность). В виду этого многие институты древнерусского вещного права становятся нашему поколению понятнее и яснее, чем они казались историкам и социологам XIX века.

Подобно тому, как это мы замечали по отношению к другим сторонам юридического быта древней Руси, и в отношении вещных прав наблюдается разница между «обычаем» и «законом». Точно также и в самом

240) «Вещью в юридическом смысле называется предмет природы, подлежащий частному обладанию лица» (Владимирский-Буданов, 509).

«обычном» вещном праве можно различать противоречивые тенденции. И в этой области лишь постепенно понятия римско-византийского права видоизменяют, а отчасти и вытесняют прежний порядок.

В древнеславянском и древнерусском семейнородовом укладе вещные права лица играют весьма ограниченную роль. Имущество, которым владеет семейнородовая община, принадлежит общине в целом. Община, как целое, и распоряжается этим имуществом. Отдельные члены семьи или рода могут получать лишь во временное пользование отдельные части общего имущества. Лишь на некоторые личным трудом приобретенные предметы движимого имущества — в особенности одежду — признаются частные права членов семьи или рода.

С образованием более широких общественных союзов — земских и городских общин — права отдельных членов союза получают более отчетливый характер, но всё же ограничиваются союзом в большей или меньшей степени. Древняя Русь не знала общинного передельного землепользования того типа, который развился в XVII—XVIII вв. Однако, во многих случаях распоряжалась землей община («волость»), а отдельные члены общины имели лишь условное право владения своим участком.

С установлением княжескодружинного политического быта появляется новый принцип землевладения — вотчинного. Однако личный характер вотчинных прав до известной степени ограничивается притязаниями рода. Право родового выкупа боярских вотчин играет значительную роль еще в XVI и даже в XVII веках.

Принятие христианства ведет к установлению нового типа имуществ — церковных и монастырских. Мы видели уже 241), что в древнерусском правосознании носителем права собственности на эти имущества яв-

---

241) См. выше, § 3.

лались святые, во имя которых построена была церковь или монастырь.

Противоречия вещных прав древней Руси постепенно сглаживаются с проникновением начал римско-византийского права. Князья и бояре, церкви и монастыри сумели использовать раньше и больше других общественных групп римско-византийские правовые понятия в отношении собственности на имущества. Однако мало по малу начала эти проникают и в общее правосознание.

Влияние римского права в чистом виде сказывается более определенно в Западной Руси, где для обозначения «вещи» в юридическом смысле создается термин «речь» — переложение латинского res.

Сопоставляя данные Русской Правды, Псковской Судной Грамоты и Литовского Статута 1529 г. [242]), видим, что понятия римско-византийского вещного права проникли на Русь довольно глубоко. Сохранившиеся — для древнего периода лишь в очень небольшом количестве — акты юридического быта, как-то духовные и купчие грамоты — свидетельствуют о том, что статьи юридических сборников не были лишь отвлеченными принципами, а воплотились и в живой юридический быт.

Наиболее широко установились понятия права собственности на имущества движимые. К движимым имуществам в древней Руси могли относиться и люди — челядь, холопы. Господин («государь») имел полное право собственности на холопа или рабу. Другие виды движимого имущества — скот, одежда, оружие, продукты земледелия и промыслов (зерно, шкуры, мед и т. д.).

Движимое имущество приобреталось покупкою, на-

---

242) Литовский Статут 1529 г. в значительной степени лишь систематизировал более раннее право Западной Руси, почему в известной мере им можно пользоваться и для истории права древнего периода.

следствием, прямым захватом (военная добыча), собственным производством (продукты ремесла). Что касается холопства, то Русская Правда перечисляет три источника его: покупка холопа (или продажа человеком самого себя в холопство); женитьба на рабе без особого условия (ряда); поступление на частную службу без условия («ряда») (III, 117). К этому следует прибавить еще военный захват: пленные обычно обращались в холопство. Вспомним «Слово о Полку Игореве»: в случае победы русских над половцами «была бы чага (раба) по ногате, а кащей (раб-обозник) по резане» [243].

Что касается покупки холопов, то следует иметь в виду, что отношения близкие к холопству могли возникать в древней Руси не только в результате договора купли-продажи, но также и некоторых других институтов обязательственного права, в особенности найма и займа. Этим путем в Киевскую эпоху создался класс «закупов», а в Московскую — класс «кабальных холопов» и служилых кабальных людей.

Явление, характерное для древнерусского и вообще «средневекового» обязательственного права, когда право на услуги или имущество другого лица имело тенденцию переходить в право вещное на это лицо. Об этом подробнее будет сказано в следующем параграфе.

Переходим теперь к имуществам недвижимым. Вопрос о праве собственности на землю в древней Руси весьма сложен. Именно в этом отношении особенно часто встречается та множественность прав на одно и то же имущество, о которой уже упоминалось выше [244].

В особенности сложен вопрос о смешении публичных и частных прав на землю. Князь древней Руси был не только государем в политическом смысле, но также и крупным вотчинником. Боярин был часто так-

---

243) Ср. выше, гл. I, § 2.

244) Ср. § 3. этой главы и начало настоящего параграфа.

же крупным вотчинником и имел сверх того и публичные права над населением своей вотчины.

С установлением монгольского владычества верховным собственником всей земли теоретически сделался хан. Позже, полнота прав хана перешла на великого князя. Фактически, московский великий князь долгое время не мог распространить свою власть на земли боярские. Но тогда как в Киевскую эпоху из земель свободного сельского населения лишь земли смердов считались княжими, в Московский период все волостные земли постепенно стали «черными» (казенными) и начали рассматриваться как достояние великого князя — носителя государственных прав.

Так создалась сложная совместность на земли свободного сельского населения: на одно и то же имущество совмещались права великого князя, волости, отдельных семей и домохозяев.

Что касается боярских земель, великий князь начал постепенно выдвигать на них свои притязания окружным путем — путем создания т. наз. «поместной» системы, раздачи земли в условное владение, за службу. Полное развитие поместная система получила в конце XV и XVI в., но зародилась она еще в монгольский период.

Имеется грамота — правда дошедшая в поздней копии и потому ставимая под сомнение — об отводе в 1257 г. великим князем Рязанским Ольгом Ингваричем поля на реке Проне Ивану Шаину (родоначальнику Измайловых линии «племени ханска») на том основании, что он «воин добр». Из грамоты видно, что этот Иван Шаин («породы ханской») прежде своего прихода в Рязань был посажен Батыем в Черниговщине в качестве служилого «владетеля» [245]). Далее известен несомненный факт об отдаче земли в по-

---

245) Акты Юшкова, №№ 1 и 180, ЧОИД, кн. 185 и 186 (1898, II и III).

местье (без упоминания самого термина) Иваном Калитою некоему Борису Воркову: «А что есмь купил село в Ростове Богородичское, а дал есмь Борискy Воркову, аже иметь сыну моему которому служити, село будет за ним; не иметь ли служити детем моим, село отонмуть» 246).

Имея верховные права на значительную территорию князь древней Руси во многих случаях владел определенным имением и на праве частной собственности. Еще у княгини Ольги, как мы видели, были свои города и села, свои звериные и птичьи ловы.

Во многих случаях князь имел доли или части в имении княжеского рода. В киевскую эпоху часть среднего Приднепровья (Русская земля в собственном смысле) считалась преимущественным достоянием княжеского рода и каждый князь помимо своих владений претендовал на часть в этом достоянии, получая какой-либо город или село.

В северовосточной Руси, при обособлении отдельных княжеских ветвей, великий князь обычно делил свою землю на доли между сыновьями, признавая права каждого, помимо данного ему удела, и на имущество в столичном городе княжества.

Бояре часто владели землей на правах полной собственности, но права́ лица на наследственную вотчину были до некоторой степени ограничены правами рода. Еще в XV и XVI вв. родичи сохраняли право выкупа родового имения в случае его продажи или завещания помимо рода. По отношению к вотчинам приобретенным («примыслам») как князь, так и бояри имел однако неограниченное право распоряжения.

На праве полной частной собственности владели землями в древней Руси церкви и монастыри, но здесь не могло быть речи о собственности личной (теорети-

246) Из второй духовной Ивана Калиты, 1328 г. (по изданию Владимирского-Буданова).

чески, как мы видели, собственником было лицо святого, во имя которого воздвигнута была церковь).

Переходим теперь к приобретению прав на недвижимое имущество. Так как в основе русского исторического процесса лежит факт колонизации восточными славянами евразийских равнин, то исторически основным способом приобретения земли была трудовая занимка, освоение дикого участка. Расселяясь по просторам доуральской России, восточно-славянские племена и родовые общины постепенно осваяли себе удобные для хозяйства земли и угодья.

Земли занятая каждою родовою или семейнородовою общиною, становилась с течением собственностью каждой такой общины. Распахивалось поле, выжигался лес, если он нужен был под посев, метились грани на деревьях для обозначения бортных ухожаев или ловов и т. д. По мере стабилизации племен, владения каждого рода или семейнородовой общины должны были так или иначе быть подтверждены авторитетом племенного собрания или совета старейшин.

Подобным же порядком по мере продвижения русского племени на восток, занимались земли казачьими и крестьянскими артелями, ватагами и общинами. На Дону в XVII веке земля считалась собственностью всего войска. Отдельные артели казаков или отдельные казаки пользовались облюбованными участками для пастбищ и сенокосов. Позже началось выделение из войсковой земли станичных участков, а затем и участков отдельных казаков.

В крестьянских порядных XV—XVII веков обычное определение границ занимаемой земли — «куда топор, соха и коса ходила».

С установлением княжеско-дружинного строя, выделяются большие имения в собственность князей и бояр. Церкви и монастыри получают от князей земли в дар. Появляется потребность в обеспечении владения жалованными и дарственными грамотами.

Проникновение римсковизантийских правовых понятий способствует вовлечению земли в торговый оборот. Земля становится предметом купли-продажи. С течением времени купчие на землю стали укрепляться в княжеских или городских архивах. Земля становится предметом и наследства.

§ 7. *Обязательственное право.*

Обязательство, согласно определениям римсковизантийского права, есть юридическая связь (juris vinculum), в силу которой одно лицо (кредитор) имеет право требовать от другого (должника) исполнения какого-либо действия.

Подобное определение обязательства не сходится с исконными понятиями древне-русского обычного права. По этим последним обязательство влекло за собою право не только на действия лица, а на само лицо. Обязательственное право древней Руси до некоторой степени сливалось таким образом с правом вещным.

Как и во многих других отношениях, русское писаное право древнего периода, создавшееся под византийским влиянием, представляет и в вопросе об обязательствах известный компромисс между началами права обычного и началами права римсковизантийского. Позже, в монгольский период, на восточнорусское (московское) право наложило свой отпечаток правосознание турецкомонгольское, основанное на праве турецких и монгольских народов, проникнутом началами строгой подчиненности лица интересам рода, племени, хана.

Отсюда происходит особый характер многих институтов древнерусского обязательственного права, подчас примыкающих весьма тесно к институтам права вещного. Некоторые черты древнерусских правовых воззрений были восприняты и законодательством Им-

перик. Не случайно в Своде Законов Гражданских купля-продажа отнесена не к договорам, а к способам приобретения имущества [247]. Составитель Свода Законов Сперанский (1772—1839), приравнивал русскую купчую крепость к римской traditio simbolica. «Процесс по ней не принадлежит к исковым процессам, но к вотчинным или крепостным (vindicatio)». Основываясь на мнении Сперанского, Победоносцев также считал, что по русскому праву купля-продажа не договор, а действие, которым одна сторона передает другой вещь за определенную цену [248].

В древнейшее время на Руси при продаже недвижимости употреблялся символ передачи продавцом покупателю куска дерна, вырезанного из продаваемой земли [249]. Отсюда произошло выражение, сохранившееся в русских купчих и позднейшего времени: «продать в дернь» или «продать одерень». В русских купчих XIII—XVII веков передача земельной собственности вместо дерна символизуется путем так называемого «пополонка» или придачи. Сделка не считается законченной при уплате условленной цены. Только придача («пополнок») завершала сделку [250].

Так, волынский князь Владимир Василькович в своем завещании упоминает, что за одно из купленных им сел он дал 50 гривен куи деньгами, а также пять локтей скарлата и броню (Ип. 1287) [251]. В сохра-

247) СЗ, X—1, кн. III, разд. III, гл. II.

248) К. П. Победоносцев, Курс гражданского права, I, (1896), 315 сл.

249) Такой же символ существовал и в саксонском обычном праве.

250) О пополонке см. Павлов-Сильванский, 449-451; А. В. Соловьев, Особенность договора продажи недвижимостей в славянском праве. (Przewodnik Historiczno-parwny, II, 1931); М. В. Шахматов, Купчие грамоты Московской Руси (ЗРНИБ, 3, 1931, стр. 215).

251) Это повидимому наиболее раннее упоминание обычая пополонка (без употребления самого термина).

нившихся купчих Двинской земли XV века, а равно и в московских купчих XIV—XVII в. постоянно упоминается о пополонке. Если основная цена за землю дается обычно деньгами, то в виде пополонка дается часто скот, птица, зерно, одежда. «И да Константине и его братья на той земли 3 рубли, а свинью пополонка». «Дали два рубля, а овцу пополонка». По одной из двинских купчих в качестве пополонка дается «два сугреба железа».

Во многих случаях купля-продажа недвижимости совершалась в древней Руси с правами обратного выкупа (по отношению к боярским родовым вотчинам родичи имели право обратного выкупа и независимо от условий упомянутых в самой купчей).

С другой стороны, при залоге недвижимости, залогопринимать получал имение с широкими правами владения и пользования, а в некоторых случаях и с правами распоряжения. Таким образом в сущности залог и купля-продажа недвижимостей в древней Руси в значительной степени между собою сближались.

Переходим к договору *найма недвижимых имуществ*. Наиболее распространенный вид найма земли в древней Руси может быть, с оговорками, приравнен к позднейшей крестьянской аренде. В эпоху Русской Правды земля сдавалась вотчинником земледельцу со скотом и орудием (конь, плуг, борона). Так как обычно к этому присоединялся еще и заем денег, то договор был чрезвычайно осложнен и вел обыкновенно к потере нанимателем личной свободы (ролейное закупничество) [252].

По Псковской Судной Грамоте наем земельного или водного участка (последний — для рыболовства) представлял собою самостоятельный договор, но обычно с ним соединялся и добавочный договор о «покрутe», который также осложнял наем имущества личны-

252) См. ниже, о займе.

ми отношениями (См. ПСГ, ст. 42-44, 51, 63, 76, 93).

Наем помещения (квартиры) также влек за собою некоторую личную зависимость нанимателя («подсуседника») от хозяина («государя»). Плата за помещение обычно повидимому погашалась работою на хозяина (ПСГ, ст. 103).

В виду сказанного, нет ничего удивительного, что и *личный наем* (наем в услужение) обычно вел в древней Руси также к потере или ограничению свободы нанимающегося. Мы видели, что по Русской Правде наем в услужение без «ряда» (условия) прямо вел к холопству. Подобная же практика установилась и в Московском великом княжестве.

Наоборот, Псковское городское право представляет совершенно другую картину. Псковская Судная Грамота заботливо охраняет права «наймита» (наемного рабочего). Наймит имеет право иска против господина в случае задержания заработной платы. Если наймит даже не дослужил условленного срока, он имеет право на заработную плату по расчету прослуженного времени. Наймит имеет право искать заработную плату даже без формального условия, а простым заявлением («в заклич»); но в этом случае он может искать платы только за последний год службы (ПСГ, ст. 39 и 40).

Предметом *займа* в древней Руси могли быть не только деньги, но и всякое имущество, напр мед или зерно (жито). Жито давалось «в присоп»: кредитор давал хлеб, насыпая меру не выше краев; при возвращении же займа должник насыпал выше краев, сколько мера удержит над краями. При годичном займе вряд ли додача составляла 10 проц. Деньги (куны) давались «в рост». Высота годичного роста вероятно не превышала 20 проц. [253]).

Институт займа имел большое социальное значение

253) См. выше, гл. I, § 7.

в древней Руси. Значение это было особенно велико для купечества и для крестьянства. Социальные последствия были противоположны в этих двух случаях. В то время, как для купечества, в целом, пользование кредитом было благодетельно и способствовало развитию торговых операций, для крестьян получение займа от вотчинника влекло обычно к закабалению. Причины разницы лежат разумеется в том, что купец имел больше шансов не только вернуть взятую сумму, но еще и на этом нажить, тогда как крестьянин в лучшем случае мог надеяться лишь исподволь вернуть долг, а обычно принужден был отсрочивать и пересрочивать заем уплатою процентов.

При несостоятельности купца, имущество его продавалось на торгу (РП, III, 67), при чем прежде всего удовлетворялись претензии кредиторов-иноземцев (РП, III, 67 и Смоленский договор с немцами, ст. 10). Купец-банкрут исключался из купеческой общины и становился неполноправным человеком (изгоем). Тяжелее была доля крестьянина или рабочего при неуплате займа. Его ждало ограничение свободы. Таким образом по отношению к низшим разрядам сельского населения договор займа (или вернее его неисполнение) вел в древней Руси к созданию класса полусвободных (закупов).

Закупничество Киевской Руси представляло собою повидимому соединение договоров займа, найма земли и личного найма. При неисполнении этих договоров право господина («государя») на услуги работника превращалось в право на самое лицо его.

В монгольский период, под влиянием уйгурского права, создается новый вид условного холопства: холопство кабальное. Кабальное холопство состояло в том, что должник должен был работать на государя за проценты. Отдать самый долг ему очевидно уже не представлялось никакой возможности. Кабальное холопство первоначально не было однако наследствен-

ным: работа продолжалась до смерти господина или до смерти кабального холопа (не переходя на его детей [254]).

§ 8. Суд.

Рассматривая основы древнерусского правосознания [255]), мы отметили широту взглядов древнерусского человека на право. Мы видели, что право в представлении древнерусского человека тесно связано было с религией и моралью. Это не мешало постепенной выработке на Руси понятий о правопорядке в более узком, технически-юридическом смысле. В этом смысле понятие о праве выявилось в древней Руси, как это было и у других народов, главным образом в процессе защиты права.

Толчком для оформления идеи правопорядка является таким образом правонарушение. Исходным моментом для развития общественного правосознания служит развитие представлений о нанесенном вреде не только с точки зрения личного убытка, но и с точки зрения ущерба для справедливости. Круг лиц, охваченных понятием правопорядка, может быть первоначально очень узок. Единицею правопорядка, и притом весьма замкнутою, может быть семья, род, община родовая или община соседей. Это единицы органического роста правопорядка, так сказать снизу. Другой путь утверждения правопорядка — сверху — авторитетом владельца вотчины, государя, Церкви.

В древнейшем русском судебном праве видим скрещение обоих этих путей. Власть восстановлять нарушенное право рождается во многих случаях в кругу семьи, рода, общины. Постепенно однако все больше проявляется власть государства, Церкви.

---

254) Ср. выше, гл. II, § 8.

255) См. выше, § 1.

Власть главы семьи, рода, — власть домовладыки — является зародышем власти вотчинной. Государю вотчины, боярину, землевладельцу подчиняются в судебном отношении не только члены семьи, но и прочие домочадцы, зависимые люди, живущие в доме боярина или на земле его, холопы, крестьяне.

Судебная власть древнерусской семьи или рода была признаваема даже в международных договорах древнего периода. В договоре князя Игоря с Византией 945 года говорится между прочим: «Аще убьеть Христеянин Русина или Русин Христеянина, да держим будеть сотворивый убийство от ближних убиенного, да убьют и (его)».

На развитие вотчинной власти боярина (землевладельца) указывают источники начиная с XI века. Земли жалуются князьями боярам и монастырям «с вирами и продажами», т. е. с правом уголовного суда [256]). На судебную власть общины и её представителей — «добрых людей» — указывают несколько статей Русской Правды (III, 4 и 5; ср. I, 15).

На все это разнообразие судебных властей семейных, общинных, вотчинных, наложен был сверху судебный авторитет государства и Церкви. Судебная власть князя — одна из основных его функций, как это видно и по Русской Правде. Владимир Мономах в своем поучении детям приказывает им каждый день «людей оправливати» — производить суд и разбирать дела. По словам Печерского игумена Поликарпа основное назначение князя «правду деяти на сем свете, в правду суд судити». (Ип. 1168 г.).

Князь судит не только лично, но и через поставленных им властей (посадников, тиунов). Они действуют однако авторитетом князя и от его имени. Место

256) Это выражение встречается напр., в жалованной грамоте в. кн. Мстислава и сына его Всеволода Юрьеву монастырю (1130 г.). О терминах «вира» и «продажа» см. ниже, § 9.

суда — судебное присутствие — есть «княж двор», хотя бы князь судил и не лично.

Церковный суд вводится с принятием христианства. Первоначальная организация его на Руси связана с Церковным Уставом кн. Владимира (1006). Церковному суду подведомственны были прежде всего лица причастные к клиру — игумен, поп, дьякон, дети их, «попадья и кто в клиросе», игуменья, чернец, черница, проскурница, затем также лица, находившиеся под особым покровительством церкви: паломник, «лечец» (доктор в монастырской больнице), прощенник, задушный человек, странник, слепец, хромец и т. д. [257]). По некоторому разряду дел были подведомственны церковному суду и лица, не принадлежавшие к составу клира и не находившиеся под особым попечением Церкви. Так, церковному суду подведомственны были бракоразводные дела, тяжбы между мужем и женой, а также некоторые дела о наследстве.

Значительное развитие получили в древней Руси судебные учреждения городских общин, в особенности Новгорода и Пскова. Высшей инстанцией было вече. В Новгороде существовал принцип разделения подсудности между органами суда княжеского и суда вечевого. Главные органы вечевого суда — суд посадника и тысяцкого. Посадник ведал в Новгороде преимущественно дела по тяжбам о земельной собственности. Тысяцкий ведал «дела торговые, гостинные и суд торговый». Во Пскове в каждом случае сотрудничали судебные представители князя и веча. Верховный суд города Пскова — «госпóда», состоял из князя, посадника и сотских. Тот же двойственный состав был и в низших судебных учреждениях.

Обращаемся теперь к самому судопроизводству (процессу). Здесь мы также увидим наряду с функциями представителей государства и Церкви налич-

257) Ср. выше, гл. II, § 3.

кость институтов семейного, родового, общинного права.

До половины XI века на Руси было в силе право родовой мести, лишь отчасти регламентированное государственной властью [258]). Следовательно целый род или семья выступал истцом по делам уголовным. С другой стороны, и ответственность за преступление во многих случаях ложилась не на самого преступника только, а на всю его семью или общину, к которой он принадлежал. За убийство не вызванное «виной» убитого, преступник отдавался «на поток и разграбление» вместе с женой и детьми.

Если убийца не бывал обнаружен, отвечала вся община [259]). В виду этого во многих случаях на суд являлись со стороны, как истца, так и ответчика целые толпы семейных, родичей, соседей. На суд лезли «помочью». Судебное разбирательство в некоторых случаях могло обратиться просто в побоище. Побоищами двух сторон оканчивалось иногда и разбирательство судебных дел на новгородском вече. Но это были случаи аномалии, а не правильного судопроизводства.

Государство долгое время не являлось истцом даже в делах уголовных. Государство лишь помогало частному лицу в преследовании преступника. Суд только регулировал и уравнивал средства сторон.

Сторона истца в древнерусском процессе должна была поставить определенное (для разных дел разное) количество «послухов». Послух не был свидетелем в смысле нашего современного судопроизводства (такие свидетели в древней Руси именовались «видоками»). Послух являлся пособником, которого выставляет истец (ответчик также мог выставить своих послухов). Послухи должны были подтвердить всё, что говорила

---

258) См. в этом же § выше цитату из договора 945 г., а также следующий § 9.

259) Ср. ниже, § 9.

выставившая их сторона. При том тождество показаний должно было быть буквальное: «слово противу слова». Иначе послушество теряло свое значение. При таком формальном понимании послушество было как бы испытанием, своего рода судом Божиим [260]). Своеобразною формою суда Божьего была также рота (присяга). Присягать мог и истец и ответчик. Предполагалось, что виновному не дано будет Божеством произнести сложную форму присяги без ошибки (что безусловно требовалось). Об ордалиях — испытаниях водой и железом — было уже сказано выше [261]).

Что касается судебного поединка («поля»), то таковой не был известен русскому процессу в эпоху Русской Правды. Судебный поединок появился у нас позже под влиянием немецкого права и прежде всего в городах северозападной Руси, имевших тесные торговые сношения с немцами [262]). Первое упоминание о судебном поединке в памятниках русского права встречаем в Смоленском договоре с немцами 1229 г. По Псковской Судной Грамоте судебный поединок уже является одним из установленных институтов процессуального права. Любопытно, что и в пределах земель Византийской империи судебный поединок, неизвестный византийскому праву, появляется лишь с XIII в. под влиянием «франкского» права (крестоносцев).

Церковь, воспитанная в византийских традициях и исходя из начал христианской любви, относилась к обычаю судебного поединка отрицательно. Митрополит Фотий в грамоте к новгородцам 1410 г. писал: «позванному на поле и потом явившемуся к священнику не давать св. Причащения и целовать крест, подобно псу; который же священник удостоит его Божественных таинств, то он за сие лишается сана».

Пытка также древнерусским законодательством не

260) См. выше, § 1.
261) См. выше, § 1.
262) См. выше, § 2.

применялась. Первое упоминание о «дыбе», но только как о немецком обычае, имеется в Смоленском договоре с немцами 1229 года, при чем оговорено, что русские граждане даже и в немецких городах не могут «дыбе» подлежать [263]).

§ 9. Уголовное право.

Исходными моментами русского уголовного права являются сперва регулирование, затем отмена родовой мести за убийство. Месть эта регулирована в Русской Правде князя Ярослава (1019). В статье 1-й этой Правды (список Академический) перечислен круг ближайших родичей, которым предписано мстить за убитого.

Характерен факт, что месть законом не только была разрешена, но предписана. Здесь явно видно уже зарождение уголовного права, как общественного (или государственного) наказания за убийство, которое не рассматривается больше, как дело, касающееся лишь семьи или рода убитого, но как вред, нанесенный всему обществу или государству.

В этом можно видеть отчасти уже влияние византийского уголовного права (в договоре Игоря с греками 945 года также предписывается, чтобы «ближние убиенного» убили преступника). С этим можно сопоставить летописный рассказ о том, что Владимир Святой, под влиянием воспринятой им евангельской проповеди, перестал казнить за преступления. Тогда епископы, как представители закона не только Божеского, но и человеческого, потребовали от него, чтобы

263) Ср. выше, § 2 и ниже, § 9. Пытка известна в германском праве с древнейших времен, но сначала применялась только к рабам, с XIII—XIV вв. пытка, как способ судопроизводства вводится в романогерманских странах повсеместно.

он казнил преступников, угрожая ему Страшным Судом [264]).

После смерти Ярослава (1054) постановлением его старших трех сыновей и их старших дружинников родовая месть была отменена и заменена денежными штрафами, различными по величине в зависимости от общественного положения, которое занимал убитый (*РП*, I, 19 слл.; ср. II, А 2).

Денежные штрафы были двух родов: уголовные — в пользу князя, как представителя общественной власти — и частные — вознаграждение семье убитого. Штраф в пользу князя или общества («людей») назывался вирою. Частное вознаграждение в пользу родичей убитого (после отмены кровной мести) называлось головничеством [265]).

Высота виры была в Русской Правде точно определена: 80 гривен за убийство высшего дружинника или княжеского сановника, 40 гривен за убийство человека среднего класса («людина», купца и т. д.) или дружинника среднего разряда. За убийство ремесленника полагалась вира в 12 гривен, за убийство смерда или холопа — 5 гривен [266]).

В случае, если убийство было не предумышленным, то вира взыскивалась не лично с убийцы, а с целой общины, к которой убийца принадлежал. Община же должна была платить виру в случае, если преступник

---

264) Возможно, впрочем, что этот рассказ — позднейшая вставка в текст Начальной Летописи.

265) Система уголовных денежных штрафов (композиций) известна была и средневековому германскому праву. В салическом праве денежный штраф был двух родов: 40 марок за убийство и другие тяжелые преступления и 3 марки за мелкие провинности. См. C. L. von Bar, A History of continental criminal law (Boston, 1916), 132 слл. Ср. в Русской Правде 40 гривен, как основной размер виры и 3 гривны, как средний размер продажи.

266) В последнем случае имелось в виду убийство холопа не владельцем («государем») его, а лицом посторонним.

оставался неразысканным (т. е. предполагалось, что община покрывала преступника). Это так называемая «дикая» или «людская» вира [267]. Таким образом в уголовном праве эпохи Русской Правды существовала круговая порука [268].

Почти наравне с наказанием за убийство Русская Правда карала за тяжкие увечья. Увечный (лишенный руки или ноги) становился неспособным себя защищать при условиях тогдашней жизни, отсюда и понятна точка зрения законодателя (по Ярославовой Правде за тяжкое увечье взимается с виновного полная вира).

Помимо убийства и тяжкого увечья, Русская Правда признает преступлениями («обидою») также нанесение побоев, ран и пр. При этом за некоторые, казалось бы более легкие преступления полагается кара более тяжелая. Например, за отнятие пальца полагался штраф в 3 гривны, а за вырванный ус 12 гривен. Здесь очевидно учитывался психический мотив — оскорбления чести. Усы и борода в древней Руси служили символом мужества. На том же основании удар мечом необнаженным влек за собою больший штраф, чем за удар обнаженным мечом, хотя конечно вред от второго действия мог быть гораздо больше. Следует иметь в виду, что штрафы, налагаемые за эти преступления, также бывали двух родов. Уголовный штраф назывался продажею, а вознаграждение потерпевшему — уроком.

Переходим теперь к имущественным преступлениям. Главное из них, по Русской Правде, есть воровство («татьба»). В соотношении с ценностью украденного

---

267) «Дикая вира» может быть значило «серая вира». В XVIII веке в русском языке употреблялось слово «дикой» в значении «серый». Ср. также мою заметку в SVPS, XXIV (1924).

268) Круговая порука не была однако обязательна. Можно было не «вкладываться» в дикую виру. Ср. выше, гл. II, § 2.

все виды татьбы разделены на три разряда. К высшему разряду (12 гривен продажи) отнесен был увод холопа («челядинный извод»), а также и кража бобра. Средний размер продажи (три гривны) полагался за кражу рогатого скота, пчел, охотничьих собак и птиц. Низший размер продажи определен был в 60 куи.

Однако Русская Правда учитывала не только материальный вред от татьбы. Принималась во внимание и степень злой воли преступника. Так, кража скота из хлева каралась повышенною продажею по сравнению с кражею скота в поле. Точно также делалось различие между случайным преступником, похитившим лошадь, и профессиональным конокрадом («коневый тать»). Первый платил продажу; второй выдавался князю «на поток и разграбление».

Как в общей систематичности расположения уголовных норм Русской Правды, так и в некоторых деталях отдельных норм можно проследить влияние норм византийского права. При этом нужно заметить, что Русская Правда избегает телесных наказаний и членовредительства (весьма излюбленных византийскими юристами), и как заметил еще Ключевский, переплачет на деньги византийские телесные кары, сохраняя цифровые соотношения.

В общем можно сказать, что русское право домонгольского периода колеблется между следующими двумя принципами: признание уголовного характера преступления и взгляд на преступление только как на вред, причиненный преступлением частному лицу или семье. Двойственность наблюдается и в праве монгольского периода, но первый принцип (признание уголовного характера преступления) понемногу усиливается, особенно в праве Руси Восточной.

В монгольский период в систему наказаний в Северной Руси вводится смертная казнь, Русской Правде неизвестная. Так, по Двинской Судной Грамоте (1397), уличенного в третий раз татя полагается повесить. Всякого татя вообще положено «пятнить»

(клеймить). Псковская Судная Грамота также определяет казнить уличенного в третий раз татя. Кроме того, по Псковской Грамоте подлежат смертной казни конокрады, поджигатели и шпионы («переветники»).

Под влиянием немецкого права в Псковской Судной Грамоте появляется наказание «дыбой» (ст. 58). «Дыба» назначалась за оскорбление судебных властей. «Дыба» Псковской Судной Грамоты представляла собою повидимому колодку с отверстиями для рук и ног преступника. В эту колодку преступника «сажали» или запирали. «Дыба» считалась более тяжелым наказанием, чем простое тюремное заключение. Но и последнее могло быть очень тяжелым. «Погреб» иногда бывал слишком тесен для количества в нем заключенных [269]).

§ 10. Юридическая культура древней Руси.

При тесной связи понятий о праве с понятиями веры и философской морали в древней Руси, юридическая образованность сливалась тесно с общей религиозно-философской подготовкой [270]).

Наиболее образованным в религиозно-философском отношении слоем общества было конечно духовенство. В виду этого можно думать, что в развитии юридической образованности древней Руси значительную роль должны были играть представители Церкви. Несомненно во всяком случае, что уже в эпоху Русской Правды на Руси существовали образованные юристы в бо-

---

269) Ср. выше о судьбе новгородских купцов, арестованных вел. кн. Ярославом суздальским в 1216 г. (гл. I, § 6).

270) В настоящее время нельзя уже отрицать (как это сплошь да рядом делалось раньше), что в древнерусском обществе существовал значительный интерес к философии. См. Шахматов и Чижевский, «Платон в древней Руси», ЗРИОН, II, 1925, 49 слл. Об этом будет говориться во втором выпуске I тома.

лее тесном смысле, достигшие значительной высоты в смысле юридической техники.

Следует иметь в виду, что некоторые памятники византийского права (императорские постановления, касавшиеся Церкви, также Эклога и Прохирон) имелись в славянском переводе. Однако на Руси были лозеди, владевшие греческим языком (преимущественно среди духовенства), и следует предполагать, что некоторые из русских юристов (как, напр. редактор или редакторы пространной Русской Правды) знакомы были с византийским правом вообще. Вполне вероятно, что в Москве имелась греческая копия Царских Книг (Василик) и великокняжеские юристы ею пользовались.

В Западной Руси XIV—XV вв. в связи с влиянием польско-литовской государственности распространилось знание латинского языка и нет сомнения, что западно-русские юристы этого времени были знакомы с римским правом. Редакторы Литовских Статутов были несомненно первоклассными и высокообразованными юристами.

Юридическая образованность древней Руси возрастала главным образом под сенью трех учреждений: Церкви, княжого двора и городского веча.

Церковь воспитывала юристов в первую очередь для нужд церковного суда, но влияние церковных юристов сказывалось и в гораздо более широкой сфере. Священники-юристы давали советы и княжеской канцелярии и городскому вечу.

Юридические нужды княжого двора должны были со своей стороны растить опытных юристов-практиков. Во многих случаях сам князь и некоторые из его советников-дружинников и бояр разбирались весьма хорошо в сложных юридических вопросах. Не забудем, что Ярославова Правда была пересмотрена советом трех сыновей Ярослава и трех старших дружинников — по одному из дружины каждого князя.

Редактировались законы конечно не самими князьями или боярами, а секретарями княжой канцелярии — позже получившими название дьяков. Этим книжным юристам вероятно принадлежала значительная роль в составлении замечательных юридических сборников XIII—XIV веков (известных отчасти под именем Мерила Праведного) [271]. Позже из этой же среды вышел такой крупный юрист, как Владимир Гусев, составитель Московского Судебника 1497 г.

Опытные юристы имелись в распоряжении городских общин — Новгорода, Пскова, Смоленска. В разработке торгового права принимали конечно ближайшее участие представители купечества, непосредственно в этом деле заинтересованного. Как осмотрительно составлялись важнейшие юридические акты древнерусских городских общин, можно видеть на примере Смоленского договора с немцами 1229 г. Условия этого договора были предварительно рассмотрены Смоленскими купцами. Затем Смоленский князь Мстислав Давидович послал двух представителей Смоленска — «лучшего попа Еремея» и «умна мужа Пантелея» в Ригу и на остров Готланд, где выработанный в Смоленске проект договора был обсужден и утвержден представителями Готландского и немецкого купечества. По возвращении Еремея и Пантелея в Смоленск проект был окончательно редактирован двумя лицами: рыцарем Ролфом из Касселя (как представителем немецких интересов) и Смолянином Тумашем Михаленичем [272]. Каждая сторона получила противень до-

---

271) Ср. С. Юшков, К истории древнерусских юридических сборников XIII в. (Саратов, 1921).

272) Михаленич несомненно владел латинским языком, а может быть и немецким. Голубовский в своей «Истории Смоленской земли» (Киев, 1895), стр. 125, считает, что оригинал договора 1229 г. был написан на латинском языке и затем переведен на русский и немецкий. Был ли первоначальный набросок договора написан по-русски или по-латыни, вопрос спорный. Если такой первоначальный набросок договора со-

говора. В результате возник юридический документ, примечательный по своей логичности, деловитости и точному соответствию прав русского купечества правам немецких гостей.

Большое искусство юридической техники обнаружили и редакторы Псковской Судной Грамоты — одного из самых выдающихся памятников юридической мысли своей эпохи (XIV—XV вв.).

ставлен был по-латыни еще в Смоленске перед отъездом Еремея и Пантелея, то написал его конечно Михалевич.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.

ААЭ = Акты Археографической Экспедиции.
АЗР = Акты Западной России.
Аристов = Н. Я. Аристов, Промышленность древней Руси (Спб. 1866).
Владимирский-Буданов = М. Ф. Владимирский-Буданов, Обзор истории русского права, изд. 7-е (Петроград—Киев, 1915).
Гневушев = А. М. Гневушев, Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области, том I (Киев, 1915).
Грушевский = М. С. Грушевський, Історія України-Руси (Киев—Львов).
Довнар-Запольский = М. В. Довнар-Запольский, История русского народного хозяйства, том I. (Киев, 1911).
Дьяконов = М. А. Дьяконов, Очерки общественного и государственного строя древней Руси, изд. 4-е (Спб. 1912).
ЕВ = Евразийский Временник.
ЖМНП = Журнал Министерства Народного Просвещения.
ЗРИОП = Записки Русского Исторического Общества в Праге.

ЗРНИБ = Записки Русского Научного Института в Белграде.
Ип. = Ипатьевская летопись.
КС = Сборник Семинария имени Н. П. Кондакова в Праге.
Костомаров = Н. И. Костомаров, Севернорусские народоправства (Спб. 1863).
Кулишер = И. М. Кулишер, История русского народного хозяйства, том I (М. 1925).
Лавр. = Лаврентьевская летопись.
Начертание = Г. В. Вернадский, Начертание русской истории (Прага, 1927).
НСГ = Новгородская Судная Грамота (цитируется по Христоматии).
Одинец = Д. М. Одинец, Возникновение государственного строя у восточных славян (Париж, 1935).
Опыт = Г. В. Вернадский, Опыт истории Евразии (Берлин, 1934).
Орлов = А. С. Орлов, Библиография русских надписей XI—XV веков (М. — Л., 1936).
Павлов-Сильванский = Н. П. Павлов-Сильванский, Сочинения, том III (Спб. 1910).
ПСГ = Псковская Судная Грамота (цитируется по Христоматии).
ПСРЛ = Полное собрание русских летописей.
РП = Русская Правда (цитируется по изданию Украинской Академии Наук под редакцией С. В. Юшкова).
SVPS = Sbornik ved pravnich a satnich.
СГГД = Собрание государственных грамот и договоров.
СЗ = Свод Законов Российской Империи.
Христоматия = Христоматия по истории русского права, составил М. Ф. Владимирский-Буданов.
ЧОИД = Чтения в Обществе Истории и Древностей при Московском университете.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ВВЕДЕНИЕ . . . . . 5—21

§ 1. Предварительные замечания (5). § 2. Общие предпосылки развития культуры древней Руси (7). § 3. Социальные предпосылки развития древнерусской культуры (10). § 4. Восток и Запад в истории древнерусской культуры (13).

ГЛАВА I. ХОЗЯЙСТВО . . . . . 22—85

§ 1. Страна и население (22). § 2. Использование естественных богатств страны (32). § 3. Земледелие и скотоводство; садоводство и огородничество (36). § 4. Ремесла и обрабатывающая промышленность (45). § 5. Пути сообщения, служба связи (59). § 6. Торговля (69). § 7.

Деньги и кредит (76). § 8. Капитал, хозяйственное водительство, труд (79). § 9. Народный доход (82).

ГЛАВА II. ОБЩЕСТВО . . . . . 86—131

§ 1. Семейнородовое начало в древней Руси (86). § 2. Общинное начало в древней Руси (90). § 3. Дружинное начало в древней Руси. Артели и братства. Церковь в общественном строительстве (94). § 4. Разложение родового и общинного быта и образование общественных классов (99). § 5. Высшие классы древнерусского общества (103). § 6. Средние классы древнерусского общества. Городское население (109). § 7. Сельское население низших разрядов (116). § 8. Холопы (120). § 9. Быт (124).

ГЛАВА III. ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ 132—177

§ 1. Источники и виды власти (132). § 2. Политическая география древней Руси. Вопрос о феодализме (136). § 3. Князь как орган власти. Верховное управление (140). § 4. Вече (144). § 5. Верховный совет (147). § 5. Сейм (151). § 7. Строй управления (154). § 8. Финан-

сы (160). § 9. Войско (164). § 10. Международные сношения и дипломатия (172).

ГЛАВА IV. ПРАВО И СУД . . . 178—225

§ 1. Основы правосознания древнерусского общества (178). § 2. Источники права (186). § 3. Смешение права публичного и частного. Лицо в древнерусском праве (191). § 4. Семейное право (194). § 5. Наследственное право (198). § 6. Вещное право (201). § 7. Обязательственное право (208). § 8. Суд (213). § 9. Уголовное право (218). § 10. Юридическая культура древней Руси (222).

Список сокращений 227